

Джордж Р.Р. Мартин

БИТВА КОРОЛЕЙ

Тот, кто играет в Престолы,
либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает!

Annotation

Джордж Р. Р. Мартин — «живой классик» мировой фантастики, талантливейший из современных мастеров фэнтези, чьи произведения удостоены самых высоких наград жанра.

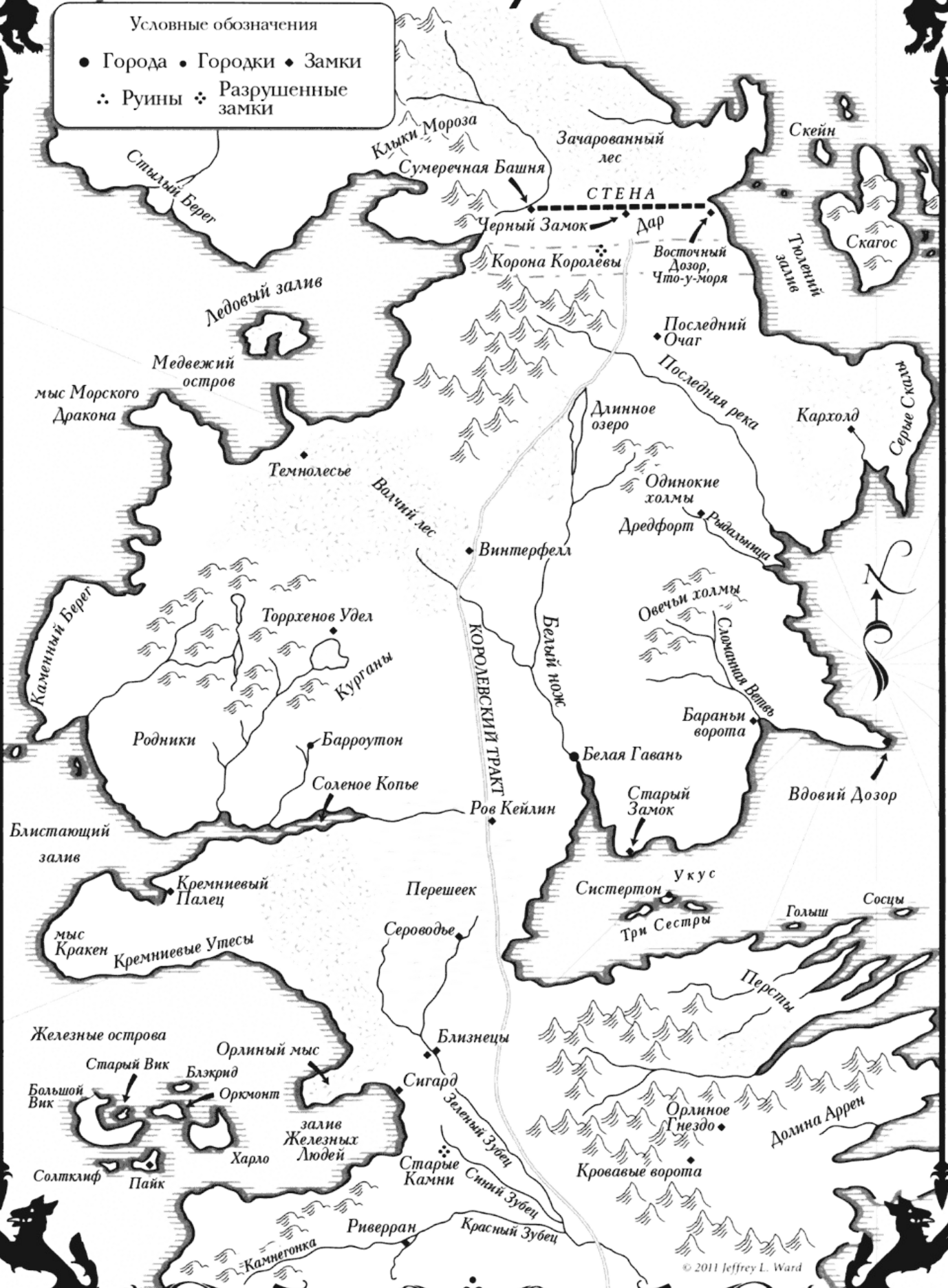
Его шедевром по праву считается эпопея «Песнь льда и огня» — величайшая фэнтези-сага со времен Толкина!

Джордж Мартин
Битва королей

Север

Условные обозначения

- Города • Городки • Замки
- ∴ Руины ∴ Разрушенные замки

Условные обозначения

- Города • Городки ♦ Замки
- ∴ Руины ✦ Разрушенные замки

Железные острова

За Стеной

Условные обозначения

- Селения ♦ Замки
- ❖ Разрушенные замки

Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)

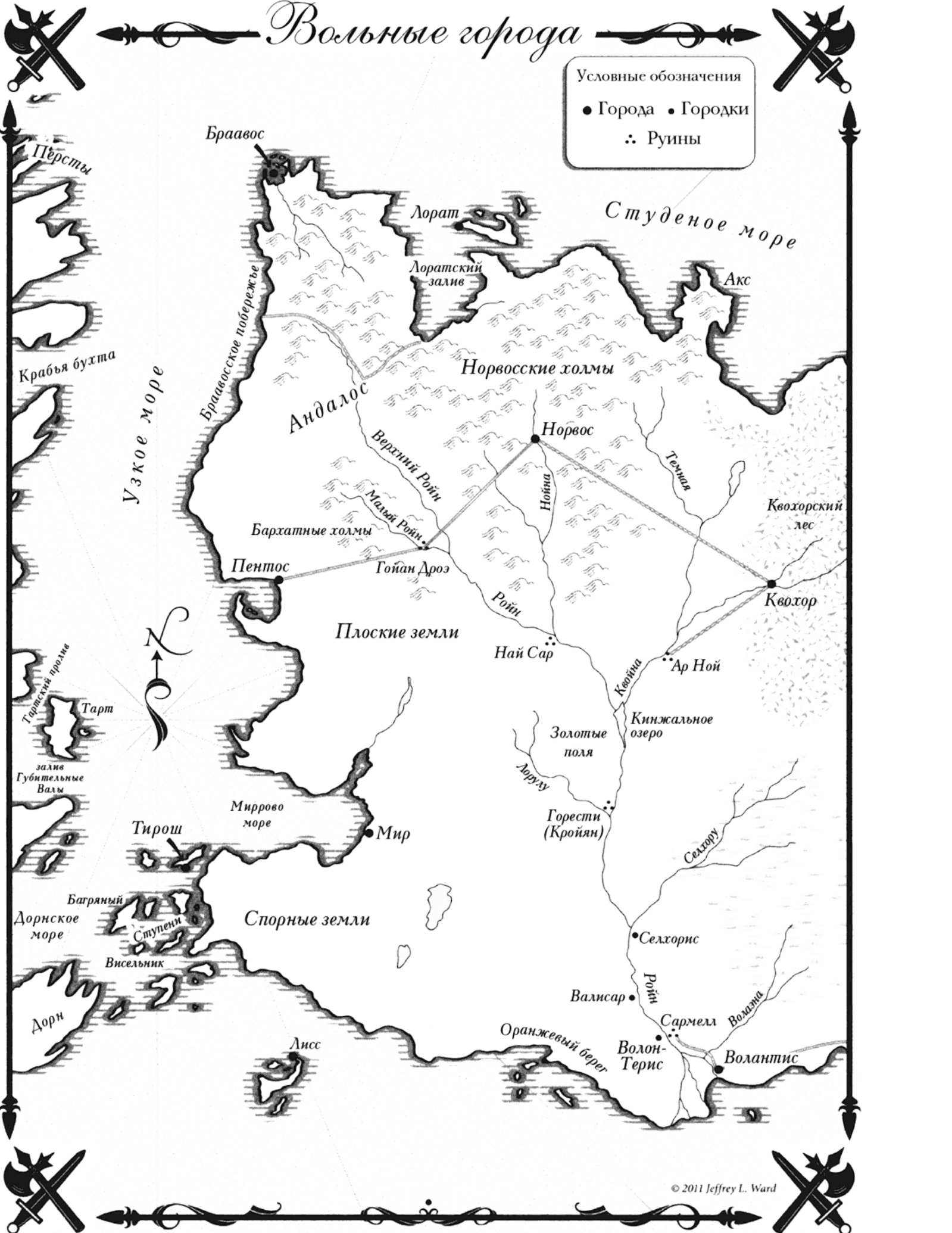

Вольные города

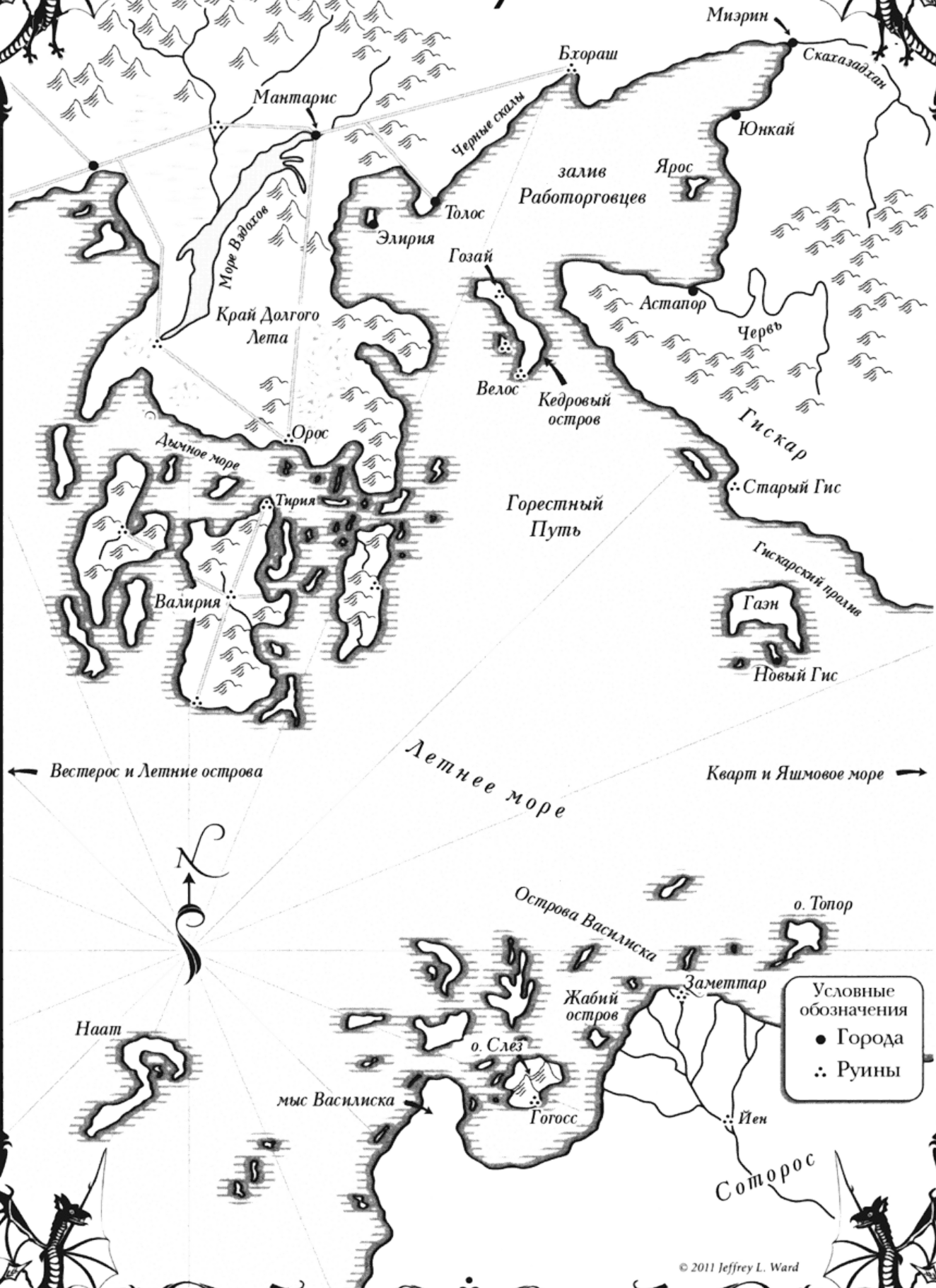
Условные обозначения

● Города ● Городки

∴ Руины

Валирия

Условные обозначения

- Города
- ∴ Руины

Хвост кометы рассек утреннюю зарю. Красная полоса кровоточила, словно рана, на розовато-пурпурном небосклоне над утесами Драконьего Камня.

Мейстер стоял на овеваемом ветром балконе своих покоев. Сюда к нему прилетали вороны после долгих странствий. Они порядком загадили горгулий — адского пса и двуногого дракона, возвышавшихся на двенадцать футов по обе стороны от него, двух из тысячи изваяний, хранящих стены древней крепости. Когда мейстер впервые приехал на Драконий Камень, армия каменных чудовищ наводила на него оторопь, но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях. Сейчас он вместе с горгульями взирал на небо с недобрим предчувствием.

Мейстер Крессен не верил в дурные предзнаменования. И все же... За всю свою долгую жизнь он не видел кометы столь яркой и такого жуткого цвета — цвета крови, пламени и заката. Может быть, горгульи видели? Они здесь пробыли гораздо дольше, чем он, и останутся здесь, когда его не будет. Если бы их каменные языки могли говорить...

Что за глупые мысли. Мейстер оперся на парапет. Внизу о берег било море, пальцы ощущали шероховатость черного камня. Говорить с горгульями и читать на небе приметы! Никчемный старик, впавший в детство. Неужели приобретенная тяжким опытом мудрость покинула его вместе со здоровьем и силой? Он мейстер, обученный и получивший нагрудную цепь в прославленной Староместской Цитадели. И все это ради того, чтобы теперь предаваться суевериям, словно невежественный крестьянин?

И все же, все же... Комета последнее время пылала даже днем, и бледно-серый дым поднимался над Драконьей горой позади замка, а вчера белый ворон принес из самой Цитадели давно ожидаемую, но оттого не менее устрашающую весть о конце лета. Предзнаменования слишком многочисленны, чтобы закрывать на них глаза. Знать бы только, что они означают.

— Мейстер Крессен, к нам пришли, — произнес Пилос мягко, словно не желая вторгаться в мрачные думы старика. Знай он, какая чепуха у старца в голове, он заорал бы в голос. — Принцесса хочет посмотреть белого ворона. — Пилос, всегда точный в словах, называет ее принцессой, поскольку ее лорд-отец теперь король. Король дымящейся скалы посреди соленого моря, но тем не менее король. — С нею ее дурак.

Старик повернулся спиной к рассвету, придерживаясь за дракона, чтобы не упасть.

— Проводи меня до стула и пригласи их сюда.

Пилос, взяв Крессена за руку, ввел его в комнату. В молодости Крессен был скор на ногу, но к восьмидесяти годам ноги стали подкашиваться под ним. Два года назад он упал и сломал себе бедро, которое так и не срослось как следует. В прошлом же году, когда он занемог, Цитадель прислала сюда Пилоса — всего за несколько дней до того, как лорд Станнис закрыл остров... чтобы помогать Крессену в его трудах, так было сказано, но Крессен-то знал, в чем дело. Пилос должен заменить его, когда он умрет. Крессен не возражал. Надо же кому-нибудь занять его место — и случится это скорее, чем ему бы хотелось.

Младший мейстер усадил его за стол, заваленный книгами и бумагами.

— Приведи ее. Негоже заставляя леди ждать. — Он махнул рукой, чтобы поспешали, — слабый жест человека, не способного более спешить. Кожа его сморщилась, покрылась

пятнами и так истончилась, что под ней виднелись жилы и кости. И как они дрожали теперь, эти руки, некогда столь ловкие и уверенные...

Пилос вернулся с девочкой, робеющей, как всегда. За ней, подскакивая боком, как это у него водилось, тащился ее дурак в потешном колпаке из старого жестяного ведра, увенчанном оленьими рогами и увешанном коровьими колокольцами. При каждом его прыжке колокольчики звенели на разные лады: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Кто это жалует к нам в такую рань, Пилос? — спросил Крессен.

— Это мы с Пестряком, мейстер. — Невинные голубые глаза смотрели на него с некрасивого, увы, лица. Дитя унаследовало квадратную отцовскую челюсть и злосчастные материнские уши, а тут еще последствия серой хвори, едва не уморившей ее в колыбели. Одна щека и сторона шеи у нее омертвела, кожа там растрескалась и лупится, на ощупь словно каменная и вся в черных и серых пятнах. — Пилос сказал, что нам можно посмотреть белого ворона.

— Ну конечно, можно. — Разве он мог в чем-нибудь ей отказать? Ей и так слишком во многом отказано. Ее зовут Ширен, в следующие именины ей исполнится десять лет, и она самый печальный ребенок из всех детей, которых знал мейстер Крессен. «Ее печаль — это мой позор, — думал старик, — еще одна моя неудача». — Мейстер Пилос, сделайте мне одолжение, принесите птицу с вышки для леди Ширен.

— С величайшим удовольствием. — Пилос — учтивый юноша. Ему не больше двадцати пяти, но держится он степенно, как шестидесятилетний. Ему бы чуточку больше юмора, больше *жизни* — вот то, чего здесь недостает. Мрачные места нуждаются в свете, а не в серьезности, Драконий же Камень мрачен как нельзя более: одинокая цитадель, окруженная бурными солеными водами, с дымящейся горой на заднем плане. Мейстер должен ехать, куда его посылают, поэтому Крессен прибыл сюда со своим лордом двенадцать лет назад и служил ему усердно. Но он никогда не любил Драконий Камень, никогда не чувствовал здесь себя по-настоящему дома. В последнее время, пробуждаясь от беспокойных снов, в которых ему являлась красная женщина, он часто не мог сообразить, где находится.

Дурак повернул свою пятнистую плешивую голову, глядя, как Пилос поднимается по крутой железной лестнице на вышку, и его колокольчики зазвенели.

— На дне морском птицы носят чешую, а не перья, — сказал он. — Я знаю, я-то знаю.

Даже для дурака Пестряк являл собой жалкое зрелище. Может быть, когда-то над его шутками и смеялись, но море отняло у него этот дар вместе с доброй половиной рассудка и всей его памятью. Тучный и дряблый, он постоянно дергался, трясся и нес всякий вздор. Теперь он смешил только девочку, и только ей было дело до того, жив он или умер.

Безобразная девочка, печальный шут и старый мейстер в придачу — вот история, способная исторгнуть слезы у любого.

— Посиди со мной, дитя. — Крессен поманил Ширен к себе. — Сейчас совсем еще рано, едва рассвело. Тебе следовало бы сладко спать в своей постельке.

— Мне приснился страшный сон про драконов. Они хотели меня съесть.

Девочка мучилась кошмарами, сколько мейстер ее помнил.

— Мы ведь с тобой уже говорили об этом, — сказал он ласково. — Драконы ожить не могут. Они высечены из камня, дитя. В старину наш остров был крайней западной оконечностью владений великой Валирии. Валирийцы возвели эту крепость и создали каменные изваяния с искусством, которое мы давно утратили. Замок, чтобы обороняться, должен иметь башни повсюду, где сходятся под углом две стены. Валирийцы придали башням

форму драконов, чтобы сделать крепость более устрашающей, и с той же целью увенчали их тысячью горгулий вместо простых зубцов. — Он взял ее розовую ладошку в свои покрытые старческими пятнами руки и легонько пожал. — Ты сама видишь — бояться нечего.

Но Ширен это не убедило.

— А эта штука на небе? Далла и Матрис разговаривали у колодца, и Далла сказала, что слышала, как красная женщина говорила матушке, что это дракон выдыхает огонь. А если драконы дышат, разве они не могут ожить?

«Уж эта красная женщина, — уныло подумал мейстер. — Мало ей забивать своими бреднями голову матери, она еще и сны дочери должна отравлять. Надо будет поговорить с Даллой постороже, внушить ей, чтобы не повторяла подобных историй».

— Огонь на небе — это комета, дитя мое, хвостатая звезда. Скоро она уйдет, и мы больше никогда в жизни ее не увидим. Вот посмотришь.

Ширен храбро кивнула:

— Матушка сказала, что белый ворон извещает о конце лета.

— Это правда, миледи. Белые вороны прилетают только из Цитадели. — Пальцы мейстера легли на его цепь — все ее звенья были выкованы из разных металлов, и каждое символизировало его мастерство в особой отрасли знания. В дни своей гордой юности он носил ее с легкостью, но теперь она тяготила его, и металл холодил кожу. — Они больше и умнее других воронов и носят только самые важные письма. В этом сказано, что Конклав собрался, обсудил наблюдения, сделанные мейстерами по всему государству, и объявил, что долгое лето наконец завершилось. Десять лет, два месяца и шестнадцать дней длилось оно — самое длинное на памяти живущих.

— Значит, теперь станет холодно? — Ширен, летнее дитя, не знала, что такое настоящий холод.

— Да, со временем. Быть может, боги по милости своей пошлют нам теплую осень и обильные урожаи, чтобы мы могли подготовиться к зиме. — В народе говорили, что долгое лето предвещает еще более долгую зиму, но мейстер не видел нужды пугать ребенка этими россказнями.

Пестряк звякнул своими колокольцами:

— На дне морском всегда стоит лето. Русалки вплетают водяные цветы в свои косы и носят платья из серебристых водорослей. Я знаю, я-то знаю!

— Я тоже хочу платье из серебристых водорослей, — хихикнула Ширен.

— На дне морском снег идет снизу вверх, а дождь сух, словно кость. Я знаю, уж я-то знаю!

— А у нас тоже будет снег? — спросила девочка.

— Да, будет. — (Хорошо бы он не выпадал еще несколько лет и недолго лежал.) — А вот и Пилос с птицей.

Ширен восторженно вскрикнула. Даже Крессен не мог не признать, что птица имеет внушительный вид: белая как снег, крупнее любого ястреба, с яркими черными глазами — последнее означало, что она не просто альбинос, а настоящий белый ворон, выведенный в Цитадели.

— Ко мне, — позвал мейстер. Ворон расправил крылья, шумно пролетел через комнату и сел на стол перед Крессеном.

— А теперь я займусь вашим завтраком, — сказал Пилос. Крессен, кивнув, сказал ворону:

— Это леди Ширен.

Ворон мотнул головой, будто кланяясь, и каркнул:

— Леди. Леди.

Девочка раскрыла рот:

— Он умеет говорить?

— Всего несколько слов. Я говорил тебе — они умны, эти птицы.

— Умная птица, умный человек, умный-разумный дурак, — сказал шут, побрякивая колокольчиками, и запел: — Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд. Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд. — Он перескакивал с ноги на ногу, брэнча и трезвоня вовсю.

Белый ворон закричал, захлопал крыльями и взлетел на железные перила лестницы, ведущей на вышку. Ширен как будто стала еще меньше.

— Он все время это поет. Я говорила, чтобы он перестал, но он не слушается. Я боюсь. Велите ему замолчать.

«Вряд ли у меня получится, — подумал старик. — В былое время я заставил бы его замолчать навеки, но теперь...»

Пестряк попал к ним еще мальчишкой. Светлой памяти лорд Стеффон нашел его в Волантисе, за Узким морем. Король — старый король, Эйерис II Таргариен, который в то время не совсем еще лишился рассудка, послал его милость подыскать невесту для принца Рейегара, не имевшего сестер, на которых он мог бы жениться. «Мы нашли великолепного шута, — написал лорд Крессену за две недели до возвращения из своей безуспешной поездки. — Он совсем еще юн, но проворен, как обезьяна, и остер, как дюжина придворных. Он жонглирует, загадывает загадки, показывает фокусы и чудесно поет на четырех языках. Мы выкупили его на свободу и надеемся привезти домой. Роберт будет от него в восторге — быть может, он даже Станниса научит смеяться».

Крессен с грустью вспоминал об этом письме. Никто так и не научил Станниса смеяться, а уж юный Пестряк и подавно. Откуда ни возьмись сорвался шторм, и залив Губительные Валы оправдал свое имя. «Горделивая» — двухмачтовая галера лорда Стеффона — разбилась в виду его замка. Двое старших сыновей видели со стены, как море поглотило отцовский корабль. Сто гребцов и матросов потонули вместе с лордом Стеффоном и его леди-женой, и прибой долго еще выносил тела на берег близ Штормового Предела.

Шута выбросило на третий день. Мейстер Крессен был при этом — он помогал опознавать мертвых. Шут был гол, вывалян в мокром песке, кожа на его теле побелела и сморщилась. Крессен счел его мертвым, как и всех остальных, но, когда Джомми взял парня за лодыжки и поволок к повозке, тот вдруг выкашлял воду и сел. Джомми до конца своих дней клялся, что Пестряк был холодным, как медуза.

Никто так и не узнал, как провел Пестряк эти два дня. Рыбаки уверяли, что какая-то русалка научила его дышать под водой в обмен на его семя. Сам Пестряк ничего не рассказывал. Шустрый остряк-парнишка, о котором писал лорд Стеффон, так и не добрался до Штормового Предела; вместо него нашли другого человека, сломленного духом и телом, — он и говорил-то с трудом, какие уж там остроты! Но по его лицу сразу было видно, кто он. В вольном городе Волантисе принято татуировать лица рабов и слуг, и парень ото лба до подбородка был разукрашен в красную и зеленую клетку.

«Бедняга рехнулся, весь изранен и не нужен никому, а меньше всего самому себе, — сказал старый сир Харберт, тогдашний кастелян Штормового Предела. — Милосерднее всего

было бы дать ему чашу макового молока. Он уснет, и все его страдания кончатся. Он поблагодарил бы вас за это, останься у него разум». Но Крессен отказался и в конце концов одержал победу. Впрочем, он не знал, доставила ли его победа хоть сколько-нибудь радости Пестряку — даже и теперь, много лет спустя.

— Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд, — пел дурак, мотая головой и вызванивая: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Милорд, — прокричал белый ворон. — Милорд, милорд, милорд.

— Дурак поет, что ему в голову взбредет, — сказал мейстер своей напуганной принцессе. — Не надо принимать его слова близко к сердцу. Завтра он, глядишь, вспомнит другую песню, а эту мы больше не услышим. — «Он чудесно поет на четырех языках», — писал лорд Стеффон...

— Прошу прощения, мейстер, — сказал вошедший Пилос.

— Ты забыл про овсянку, — усмехнулся Крессен — это было не похоже на Пилоса.

— Мейстер, ночью вернулся сир Давос. Я услышал об этом на кухне и подумал, что надо тотчас же оповестить вас.

— Давос... ночью, говоришь ты? Где он сейчас?

— У короля. Он почти всю ночь там пробыл.

В прежние годы лорд Станнис велел бы разбудить мейстера в любое время, чтобы испросить его совета.

— Надо было мне сказать, — расстроено произнес Крессен. — Надо было разбудить меня. — Он выпустил руку Ширен. — Простите, миледи, но я должен поговорить с вашим лордом-отцом. Проводи меня, Пилос. В этом замке чересчур много ступенек, и мне сдается, что они назло мне прибавляются каждую ночь.

Ширен и Пестряк вышли вместе с ними, но девочке скоро надоело приноравливаться к шаркающей походке старика, и она убежала вперед, а дурак с отчаянным трезвоном поскакал за ней.

«Замки немилостивы к немощным», — сказал себе Крессен, спускаясь по винтовой лестнице башни Морского Дракона. Лорд Станнис находился в Палате Расписного Стола, в верхней части Каменного Барабана, центрального строения Драконьего Камня, — так его прозвали за гул, издаваемый его древними стенами во время шорма. Чтобы добраться до Барабана, нужно пройти по галерее, миновать несколько внутренних стен с их сторожевыми горгульями и черными железными воротами и подняться на столько ступенек, что даже думать об этом не хочется. Молодежь перескакивает через две ступеньки зараз, но для старика с поврежденным бедром каждая из них — сущее мучение. Ну что ж, придется потерпеть, раз лорд Станнис не идет к нему сам. Хорошо еще, что можно опереться на Пилоса.

Ковыляя по галерее, они прошли мимо ряда высоких закругленных окон, выходящих на внешний двор, крепостную стену и рыбацкую деревню за ней. На дворе лучники практиковались в стрельбе по мишеням, и слышались команды: «Наложи — натяни — пускай». Стрелы производили шум стаи взлетающих птиц. По стенам расхаживали часовые, поглядывая между горгульями на войско, стоящее лагерем внизу. В утреннем воздухе плыл дым от костров — три тысячи человек стряпали себе завтрак под знаменами своих лордов. За лагерем стояли на якоре многочисленные корабли. Ни одному судну, прошедшему в виду Драконьего Камня за последние полгода, не позволялось уйти с острова. «Ярость» лорда Станниса, трехпалубная боевая галера на триста весел, казалась маленькой рядом с

окружавшими ее пузатыми карраками и барками.

Часовые у Каменного Барабана знали мастеров в лицо и пропустили беспрепятственно.

— Подожди меня здесь, — сказал Крессен Пилосу, войдя внутрь. — Будет лучше, если я пойду к нему один.

— Уж очень высоко подниматься, мастер.

— Думаешь, я сам не помню? — улыбнулся Крессен. — Я так часто взбирался по этим ступенькам, что знаю каждую по имени.

На половине пути он пожалел о своем решении. Остановившись, чтобы перевести дыхание и успокоить боль в ноге, он услышал стук сапог по камню и оказался лицом к лицу с сиром Давосом Сивортом, сходящим навстречу.

Давос был худощав, а его лицо сразу выдавало простолюдина. Поношенный зеленый плащ, выцветший от солнца и соли, покрывал его тощие плечи поверх коричневых, в тон глазам и волосам, дублета и бриджей. На шее висела потертая кожаная ладанка, в бороде густо сквозила седина, перчатка скрывала искаленную левую руку. Увидев Крессена, он приостановился.

— Когда изволили вернуться, сир Давос? — спросил мастер.

— Еще затемно. В мое излюбленное время.

Говорили, что никто не может провести корабль в темноте хотя бы наполовину так искусно, как Давос Беспалый. До того как лорд Станнис посвятил его в рыцари, он был самым отпетым и неуловимым контрабандистом во всех Семи Королевствах.

— И что же?

Моряк покачал головой:

— Все так, как вы и предсказывали. Они не пойдут с ним, мастер. Они его не любят.

«И не полюбят, — подумал Крессен. — Он сильный человек, одаренный, даже... даже мудрый, можно сказать, но этого недостаточно. Всегда было недостаточно».

— Вы говорили со всеми из них?

— Со всеми? Нет. Только с теми, что соизволили принять меня. Ко мне они тоже не питают любви, эти благородные господа. Для них я всегда буду Луковым Рыцарем. — Короткие пальцы левой руки Давоса сжались в кулак, — Станнис велел обрубить их на один сустав, все, кроме большого. — Я разделил трапезу с Джулианом Сванном и старым Пенрозом, а Тарты встретились со мной ночью, в роще. Что до других, то Дерик Дондаррион то ли пропал без вести, то ли погиб, а лорд Карон поступил на службу к Ренли. В Радужной Гвардии он теперь зовется Брюсом Оранжевым.

— В Радужной Гвардии?

— Ренли учредил собственную королевскую гвардию, — пояснил бывший контрабандист, — но его семеро носят не белое, а все цвета радуги, каждый свой цвет. Их лорд-командующий — Лорас Тирелл.

Очень похоже на Ренли Баратеона: основать новый блестящий рыцарский орден в великолепных ярких одеждах. Еще мальчишкой он любил яркие краски, богатые ткани и постоянно придумывал новые игры. «Смотрите! — кричал он бывало, бегая со смехом по залам Штормового Предела. — Я дракон», или: «Я колдун», или: «Я бог дождя».

Резвый мальчик с буйной гривой черных волос и веселыми глазами теперь вырос — ему двадцать один год, но он продолжает играть в свои игры. Смотрите: я король. «Ох, Ренли, Ренли, милое дитя, знаешь ли ты, что делаешь? А если бы и знал — есть ли кому до тебя

дело, кроме меня?» — печально подумал Крессен.

— Чем объясняли лорды свой отказ? — спросил он сира Давоса.

— Это все делали по-разному — кто деликатно, кто напрямик, кто извинялся, кто обещал, кто попросту врал. Да что такое слова, в конце концов? — пожал плечами Давос.

— Неутешительные же вести вы ему привезли.

— Что поделаешь. Я не стал обманывать его ложными надеждами — сказал все начистоту.

Мейстер Крессен вспомнил, как посвятили Давоса в рыцари после снятия осады Штормового Предела. Лорд Станнис с небольшим гарнизоном около года удерживал замок, сражаясь против многочисленного войска лордов Тирелла и Редвина. Защитники были отрезаны даже от моря — его днем и ночью стерегли галеи Редвина под винно-красными флагами Бора. Всех лошадей, собак и кошек в Штормовом Пределе давно уже съели — настала очередь крыс и кореньев. Но однажды в ночь новолуния черные тучи затянули небо, и Давос-контрабандист под их покровом пробрался мимо кордонов Редвина и скал залива Губительные Валы. Трюм его черного суденышка с черными парусами и черными веслами был набит луком и соленой рыбой. Как ни мал был этот груз, он позволил гарнизону продержаться до подхода к Штормовому Пределу Эддарда Старка, прорвавшего осаду.

Лорд Станнис пожаловал Давосу тучные земли на мысе Гнева, маленький замок и рыцарское звание... но приказал отрубить суставы на пальцах его левой руки в уплату за многолетние бесчинства. Давос подчинился, но с условием, что Станнис сделает это сам, отказываясь претерпеть такую кару от человека более низкого звания. Лорд воспользовался тесаком мясника, чтобы исполнить свою задачу вернее и чище. Давос выбрал для своего вновь учрежденного дома имя Сиворт^[1], а гербом — черный корабль на бледно-сером поле, с луковицей на парусах. Бывший контрабандист любил говорить, что лорд Станнис оказал ему благодеяние — теперь ему на четыре ногтя меньше приходится чистить и стричь.

Да, такой человек не станет подавать ложных надежд, не станет смягчать горькую правду.

— Сир Давос, истина может стать тяжким ударом даже для такого человека, как лорд Станнис. Он только и думает о том, как вернется в Королевскую Гавань во всем своем могуществе, сокрушит своих врагов и возьмет то, что принадлежит ему по праву. А теперь...

— Если он двинется с этим жалким войском на Королевскую Гавань, то обречет себя на гибель. Не с таким числом туда выступать. Я ему так и сказал, но вы ведь знаете, как он горд. Скорее мои пальцы отрастут заново, чем этот человек прислушается к голосу рассудка.

Старик вздохнул.

— Вы сделали все, что могли. Теперь я должен присоединить свой голос к вашему. — И он устало возобновил свое восхождение.

Лорд Станнис Баратеон занимался делами в большой круглой комнате со стенами из голого черного камня и четырьмя узкими высокими окнами, выходящими на четыре стороны света. В центре ее стоял стол, от которого и происходило ее название, — массивная деревянная колода, вырубленная и обработанная по велению Эйгона Таргариена еще до Завоевания. Расписной Стол имел более пятидесяти футов в длину, половину этого в самом широком месте и менее четырех футов в самом узком. Столяры Эйгона вытесали его в виде карты Вестероса, старательно выпилив по краям все мысы и заливы. На его поверхности, покрытой потемневшим за триста лет лаком, были изображены Семь Королевств времен Эйгона: реки и горы, города и замки, леса и озера.

Единственный в комнате стул стоял в точности на том месте, которое занимал Драконий Камень у побережья Вестероса, и был слегка приподнят для лучшего обзора карты. На нем сидел человек в туго зашнурованном кожаном колете и бриджах из грубой бурой шерсти. Когда мейстер вошел, он поднял голову.

— Я знал, что ты придешь, старик, даже и незванный. — В его голосе не было тепла — ни сейчас, да, впрочем, и почти никогда.

Станнис Баратеон, лорд Драконьего Камня и милостью богов законный наследник Железного Трона Семи Королевств, был человеком плечистым и жилистым. Его лицо и тело было покрыто кожей, выдубленной на солнце и ставшей твердой как сталь. Люди считали его жестким, и он действительно был таким. Ему еще не исполнилось тридцати пяти, но он уже сильно облысел, и остатки черных волос окаймляли его голову за ушами словно тень короны. Его брат, покойный король Роберт, в свои последние годы отпустил бороду. Мейстер Крессен не видел его с бородой, но говорили, что это была буйная поросль, густая и косматая. Станнис, будто наперекор брату, стриг свои бакенбарды коротко, и они иссиня-черными пятнами пролегли вдоль его впалых щек к прямоугольной челюсти. Глаза под тяжелыми бровями казались открытыми ранами — темно-синие, как ночное море. Рот его привел бы в отчаяние самого забавного из шутов: со своими бледными, плотно сжатыми губами он был создан для суровых слов и резких команд — этот рот забыл об улыбке, а смеха и вовсе не знал. Иногда по ночам, когда мир затихал, мейстеру Крессену чудилось, будто он слышит, как лорд Станнис скрипит зубами на другой половине замка.

— В прежние времена вы бы меня разбудили, — сказал старик.

— В прежние времена ты был молод. Теперь ты стар, немощен и нуждаешься в сне. — Станнис так и не научился смягчать свои речи, притворяться или льстить: он говорил то, что думал, и ему не было дела, нравится это другим или нет. — Ты уже знаешь, конечно, что сказал мне Давос. Ты всегда все знаешь, так ведь?

— От меня было бы мало пользы, если бы я чего-то не знал. Я встретил Давоса на лестнице.

— И он, полагаю, выложил тебе все как есть? Лучше бы я обрезал ему язык вместе с пальцами.

— Плохой посланник получился бы из него тогда.

— Да и сейчас не лучше. Штормовые лорды не желают принимать мою сторону. Я им, как видно, не по нраву, а то, что дело мое правое, для них ничего не значит. Трусливые отсиживаются за своими стенами и ждут, куда ветер подует и кто вернее одержит победу. Те, что посмелее, уже примкнули к Ренли. *К Ренли!* — Он выплюнул это имя так, будто оно жгло ему язык.

— Ваш брат был лордом Штормового Предела последние тринадцать лет. Эти лорды — присягнувшие ему знаменосцы...

— Да — хотя по правилам должны были бы присягнуть мне. Я не напрашивался на Драконий Камень. Он мне даром не был нужен. Я прибыл сюда, потому что здесь гнездились враги Роберта, и он приказал мне искоренить их. Я построил для него флот и делал за него его работу, как преданный младший брат, и Ренли должен был выказать такую же преданность мне. Ну и как же Роберт меня отблагодарил? Сделал меня лордом Драконьего Камня, а Штормовой Предел со всеми его доходами отдал Ренли. Баратеоны сидят в Штормовом Пределе уже триста лет, и он по праву должен был перейти ко мне, когда Роберт занял Железный Трон.

Эту старую обиду Станнис всегда чувствовал остро, а теперь и подавно. Его нынешние трудности проистекали как раз отсюда, ибо Драконий Камень, при всей своей древности и мощи, властвовал лишь над горсткой местных островных лордов, чьи владения были слишком скудно заселены, чтобы дать Станнису потребное количество воинов. Даже вместе с наемниками, прибывшими к нему из-за Узкого моря, из вольных городов Мира и Лисса, войско за стенами замка было слишком мало, чтобы свергнуть дом Ланнистеров.

— Возможно, Роберт поступил с вами несправедливо, — осторожно ответил мейстер, — но он имел на то веские причины. Драконий Камень долго был оплотом дома Таргариенов. Роберту нужен был сильный муж, чтобы править здесь, а Ренли тогда еще не вышел из детского возраста.

— Он и до сих пор из него не вышел. — Голос Станниса гневно раскатывался по пустому покою. — Это вороватый ребенок, который полагает, что сумеет сдернуть корону у меня с головы. Что он сделал такого, чтобы заслужить трон? В совете он перешучивался с Мизинцем, а на турнирах облачался в свои великолепные доспехи и позволял вышибать себя из седла тем, кто сильнее. Вот и все, что можно сказать о моем брате Ренли, который возомнил себя королем. И за что только боги послали мне братьев? Скажи!

— Я не могу отвечать за богов.

— Мне сдается, последнее время у тебя и вовсе ни на что нет ответов. Как зовут мейстера Ренли? Не послать ли мне за ним — авось он лучше посоветует. Как ты думаешь, что сказал этот мейстер, когда мой брат вознамерился украсть у меня корону? Какой совет дал твой собрат моему изменнику-родичу?

— Меня удивило бы, если бы лорд Ренли спросил чьего-то совета, ваше величество. — Младший из трех сыновей лорда Стеффона вырос смелым, но беспшибашным, предпочитающим действовать внезапно, а не по зрелом размышлении. В этом, как и во многом другом, он был похож на своего брата Роберта и совсем не походил на Станниса.

— Ваше величество!.. — передразнил Станнис. — Ты величаешь меня королевским титулом, но где оно, мое королевство? Драконий Камень да несколько скал в Узком море, вот и все. — Он спустился с возвышения, на котором сидел, и его тень на столе скользнула по реке Черноводной и лесу, где стояла теперь Королевская Гавань. Страна, которую он намеревался взять в свои руки, лежала перед ним — такая близкая и такая недосягаемая. — Нынче вечером я даю ужин моим лордам-знаменосцам, каким ни на есть: Селтигару, Велариону, Бар-Эммону — всей честной компании. Скучный выбор, по правде сказать, но что поделаешь — других мне братья не оставили. Этот лиссенийский пират Салладор Саан тоже будет там и предъявит мне новый счет, Морош-мириец начнет страшить меня течениями и осенними штормами, а лорд Сангласс благочестиво сошлетя на волю Семерых. Селтигар захочет знать, когда к нам присоединятся штормовые лорды. Веларион пригрозит увести своих людей домой, если мы не выступим незамедлительно. И что же я им скажу? Что мне теперь делать?

— Истинные ваши враги — это Ланнистеры, милорд. Если бы вы с братом выступили против них совместно...

— Я не стану договариваться с Ренли, — отрезал Станнис тоном, не допускающим возражений. — Во всяком случае, пока он именует себя королем.

— Хорошо, тогда не с Ренли, — уступил мейстер. Его господин упрям и горд — уж если он решил что-то, его не отговоришь. — Есть и другие, кроме него. Сына Эддарда Старка провозгласили Королем Севера, и за ним стоит вся мощь Винтерфелла и Риверрана.

— Зеленый юнец и еще один самозванный король. Прикажешь мне поощрять раздробление моего королевства?

— Полкоролевства все-таки лучше, чем ничего, — и если вы поможете мальчику отомстить за отца...

— С какой стати мне мстить за Эддарда Старка? Он для меня пустое место. Вот Роберт — Роберт его любил. Любил как брата, о чем мне неоднократно доводилось слышать. Его братом был я, а не Нед Старк, но никто не сказал бы этого, видя, как он со мной обходится. Я отстоял для него Штормовой Предел — мои люди голодали, пока Мейс Тирелл и Пакстер Редвин пировали под нашими стенами. И что же, отблагодарил меня Роберт? Нет. Он отблагодарил Старка — за то, что снял осаду, когда мы уже перешли на крыс и корни. По приказанию Роберта я построил флот, я правил Драконьим Камнем от его имени. И что же — может быть, он взял меня за руку и сказал: «Молодчина, брат, что бы я без тебя делал?» Нет — он обругал меня за то, что я позволил Виллему Дарри увезти с острова Визериса и малютку, точно я мог этому помешать. Я заседал в его совете пятнадцать лет, помогая Аррену править государством, пока Роберт пил и распутничал, но, когда Джон умер, разве брат назначил меня своей десницей? Нет, он поскакал к своему милому другу Неду Старку и предложил эту честь ему. Да только добра это им обоим не принесло.

— Все так, милорд, — мягко сказал мейстер. — Вы видели много обид, но стоит ли поминать прошлое? Будущее еще может улыбнуться вам, если вы объединитесь со Старками. Можно также подумать и о других. Что вы скажете о леди Аррен? Если королева убила ее мужа, она наверняка захочет добиться справедливости. У нее есть маленький сын, наследник Джона Аррена. Если обручить его с Ширен...

— Он слабый и хворый мальчуган, — возразил лорд Станнис. — Даже его отец признавал это, когда просил взять его на Драконий Камень. Служба в пажах могла бы пойти ему на пользу, но проклятая Ланнистерша отравила лорда Аррена, прежде чем тот успел это осуществить, и теперь Лиза прячет мальчика в Орлином Гнезде. Она с ним ни за что не расстанется, ручаюсь тебе.

— Тогда пошлите Ширен в Гнездо. Драконий Камень — слишком мрачное место для ребенка. Отправьте с ней ее дурака, чтобы рядом было знакомое лицо.

— Хорошо лицо, хоть и знакомое — не налюбуеться. — Станнис нахмурился, размышляя. — Впрочем... попытаться, пожалуй, стоит...

— Значит, законный правитель Семи Королевств должен обращаться за помощью к вдовам и узурпаторам? — спросил резкий женский голос с порога.

Мейстер, обернувшись, склонил голову.

— Миледи, — произнес он, удрученный тем, что не слышал, как она вошла.

— Я ни к кому не обращаюсь за помощью, — хмуро ответил Станнис. — Запомни это, женщина.

— Рада это слышать, милорд. — Леди Селиса была ростом со своего мужа, худощавая и худолицая, с торчащими ушами, острым носом и усиками на верхней губе. Она выщипывала их ежедневно и проклинала не реже, но они неизменно отрастали заново. У нее были блеклые глаза, суровый рот, а голос хлестал точно кнут. — Леди Аррен — ваш вассал, так же как Старки, ваш брат Ренли и все остальные. Вы их единственный законный король. Не пристало вам просить их заключать с ними сделки, дабы получить то, что бог вручил вам по праву.

Она сказала «бог», а не «боги». Красная женщина опутала ее душу, отворачив от богов

Семи Королевств, и старых и новых, ради того единственного, который зовется Владыкой Света.

— Твой бог может оставить свои дары при себе, — сказал лорд Станнис, не разделявший пыла своей новообращенной супруги. — Мне нужны мечи, а не его благословения. У тебя, часом, нигде не припрятано войска? — В его голосе не было нежности. Станнис никогда не умел обращаться с женщинами, даже с собственной женой. Отправившись в Королевскую Гавань, чтобы заседать в совете Роберта, он оставил Селису с дочерью на Драконьем Камне. Писал он ей редко, а навещал еще реже; свой супружеский долг он выполнял пару раз в год, не находя в этом никакого удовольствия, и сыновья, на которых он надеялся, так и не появились на свет.

— Войска есть у моих братьев, дядьев и кузенов, — ответила Селиса. — Весь дом Флорентов встанет под ваше знамя.

— Дом Флорентов способен выставить от силы две тысячи мечей. — Говорили, что Станнис знает, какими силами располагает каждый дом Семи Королевств. — И я бы не стал так уж полагаться на ваших братьев и дядей, миледи. Земли Флорентов чересчур близко к Хайгардену, чтобы ваш лорд-дядя рискнул навлечь на себя гнев Мейса Тирелла.

— Помощь придет не только от них. — Леди Селиса подошла поближе. — Посмотрите в ваши окна, милорд. Вот он пылает на небе — знак, которого вы ждали. Он рдеет как пламя, как огненное сердце истинного бога. Это Его знамя — и ваше! Смотрите: зарево ширится по небу, как горячее дыхание дракона, а ведь вы — лорд Драконьего Камня. Это означает, что ваше время пришло. Не может быть знака вернее! Вам суждено отплыть с этой угрюмой скалы, как некогда сделал Эйгон Завоеватель, и покорить всех, кто противостоит вам, как покорил он. Скажите лишь слово — и вся сила Владыки Света будет вашей.

— И сколько же мечей даст мне твой Владыка Света?

— Столько, сколько вам будет нужно. Для начала — все мечи Штормового Предела, Хайгардена и их лордов-знаменосцев.

— Давос убедит тебя в обратном. Они все присягнули Ренли. Они любят моего дражайшего младшего братца, как любили Роберта... и как никогда не любили меня.

— Да, — ответила она. — Но если бы Ренли умер...

Станнис, прищутив глаза, воззрился на свою леди, и Крессен не сдержал языка.

— Не пристало вам думать об этом, ваше величество, что бы Ренли ни натворил...

— Натворил? То, что он делает, уже не шалости — это измена. Мой брат молод и крепок, — сказал Станнис жене, — и его окружает огромное войско вкуче с этими его радужными рыцарями.

— Мелисандра видела в пламени его смерть.

— Братоубийство — это страшное злодейство, милорд, — произнес пораженный ужасом Крессен. — Прошу вас, послушайте меня...

Леди Селиса смерила его взглядом:

— И что же вы ему скажете, мейстер? Посоветуете удовольствоваться половиной королевства, преклонив колена перед Старками и продав нашу дочь Лизе Аррен?

— Я уже слушал тебя, Крессен, — сказал Станнис. — Теперь я послушаю ее. Ты свободен.

Мейстер с трудом преклонил колена и заковылял прочь из комнаты, чувствуя спиной взгляд леди Селисы. Спустившись с лестницы, он уже едва держался на ногах.

— Помогите мне, — сказал он Пилосу.

Благополучно вернувшись к себе, он отпустил молодого мастера и снова вышел на балкон, глядя на море между двух горгулий. Один из боевых кораблей Салладора Саана с яркими полосатыми бортами шел мимо замка по серо-зеленым волнам, мерно работая веслами. Крессен смотрел на него, пока тот не скрылся за мысом. Если бы его страхи могли исчезнуть столь же легко! Подумать только, до чего он дожил...

Мейстер, возлагая на себя свою цепь, отказывается от надежды иметь детей, но Крессен знал, что такое отцовские чувства. Роберт, Станнис, Ренли... трех сыновей он вырастил после того, как гневное море взяло к себе лорда Стеффона. Неужели он так дурно выполнил свою задачу, что теперь принужден будет смотреть, как один из них убивает другого? Нет, он не может этого допустить — и не допустит.

Все это — дело рук женщины. Не леди Селисы, а той, другой. Красной женщины, как зовут ее слуги, боясь поминать ее имя.

— Ну, я-то не побоюсь его назвать, — сказал мейстер каменной собаке. — Мелисандра. — Мелисандра из Асшая, колдунья, заклинательница теней и жрица Рглора, Владыки Света, Пламенного Сердца, Бога Огня и Тени. Надо остановить безумие, ползущее от нее по Драконьему Камню.

После ясного утра комната показалась мастеру темной и мрачной. Старик дрожащими руками зажег свечу и прошел в свой кабинет под вороньей вышкой, где ровными рядами стояли на полках мази, настои и прочие снадобья. Мейстер отыскал за глиняными кувшинчиками на нижней полке флакон индигового стекла не больше его мизинца, встряхнул его, и внутри что-то загремело. Тяжело опустившись на стул, Крессен сдул с флакона пыль и высыпал на стол его содержимое. На пергамент упало около дюжины мелких кристалликов. При свете свечи они сверкали, как драгоценные камни, и мейстеру подумалось, что он никогда еще не видел пурпура такой чистоты и яркости.

Цепь у него на шее стала вдруг очень тяжелой. Он потрогал один из кристаллов кончиком пальца. Такой крошечный — а между тем имеет власть над жизнью и смертью. Их делают из одного растения, которое встречается только на островах Яшмового моря, на другом конце света. Подсушенные листья замачивают в растворе извести, сахара и кое-каких редких специй с Летних островов. После листья выбрасывают, а в настой для густоты добавляют золу и дают ему кристаллизоваться. Дело это долгое и трудоемкое, составляющие части дороги, и достать их нелегко. Но алхимики из Лисса знают этот секрет, и Безликие из Браавоса... да и мастера тоже, хотя в стенах Цитадели об этом говорить не любят. Всем известно, что мастер получает серебряное звено в своей цепи, если овладевает искусством врачевания, — но люди предпочитают не помнить, что умеющий врачевать умеет также и убивать.

Крессен забыл, как называется это растение в Асшае или кристаллы в Лиссе. В Цитадели это средство звалось попросту «душитель». Если растворить такой кристалл в вине, шейные мускулы человека сожмутся крепче, чем кулак, стиснув гортань. Говорят, лицо жертвы становится таким же пурпурным, как маленькое кристаллическое семечко, из которого произросла смерть, — но с человеком, подавившимся за едой, происходит то же самое.

А нынче вечером лорд Станнис дает пир своим знаменосцам, где будет его леди-жена... и красная женщина, Мелисандра из Асшая.

«Надо отдохнуть, — сказал себе мейстер Крессен. — Когда стемнеет, мне понадобятся все мои силы. Мои руки не должны трястись, и мужество не должно меня оставить.

Страшное дело я задумал, но оно должно быть сделано. Если боги есть, они простят меня, я уверен». Он мало спал последние дни — короткий сон подкрепит его для предстоящего испытания. Мейстер устало добрал до постели, но и с закрытыми глазами продолжал видеть комету, неистово красную в сумраке его снов. «Быть может, это моя комета», — подумал он, уже засыпая. Кровавая звезда, предвещающая убийство...

Когда он проснулся, в спальне было темным-темно, и все суставы в его теле ныли. Крессен сел, нашарил свою клюку и с тяжелой головой встал. «Уже поздно, — подумал он, — но меня не позвали на ужин». Прежде его всегда звали на пиры, и сидел он рядом с солонкой, близ лорда Станниса. Лицо Станниса всплыло перед его внутренним взором — лицо не мужчины, а мальчика, которым тот был когда-то — ребенком, ежащимся в тени, в то время как все солнце доставалось его брату. Что бы он ни делал, Роберт делал это лучше и быстрее. Бедный мальчик... нужно поспешить, для его же блага.

Мейстер нашел кристаллы там, где их оставил, и собрал их с пергамента. У него не было полого кольца, какими, как говорят, пользуются лисские отравители, но в широких рукавах его мантии имелось множество больших и малых карманов. Мейстер спрятал кристаллы душиителя в один из них, открыл дверь и позвал:

— Пилос! Где ты? — Не дождавшись ответа, он позвал снова, погромче: — Пилос, мне нужна твоя помощь. — Ответа по-прежнему не было. Странно: каморка молодого мейстера находилась всего на один пролет ниже, и он должен был слышать.

В конце концов Крессен кликнул слуг и сказал им:

— Поторопитесь. Я слишком долго проспал. Должно быть, они уже пируют, едят и пьют... надо было меня разбудить. — Что же случилось с мейстером Пилосом? Старик ничего не мог понять.

Он снова прошел по длинной галерее. Ночной ветер, пахнувший морем, проникал в большие окна. Факелы мигали на стенах Драконьего Камня, а в лагере горели сотни костров, точно звездное небо упало на землю. Вверху пылала красным огнем зловещая комета. Ты слишком стар и мудр, чтобы бояться таких вещей, сказал себе мейстер.

Двери Великого Чертога были вделаны в пасть каменного дракона. У входа мейстер отпустил слуг. Ему лучше войти одному, чтобы не показаться слабым. Тяжело опираясь на клюку, он взобрался на последние несколько ступеней и прошел под каменными зубами. Двое часовых распахнули перед ним высокие красные двери, и навстречу хлынули шум и свет. Крессен вступил в пасть дракона.

За стуком ножей о тарелки и гулом голосов слышалось пение Пестряка: «...да, милорд, да, милорд», и звенели его колокольчики. Та же жуткая песня, которую он пел нынче утром. «Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд». За нижними столами рыцари, лучники и наемные капитаны разламывали ковриги черного хлеба, макая его в рыбную похлебку. Здесь не было ни громкого смеха, ни непристойных возгласов, обычных на пирах, — лорд Станнис такого не допускал.

Крессен направился к помосту, где сидели лорды с королем. По дороге ему пришлось обойти Пестряка. Пляшущий шут за своим трезвоном не видел и не слышал мейстера. Перескакивая с ноги на ногу, он налетел на старика, вышиб у него клюку, и оба рухнули на пол. Вокруг поднялся хохот. Зрелище получилось смешное, спору нет.

Дурак прижался своей пестрой рожей к самому лицу Крессена, потеряв свой жестяной колпак с рогами и колокольцами.

— А на дне морском ты падаешь вверх, — объявил он. — Я знаю, я-то знаю. — Он

со смехом вскочил на ноги и снова заплясал.

Мейстер, стараясь не усугублять своего смешного положения, слабо улыбнулся и попытался встать, но в бедре так стрельнуло, что старик испугался, не сломал ли его снова. Чьи-то сильные руки подхватили его под мышки и поставили на ноги.

— Благодарю вас, сир, — пробормотал он и обернулся посмотреть, кто из рыцарей пришел к нему на помощь.

— Нужно быть осторожнее, мейстер, — сказала леди Мелисандра низким голосом, отдающим музыкой Яшмового моря. Как всегда, она была в красном с головы до пят. Просторное платье из огненного шелка с прорезями на рукавах и лифе открывало более темную кроваво-красную ткань внизу. Цепь червонного золота на шее, еще туже мейстерской, украшал единственный большой рубин. Волосы ее были не такие, как обычно бывают у рыжих, — они имели цвет полированной меди и ярко блестели при свете факелов. Даже глаза у нее были красные... зато кожа, безупречно гладкая, без единого изъяна, светилась молочной белизной. Стройная женщина, грациозная, выше большинства рыцарей, полногрудая, с тонкой талией и сердцевидным лицом. Мужские взоры подолгу задерживались на ней, и мейстеры не были исключением. Многие находили ее красавицей. Но она не была красивой. Красной была она — красной и страшной.

— Б-благодарю вас, миледи.

— Человек вашего возраста должен смотреть, куда идет. Ночь темна и полна ужасов.

Это слова из ее молитвы, вспомнил мейстер. «Ничего, у меня своя вера», — подумал он и сказал ей:

— Только дети боятся темноты. — Но не успел он это произнести, Пестряк снова завел свою песню:

— Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд.

— Вот вам и загадка, — сказала Мелисандра. — Умный дурак и глупый мудрец. — Она подобрала с пола колпак Пестряка и нахлобучила его на голову Крессену. Колокольчики тихо зазвенели. — Корона под стать вашей цепи, лорд мейстер. — Мужчины за столами смеялись.

Крессен, сжав губы, попытался побороть свою ярость. Она думает, что он слаб и беспомощен, но еще до конца ночи она убедится в обратном. Стар он или нет, он остается мейстером Цитадели.

— Мне не нужно иной короны, кроме истины, — сказал он, снимая дурацкий колпак с головы.

— В этом мире есть истины, которым не учат в Староместе. — Мелисандра отвернулась от него, взметнув красными шелками, и вернулась за высокий стол, где сидел король Станнис со своей королевой. Мейстер отдал рогатый колпак Пестряку и последовал за ней.

На его месте сидел Пилос.

Старик уставился на него и наконец произнес:

— Мейстер Пилос, вы... вы не разбудили меня.

— Его величество приказал вас не тревожить. — У Пилоса хватило совести покраснеть. — Он сказал, что вы ему здесь не понадобятся.

Крессен оглядел рыцарей, капитанов и лордов. Вот пожилой и унылый лорд Селтигар в мантии, расшитой красными крабами. Вот красивый лорд Веларион в шелке цвета морской волны — белый с золотом морской конек у него на шее хорошо подходит к его длинным светлым волосам. Лорд Бар Эммон, толстый четырнадцатилетний юнец, запеленат в пурпурный бархат, подбитый мехом белого котика. Сир Акселл Флорент не стал красивее

даже в пышном красновато-коричневом наряде с лисьим мехом, набожный лорд Сангласс носит лунные камни на шее, запястьях и пальцах, лисский капитан Салладор Саан блещет красным атласом, золотом и камнями. Только сир Давос одет просто, в бурый дублет и зеленую шерстяную мантию, и только сир Давос смотрит на него с жалостью.

— Ты слишком стар и бестолков, чтобы быть мне полезным. — Похоже на голос лорда Станниса — но нет, не может этого быть. — Отныне моим советником будет Пилос. Он уже занимается воронами, поскольку ты больше не можешь взбираться на вышку. Я не допущу, чтобы ты уморил себя у меня на службе.

Мейстер Крессен заморгал. «Станнис, мой лорд, мой грустный угрюмый мальчик, не делай этого. Разве ты не знаешь, как я заботился о тебе, жил ради тебя, любил тебя, несмотря ни на что? Да, любил, больше, чем Роберта или Ренли, ибо ты был нелюбимым ребенком и больше всех нуждался во мне».

— Как вам будет угодно, милорд, — сказал Крессен вслух, — но я... я голоден. Позволено ли мне будет занять место за вашим столом? — (Рядом с тобой, где я сидел всегда...)

Сир Давос поднялся со скамьи:

— Мейстер окажет мне честь, если сядет рядом со мной, ваше величество.

— Дело твое. — Станнис отвернулся и сказал что-то Мелисандре, сидевшей на почетном месте, по правую руку от него. Леди Селиса сидела по левую руку, и ее улыбка не уступала блеском ее драгоценностям.

«Сир Давос сидит слишком далеко, — уныло подумал Крессен. — Добрая половина лордов-знаменосцев отделяет контрабандиста от высокого стола. Надо сесть поближе к ней, если я хочу бросить душилителя в ее чашу, но как?»

Пестряк скакал вокруг мейстера, пока тот совершал свой медленный путь вокруг стола к Давосу Сиворту.

— Здесь мы едим рыбу, — весело сообщил шут, размахивая своим дурацким жезлом, — а на дне морском рыбы едят нас. Я знаю, я-то знаю.

Сир Давос подвинулся, освобождая место на скамье.

— Нам всем бы сегодня следовало облачиться в дурацкий наряд, — проворчал он, когда мейстер сел рядом, — потому что мы собираемся свалить большого дурака. Красная женщина углядела в пламени победу, и Станнис вознамерился действовать, невзирая на то, сколько нас. Боюсь, что еще до конца этой затеи мы все увидим то, что повидал Пестряк, — морское дно.

Крессен спрятал руки в рукавах, как будто для того, чтобы погреть их, и нащупал кристаллы под шерстью.

— Лорд Станнис.

Станнис повернулся к нему, но первой ответила леди Селиса:

— *Король* Станнис. Вы забываетесь, мейстер.

— Он стар и слабеет разумом, — ворчливо сказал ей король. — В чем дело, Крессен? Говори.

— Если вы собираетесь выйти в море, вам необходимо объединиться с лордом Старком или леди Аррен...

— Я ни с кем не намерен объединяться.

— Не более, чем свет объединяется с тьмой. — Леди Селиса взяла мужа за руку.

Станнис кивнул:

— Старки хотят украсть половину моего королевства — как Ланнистеры украли мой трон, а мой родной братец — крепости и мечи, принадлежащие мне по праву. Все они узурпаторы и враги мне.

«Я потерял его», — в отчаянии подумал Крессен. Если бы можно было как-нибудь незаметно подобраться к Мелисандре и к ее чаше... всего на один миг.

— Вы законный наследник вашего брата Роберта, истинный государь Семи Королевств, король андалов, ройнаров и Первых Людей, — отважно произнес мейстер, — но при всем при том не можете надеяться на победу, не имея союзников.

— У него есть союзник, — заявила леди Селиса. — Рглор, Владыка Света, Пламенное Сердце, Бог Огня и Тени.

— Боги — союзники в лучшем случае ненадежные, — не уступал старик, — а этот здесь и вовсе бессилён.

— Вы так думаете? — Леди Мелисандра повернула голову, и ее рубин сверкнул, став на миг ярким, как комета. — За такие умные речи вас следует снова увенчать вашей короной.

— Да, — согласилась леди Селиса, — короной Пестряка. Она тебе в самый раз, старик. Надень ее снова. Я приказываю.

— На дне морском головных уборов не носят, — вмешался Пестряк. — Я знаю, я-то знаю.

Лорд Станнис нахмурил свои тяжелые брови и стиснул зубы, молча двигая челюстью. Он всегда стискивал зубы, когда сердился.

— Дурак, — сказал он наконец, — исполни приказ моей леди-жены. Отдай Крессену свой колпак.

«Нет, — подумал старый мейстер. — Ты не мог сказать такого. Ты всегда был справедлив и при всей своей суровости никогда не был жестоким. Ты ни над кем не насмеялся — ведь ты не знаешь, что такое смех».

Пестряк запрыгал к нему, звеня колокольчиками: динь-дон, клинь-клон, бим-бом-бом. Мейстер сидел молча, пока дурак надевал свой рогатый колпак ему на лоб. Его голова поникла под тяжестью жестяной шапки, и колокольчики звякнули.

— Пусть теперь поет, когда захочет дать совет, — сказала леди Селиса.

— Ты заходишь слишком далеко, женщина, — ответил лорд Станнис. — Он старый человек и хорошо служил мне.

«Сейчас я сослужу тебе последнюю службу, мой милый лорд, мой бедный одинокий сын». Крессен внезапно понял, как ему быть. Чаша сира Давоса стояла перед ним, наполовину полная красным вином. Мейстер нашел в рукаве кристаллик, зажал его между большим и указательным пальцами и протянул руку к чаше. Только бы сделать это плавно, ловко, без суеты, взмолился он — и боги вняли его мольбе. В один миг его пальцы опустели. Уже много лет его рука не была столь твердой и легкой. Давос видел, но мейстер мог поручиться, что больше никто не заметил. Крессен встал, держа чашу в руке.

— Пожалуй, я и впрямь вел себя как дурак. Не хотите ли разделить со мной чашу вина, леди Мелисандра? В честь вашего бога, Владыки Света? В знак его могущества?

Красная женщина испытующе посмотрела на него.

— Извольте.

Мейстер чувствовал, что все взоры устремлены на него. Когда он перелез через скамью, Давос ухватил его за рукав пальцами, обрубленными лордом Станнисом, и шепнул:

— Что вы делаете?

— То, что должно быть сделано, — ответил ему Крессен, — ради нашей державы и души моего господина. — Он оторвал от себя руку Давоса, пролив немного вина на устланный тростником пол.

Женщина спустилась с помоста навстречу ему. Все смотрели на них, но Крессен видел только ее. Красный шелк, красные глаза, красный рубин на шее, красные губы приоткрыты в легкой улыбке. Она накрыла его руку, держащую чашу, своей, горячей, точно от лихорадки.

— Еще не поздно вылить все вино, мейстер.

— Нет, — прошептал он хрипло. — Нет.

— Ну, как угодно. — Мелисандра Асшайская взяла чашу из его рук и сделала долгий, глубокий глоток. Когда она вернула чашу Крессену, вина осталось совсем немного. — А теперь вы.

Его руки тряслись, но он заставил себя быть сильным. Мейстер из Цитадели ничего не должен бояться. Вино было кислое. Он выпустил пустую чашу из рук, она упала на пол и разбилась.

— Он имеет силу и здесь, милорд, — сказала женщина. — А огонь очищает. — Рубин у нее на шее мерцал красным светом.

Крессен хотел ответить, но слова застряли у него в горле. Кашель, одолевший его при попытке хлебнуть воздуха, перешел в тонкий свист, и железные пальцы стиснули его горло. Но даже упав на колени, он продолжал трясти головой, отрицая ее силу, отрицая ее магию, отрицая ее бога. «Дурак, дурак», — прозвенели колокольчики на жестяном колпаке, а красная женщина смотрела на него с жалостью, и пламя свечей плясало в ее красных, красных глазах.

В Винтерфелле ее прозвали Арья-лошадка, и она думала, что хуже этой клички ничего не может быть, пока Ломми Зеленые Руки не нарек ее Вороньим Гнездом.

Трогая свою голову, она сознавала, что это имя ей дали не напрасно. Когда Йорен уволок ее в переулочек, она подумала, что он хочет ее убить, но старик только зажал ее, как в тисках, и обрезал все ее лохмы своим кинжалом. Ветерок раскидал по булыжнику клочья грязных каштановых волос, унося их к септе, где умер ее отец. «Я увожу из города кучу мужчин и мальчишек, — проворчал Йорен, царапая ей голову острой сталью. — Стой смирно, мальчик». Когда он закончил, немногие волосы, оставшиеся у нее на голове, торчали во все стороны.

После он сказал ей, что до самого Винтерфелла она будет сиротой Арри. «За ворота, думаю, мы выйдем без труда, а вот дорога — другое дело. Тебе долго придется путешествовать в дурном обществе. На этот раз я веду к Стене тридцать человек, и не думай, что они все такие же, как твой сводный брат. — Йорен встряхнул ее, чтобы лучше запомнила. — Лорд Эддард открыл мне тюрьмы, и господских детей я там не нашел. Из этой шайки половина тут же выдаст тебя королеве за помилование и пару серебряков, а другая сделает то же самое, только сперва изнасилует тебя. Поэтому держись от них подальше, а малую нужду справляй в лесу. Это будет труднее всего, так что много не пей».

Из Королевской Гавани они вышли легко, как он и предсказывал. Стражники Ланнистеров у ворот останавливали всех, но Йорен назвал одного из них по имени, и его повозки пропустили беспрепятственно. На Арию никто даже не взглянул. Они искали девочку благородного происхождения, дочь десницы короля, а не тощего мальчишку с неровно откромсанными волосами. Арья ни разу не оглянулась назад. Ей хотелось, чтобы Черноводная вышла из берегов и смыла весь город — с Блошиным Концом, Красным Замком, Великой Септой и всеми жителями, — а первым делом принца Джоффри с его матушкой. Но она знала, что этого не будет, к тому же в городе осталась Санса. Вспомнив об этом, Арья перестала желать потопа и стала думать о Винтерфелле.

А вот насчет малой нужды Йорен ошибся. Самым трудным оказалось не это, а Ломми Зеленые Руки и Пирожок, мальчишки-сироты. Йорен подобрал их на улице, посулив, что в Дозоре их будут кормить и обувать. Остальных он нашел в тюрьме. «Дозору нужны воины, — сказал он им в день отъезда, — но за неимением лучшего сойдете и вы».

В его добычу входили воры, браконьеры и насильники. Хуже всех были трое, которых он взял из каменных мешков, — они, как видно, пугали даже его, потому что он вез их скованными по рукам и ногам и говорил, что они останутся в железах до самой Стены. У одного из них на месте отрезанного носа зияла дыра, а у лысого толстяка с заостренными зубами и мокнувшими язвами на щеках в глазах не было ничего человеческого.

Из Королевской Гавани они выехали с пятью повозками, нагруженными припасами для Стены: кожами и отрезами ткани, железными брусьями, клеткой с воронами, книгами, бумагой и чернилами, кипой кислота, кувшинами с маслом, ящичками с лекарствами и специями. Повозки тащили лошади. Йорен купил еще двух верховых и полдюжины ослов для мальчишек. Арья предпочла бы настоящего коня, но на осле ехать было лучше, чем в повозке.

Мужчины не обращали на нее внимания, но с мальчишками ей посчастливилось меньше. Она была на два года моложе самого младшего из них, не говоря уж о ее малом росте и

худобе, а ее молчание Ломми и Пирожок принимали за признак страха, глупости или глухоты.

— Глянь-ка, какой меч у Вороньего Гнезда, — сказал Ломми однажды утром, когда они тащились мимо плодовых садов и овсяных полей. Он был подмастерьем красильщика до того, как начал воровать, и руки у него остались зелеными по локоть. Когда он смеялся, то реготал, как ослы, на которых они ехали. — Откуда у такой подзаборной крысы, как он, взялся меч?

Арья угрюмо прикусила губу. В голове поезда маячил выцветший черный плащ Йорена, но она решила, что ни за что не станет звать на помощь.

— Может, он оруженосец, — заметил Пирожок. Его покойная мать была булочницей, и он день-деньской возил по улицам свою тележку, выкрикивая: «Пирожки! Пирожки горячие!» — Маленький оруженосец знатного лорда.

— Какой он оруженосец? Ты посмотри на него. Спорю, что и меч у него не настоящий. Жестяной, поди, игрушечный.

Насмешек над Иглою Арья не могла вынести.

— Это меч, выкованный в замке, дурак, — рывкнула она, повернувшись в седле, — и советую тебе заткнуться.

Мальчишки заржали.

— Где ж ты взял такой, Воронье Гнездо? — осведомился Пирожок.

— Спер, где ж еще, — рассудил Ломми.

— Нет! — крикнула Арья. Иглу ей подарил Джон Сноу. Пусть себе зовут ее Вороньим Гнездом, но она не потерпит, чтобы Джона обзывали вором.

— Если меч краденый, то мы можем его забрать, — сказал Пирожок. — Ведь это не его вещь. Мне бы такой пригодился.

— Давай отними, — подзадорил его Ломми. Пирожок лягнул пятками своего осла и подъехал поближе.

— Эй, Воронье Гнездо, давай сюда меч. — Волосы у него были как солома, толстая ряшка обгорела на солнце и лупилась. — Ты все равно не умеешь с ним обращаться.

«Еще как умею, — могла бы сказать Арья. — Я уже убила одного мальчишку, толстого, вроде тебя. Я ткнула его в живот, и он умер, и тебя я тоже убью, если будешь приставать». Но она промолчала. Йорен не знал о конюшонке — кто его знает, что он сделает с ней, если проведаст об этом. Арья полагала, что в их отряде есть и убийцы — те трое колодников уж точно душегубы, — но королева не ищет их, так что разница есть.

— Погляди на него, — заржал Ломми, — сейчас заплачет. Так ведь, Воронье Гнездо?

Ночью она и правда плакала, потому что ей приснился отец. Но утром она проснулась с сухими, хотя и красными, глазами и теперь не смогла бы пролить ни слезинки, даже если бы ее жизнь зависела от этого.

— Нет, он штаны намочит, — заявил Пирожок.

— Отстаньте от него, — сказал лохматый черный парень, ехавший позади них. Ломми прозвал его Быком из-за рогатого шлема, который тот все время полировал, но никогда не надевал на себя. Над Быком Ломми насмехаться не осмеливался. Тот был старше и к тому же велик для своего возраста, с широкой грудью и сильными руками.

— Ты лучше отдай меч Пирожку, Арри, — сказал Ломми. — Уж очень он ему приглянулся. Пирожок одного мальчика до смерти запинал — и с тобой то же самое сделает.

— Я повалил его и пинал по яйцам, пока он не помер, — похвастался Пирожок. — У

него из яиц кровь потекла, а писк вся почернела. Лучше отдай мне меч.

Арья сняла с пояса учебный.

— На, возьми этот. — Ей не хотелось драться.

— На кой мне эта палка. — Он подъехал вплотную к ней и потянулся к Игле.

Арья, размахнувшись, хлопнула его осла по крупу деревянным мечом. Ослик с ревом взвился на дыбы, скинув Пирожка. Арья тоже соскочила наземь и ткнула Пирожка деревяшкой в живот, когда он попытался встать. Он охнул и хлопнулся обратно. Тогда она огрела его по лицу, и его нос хрустнул, как сухая ветка. Потекла кровь. Пирожок завыл, и Арья обернулась к Ломми, который сидел на своем осле открывши рот.

— Ты тоже хочешь мой меч? — Но он не хотел. Он прикрыл лицо зелеными руками и завопил, чтобы она убиралась.

— Сзади! — крикнул Бык, и Арья крунулась на месте. Пирожок привстал на колени с большим острым камнем в кулаке. Арья позволила ему бросить — она пригнула голову, и камень просвистел мимо. Тогда она набросилась на Пирожка. Он вскинул руку, но она ударила его по ней, и по щеке, и по колену. Он хотел ее схватить, но она отскочила, будто танцуя, и треснула его деревяшкой по затылку. Он свалился, снова встал и подался к ней, шатаясь, — красный, перемазанный грязью и кровью. Арья ждала, приняв стойку водяного плясуна. Когда он подошел достаточно близко, она ткнула его между ног — так сильно, что, будь у деревянного меча острие, оно вышло бы между ягодиц.

Когда Йорен оттащил ее от Пирожка, тот валялся на земле, наложив полные штаны, и рыдал, а она продолжала молотить его что есть мочи.

— Хватит, — проревел черный брат, выхватив у нее деревянный меч, — ты убьешь его, дурака! — Ломми и другие подняли крик, но Йорен рывкнул на них: — А ну заткнитесь, пока я сам вас не заткнул. Если такое повторится, я привяжу вас к повозкам и волоком потащу к Стене. Тебя это в первую очередь касается, Арри. Пошли со мной, быстро.

Все смотрели на нее, даже трое скованных в фургоне. Толстяк щелкнул своими острыми зубами и зашипел, но Арья не обратила на него внимания.

Старик свел ее с дороги в лес, не переставая ругаться.

— Будь у меня хоть на грош здравого смысла, я оставил бы тебя в Королевской Гавани. Слышишь, мальчик? — Он всегда называл ее «мальчик», делая ударение на этом слове. — Спусти-ка штаны. Давай-давай, здесь тебя никто не увидит. — Арья угрюмо повиновалась. — А теперь стань к тому дубу. Вот так. — Она обхватила руками ствол и приникла лицом к грубой коре. — А теперь кричи, да погромче.

«Не стану кричать», — упрямо подумала она, но, когда Йорен приложил ей деревяшкой по голому телу, завопила помимо воли.

— Что, больно? А вот этак? — Меч свистнул в воздухе. Арья завопила снова, цепляясь за дерево, чтобы не упасть. — И еще разок. — Арья закусил губу и съежилась в ожидании. Удар заставил ее взвиться и завывать. «Но плакать я не стану, — твердила она про себя. — Я Старк из Винтерфелла, и наша эмблема — лютоволк, а лютоволки не плачут». По левой ноге у нее бежала струйка крови, ляжки и ягодицы горели. — Ну, может быть, теперь ты меня слушаешь. В следующий раз, как накинешься с этой палкой на кого-нибудь из своих братьев, получишь в два раза больше. Все, прикройся.

«Они мне не братья», — подумала Арья, наклоняясь, чтобы подобрать штаны, но благоразумно промолчала. Руки у нее дрожали, пока она возилась с завязками.

— Больно тебе? — спросил Йорен.

Спокойная, как вода, сказала она себе, как учил ее Сирио Форель, и ответила:

— Немножко.

— Пирожнику куда больнее, — сплюнув, сказал старик. — Это не он убил твоего отца, девочка, и не воришка Ломми. Сколько их ни бей, его не вернешь.

— Я знаю, — мрачно буркнула она.

— Есть кое-что, чего ты не знаешь. Я сам не знал, что так получится. Я уже собрался в дорогу, купил и загрузил повозки, как вдруг приходит ко мне человек с парнишкой, с полным кошельком и с посланием — не важно от кого. «Лорд Эддард скоро наденет черное, — говорит он мне, — подожди, и он отправится с тобой». Зачем, по-твоему, я пришел тогда в септу? Да только все обернулось по-другому.

— Джоффри, — выдохнула Арья. — Хоть бы его кто-нибудь убил!

— Убьет еще, да только не я и не ты. — Йорен сунул ей деревянный меч обратно. — Возьми в повозке кислolist и пожуй, — сказал он, когда они снова вышли на дорогу. — Легче станет.

Ей и правда стало легче, хотя вкус у кислolиста был противный, а слюна от него окрашивалась в кровавый цвет. Несмотря на это, она весь этот день, и завтрашний, и послезавтрашний шла пешком — на осле сидеть было невмоготу. Пирожку было еще хуже: Йорену пришлось передвинуть несколько бочек, чтобы устроить его в задке повозки на мешках с ячменем, и парень ныл каждый раз, когда колесо наезжало на камень. Ломми Зеленые Руки, хотя и не пострадал, держался от Арьи как можно дальше.

— Всякий раз, как ты смотришь на него, он дергается, — сказал ей Бык, с чьим ослом она шагала рядом. Она не ответила. Держать язык за зубами было, пожалуй, надежнее всего.

В ту ночь она, лежа в своем тонком одеяле на твердой земле, смотрела на красную комету, прекрасную и пугающую в то же время. «Красный меч», называл ее Бык, утверждая, что она похожа на раскаленный клинок, только что вынутый из горна. Прищуриив глаза особым образом, Арья тоже видела меч — только не новый, а Лед, длинный отцовский клинок из волнистой валирийской стали, красный от крови лорда Эддарда, когда сир Илин, королевский палач, срубил ему голову. Йорен заставил ее отвернуться в тот миг, но она все равно думала, что Лед должен был выглядеть так, как эта комета.

Когда она наконец уснула, ей приснился дом. Королевский Тракт на пути к Стене проходит мимо Винтерфелла. Йорен обещал, что высадит ее там — и никто так и не узнает, кто она. Ей ужасно хотелось снова увидеть мать, Робба, Брана и Рикона... но больше всех она скучала по Джону Сноу. Вот бы приехать к Стене раньше Винтерфелла, чтобы Джон опять взъерошил ей волосы и назвал сестричкой. «Я по тебе скучала», — скажет она, а он в тот же миг скажет то же самое, как всегда у них бывало. Ей так хотелось этого — больше всего на свете.

Настало утро именин короля Джоффри — яркое и ветреное, и длинный хвост кометы был виден сквозь летящие по небу облака. Санса смотрела на него из окна своей башни, когда сир Арис Окхарт пришел, чтобы проводить ее на турнир.

— Как вы думаете, что это означает? — спросила она.

— Комета пророчит славу вашему жениху. Смотрите, как пылает она на небе в день его именин, словно сами боги подняли флаг в его честь. В народе ее называют кометой короля Джоффри.

Джоффри, конечно, так и говорят, но Санса не была уверена, что это правда.

— Я слышала, как служанки называли ее Драконьим Хвостом.

— Король Джоффри сидит там, где некогда сидел Эйегон Драконовластный, в замке, построенном его сыном. Он наследник королев-драконов, а красный — цвет дома Ланнистеров, и это еще один знак. Эта комета послана, чтобы возвестить о восшествии Джоффри на трон, нет сомнений. Она означает, что он восторжествует над своими врагами.

«Неужели это правда?» — подумала она. Могут ли боги быть столь жестоки? Ее мать теперь тоже враг Джоффри, и ее брат Робб. Ее отец умер по приказу короля. Неужели матушка и Робб будут следующими? Эта комета красна, но Джоффри — Баратеон не менее, чем Ланнистер, а герб Баратеонов — черный олень на золотом поле. Разве боги не должны были послать Джоффри золотую комету?

Санса закрыла ставни и отвернулась от окна.

— Вы сегодня просто прелестны, миледи, — сказал сир Арис.

— Благодарю вас, сир. — Зная, что Джоффри непременно потребует ее присутствия на турнире в его честь, она уделила особое внимание своему лицу и одежде. На ней было платье из бледно-пурпурного шелка, а волосы покрывала сетка с лунными камнями, подарок Джоффри. Длинные рукава платья скрывали синяки на руках — ими ее тоже одарил Джоффри. Когда ему сказали, что Робба провозгласили Королем Севера, он впал в ужасную ярость и послал сира Бороса побить ее.

— Пойдемте? — Сир Арис предложил ей руку, и Санса, опершись на нее, вышла из комнаты. Если уж ее должен конвоировать кто-то из королевских гвардейцев, пусть это будет он. Сир Борос вспыльчив, сир Меррин холоден, странные мертвые глаза сира Мендона вселяют в нее тревогу, сир Престон обращается с ней, как с несмышленным ребенком. Арис Окхарт учтив и всегда говорит с ней приветливо. Однажды он даже не подчинился Джоффри, когда тот велел ему ударить ее. В конце концов он все-таки ударил, но не сильно, как сделали бы сир Меррин или сир Борос, и он как-никак возразил королю. Другие подчинялись без возражений... кроме Пса, но его Джофф никогда не просил ее наказывать. На то имелись пятеро других.

У сира Ариса светло-каштановые волосы и довольно приятное лицо. Сегодня он просто ослепителен в своем белом шелковом плаще, застегнутом на плече золотым листом, с развесистым дубом, вышитым блестящей золотой нитью на груди камзола.

— Как по-вашему, кто сегодня победит? — спросила Санса, спускаясь с ним по лестнице рука об руку.

— Я, — улыбнулся сир Арис. — Но боюсь, в такой победе мало чести. Турнир будет не из важных. На него записалось не более сорока человек, считая оруженосцев и вольных

всадников. Не слишком почетно вышибать из седла зеленых юнцов.

«То ли дело последний турнир», — подумала Санса. Король Роберт устроил его в честь ее отца. Знатные лорды и именитые бойцы съехались на него со всех концов государства, и весь город собрался поглядеть на них. Ей хорошо помнилось это великолепие: поле, уставленное вдоль реки шатрами с рыцарским щитом над каждой дверью, длинные ряды шелковых вымпелов, трепещущих на ветру, блеск солнца на яркой стали и золоченых шпорах. Дни проходили под пение труб и гром копыт, а по ночам пировали и веселились. Это были самые волшебные дни в ее жизни — но теперь ей казалось, что все это происходило в другом столетии. Роберт Баратеон мертв, а ее отец обезглавлен как изменник на ступенях Великой Септы Бейелора. Теперь в стране три короля, за Трезубцем бушует война, и город наполнили толпы бегущих от нее людей. Неудивительно, что турнир Джоффа приходится проводить за толстыми стенами Красного Замка.

— Вы не знаете, королева будет присутствовать? — Санса всегда чувствовала себя спокойнее при Серсее, сдерживавшей злобные выходки сына.

— Боюсь, что нет, миледи. Она сейчас на совете, который собрался по какому-то срочному делу. — Сир Арис понизил голос. — Лорд Тайвин засел в Харренхолле, вместо того чтобы привести свое войско в город, как приказывала королева. Ее величество в ярости. — Он помолчал, пока мимо не прошли гвардейцы Ланнистеров в алых плащах и с гребнями на шлемах. Сир Арис любил посплетничать, но лишь когда был уверен, что посторонние его не слышат.

Плотники поставили во внешнем дворе галерею и устроили ристалище. Поле и правда получилось жалкое, а горстка зрителей заполняла только половину сидений. Большей частью это были солдаты городской стражи в золотых плащах или красные гвардейцы дома Ланнистеров. Лордов и леди при дворе осталось совсем немного. Серолицый лорд Джайлс Росби кашлял в розовый шелковый платок. Леди Танда сидела в компании своих дочерей, скучной тихони Лоллис и языкатой Фалисы. Был здесь также чернокожий Джалабхар Ксо, изгнанник, которому больше некуда было деваться, и леди Эرمесанда, малютка на коленях у своей кормилицы. Говорили, что ее скоро выдадут за одного из кузенов королевы, чтобы Ланнистеры смогли получить ее земли.

Король сидел под красным балдахином, небрежно перекинув одну ногу через резную ручку кресла. Принцесса Мирцелла и принц Томмен устроились позади него. В глубине королевской ложи стоял на страже Сандор Клиган, держа руки на поясе. Белоснежный плащ королевского гвардейца, застегнутый драгоценной брошью, выглядел нелепо поверх бурого грубошерстного камзола и кожаного колета с заклепками.

— Леди Санса, — кратко доложил Пес, увидев ее. Голос у него был как пила, входящая в дерево, и одна сторона рта из-за ожогов на лице и горле дергалась, когда он говорил.

Принцесса Мирцелла робко кивнула Сансе в знак приветствия, зато пухлый маленький принц Томмен так и подскочил.

— Санса, ты слышала? Я сегодня тоже участвую в турнире. Мама мне разрешила. — Томмену было восемь, и он напоминал Сансе ее собственного младшего брата, Брана. Мальчики были одногодками. Бран остался в Винтерфелле. Теперь он калека, зато ему ничего не грозит.

Санса отдала бы все на свете, чтобы быть рядом с ним.

— Я опасаясь за жизнь вашего противника, — серьезно сказала она Томмену.

— Его противник будет набит соломой, — сказал Джофф, вставая. На нем был

позолоченный панцирь со львом, стоящим на задних лапах, — в пору на войну отправляться. Сегодня ему исполнилось тринадцать, и он был высок для своего возраста, зеленоглазый и золотоволосый, как все Ланнистеры.

— Ваше величество, — сказала Санса, присев в реверансе.

Сир Арис поклонился:

— Прошу извинить меня, ваше величество. Я должен подготовиться к состязанию.

Джоффри небрежным жестом отпустил его и оглядел Сансу с ног до головы.

— Я рад, что ты надела мои камни.

Итак, король сегодня расположен быть галантным. Санса испытала облегчение.

— Я благодарна вам за них... и за ваши приветливые слова. Поздравляю ваше величество с днем ваших именин.

— Садись, — приказал Джоффри, указав ей на свободное место рядом с собой. — Ты слышала? Король-попрошайка умер.

— Кто? — Санса испугалась на миг, подумав, что он имеет в виду Робба.

— Визерис. Последний сын безумного короля Эйериса. Он скитался по Вольным Городам еще до моего рождения, называя себя королем. Так вот, мать говорит, что дотракийцы наконец короновали его — расплавленным золотом. — Джоффри засмеялся. — Забавно, тебе не кажется? Ведь их эмблемой был дракон. Все равно как если бы твоего изменника-брatца загрыз волк. Может быть, я и правда скормлю его волкам, когда поймаю. Я говорил тебе, что намерен вызвать его на поединок?

— Мне очень хотелось бы посмотреть на это, ваше величество. — (Больше, чем ты думаешь.) Санса отвечала ровно и учтиво, но Джоффри все равно прищурил глаза, стараясь понять, не насмехается ли она над ним. — Вы нынче тоже выйдете на поле? — поспешно спросила она. Король нахмурился.

— Моя леди-мать сказала, что мне не подобает участвовать в турнире, устраиваемом в мою честь. Иначе я стал бы первым. Верно ведь, Пес?

— Среди этого сборища? — дернул ртом Пес. — Почему бы и нет?

«На отцовском турнире первым был он», — вспомнила Санса.

— А вы будете сегодня сражаться, милорд? — спросила она.

— Не стоит труда надевать доспехи, — презрительно процедил он. — Это турнир комаришек.

— Ишь, как злобно мой Пес лает, — засмеялся король. — Быть может, я прикажу ему сразиться с победителем этого дня. Насмерть. — Джоффри любил заставлять людей сражаться насмерть.

— Тогда у вас станет одним рыцарем меньше. — Пес так и не принес рыцарского обета. Его брат был рыцарем, а он ненавидел своего брата.

Запели трубы. Король сел на место и взял Сансу за руку. Прежде это заставило бы ее сердце забиться сильнее — но это было до того, как он в ответ на мольбу о милосердии поднес ей голову ее отца. Теперь его прикосновение было ей омерзительно, но она знала, что показывать этого нельзя, и принудила себя сидеть смиренно.

— Сир Меррин Трант из Королевской Гвардии, — объявил герольд.

Сир Меррин появился с западной стороны двора в блистающих, украшенных золотом белых доспехах, на молочно-белом скакуне с пышной серой гривой. Плащ струился позади него, как снегопад. В руке он держал двенадцатифутовое копьё.

— Сир Хоббер из дома Редвинов, что в Бору, — пропел герольд.

Сир Хоббер выехал с восточной стороны на черном жеребце в винно-красной с синим попоне, с копьем, раскрашенным в те же цвета. Его щит украшала виноградная гроздь — герб его дома. Близнецы Редвины, как и Санса, были гостями королевы помимо своей воли. Сансе хотелось бы знать, кто придумал выставить их на турнир Джоффри. Уж наверное, не они сами.

По сигналу мастера над ристалищем бойцы опустили свои копья и пришпорили коней. Зрители, солдаты и знатные господа, подбадривали их криками. Рыцари сшиблись посреди двора в грохоте дерева и стали. Копья, и белое и полосатое, раскололись в щепки. Хоббер Редвин пошатнулся, но удержался в седле. Повернув коней, рыцари разъехались по своим концам поля, где оруженосцы вручили им новые копья. Сир Хорас, близнец Хоббера, кричал, поддерживая брата.

Но при втором наскоке сир Меррин ударил острием копья в грудь сир Хобберу и выбил его из седла. Тот с грохотом рухнул наземь, и сир Хорас, выбравшись, поспешил ему на помощь.

— Скверный бой, — сказал король Джоффри.

— Сир Бейлон Сванн из Стонхельма, что на Красном Дозоре, — возвестил герольд. Шлем сира Бейлона украшали широкие белые крылья, а на его щите черные лебеди сражались с белыми. — Моррос из дома Слинтов, наследник лорда Яноса Харренхоллского.

— Поглядите-ка на этого тупоголового выскочку, — фыркнул Джофф достаточно громко, чтобы его слышала половина зрителей. Моррос, всего лишь оруженосец, притом недавний, весьма неуклюже управлялся с копьем и щитом. Копье, как было известно Сансе, рыцарское оружие, Слинты же низкого происхождения. Лорд Янос командовал городской стражей, прежде чем Джоффри пожаловал ему Харренхолл и ввел в свой совет.

Хоть бы он упал и осрамился, с ожесточением подумала Санса. Хоть бы сир Бейлон его убил. Когда Джоффри объявил ее отцу смертный приговор, это Янос Слинг схватил отрубленную голову лорда Эддарда за волосы и показал ее королю и народу под плач и крики Сансы.

Моррос был в плаще в черную и золотую клетку поверх черной, инкрустированной золотом брони, на щите красовалось окровавленное копье, которое его отец избрал эмблемой своего вновь учрежденного дома. Но, посылая коня вперед, он, видимо, не знал, что делать со щитом, и копье сира Бейлона угодило прямо в эмблему. Моррос выронил свое и зашатался. При падении одна его нога застряла в стремях, и конь поволок его по полю, стучая головой о землю. Джофф презрительно заулюлюкал, Санса же ужаснулась. Значит ли это, что боги вняли ее мстительной мольбе? Но когда Морроса Флинта освободили, он был жив, хотя и весь в крови.

— Томмен, мы выбрали тебе не того противника, — сказал король брату. — Соломенный рыцарь сражается лучше, чем этот.

Следующим настал черед сира Хораса Редвина. Он превзошел своего брата, победив пожилого рыцаря, чей щит украшали серебряные грифоны на белом и голубом поле. Старик не сумел поддержать великолепия своего герба.

— Жалкое зрелище, — скривил губы Джоффри.

— Я ж говорил — комаришки, — отозвался Пес.

Королю становилось скучно, и это беспокоило Сансу. Она опустила глаза и решила молчать, несмотря ни на что. Когда Джоффри Баратеон пребывал в дурном настроении, любое неосторожное слово могло привести его в ярость.

— Лотор Брюн, вольный всадник на службе лорда Бейлиша, — выкрикнул герольд. — Сир Донтос Красный из дома Холлардов.

Вольный всадник, маленький человечек в щербатой броне без девиза, появился в западном конце, но его противника не было видно. Затем на поле рысцей выбежал гнедой жеребец в красных и багровых шелках, но без сира Донтоса. Рыцарь появился миг спустя, ругаясь почему зря. Кроме панциря и пернатого шлема, на нем ничего более не было. Он гнался за конем, сверкая тощими бледными ногами, и его мужское естество непристойно болталось. Зрители покатывались со смеху, выкрикивая оскорбления. Ухватив коня за уздечку, сир Донтос попытался сесть на него, но скакун не желал стоять смиренно, а рыцарь был так пьян, что никак не мог попасть босой ногой в стремя.

Все уже просто изнемогали от смеха... все, но не король. Сансе было хорошо знакомо выражение в глазах Джоффри — такой же взгляд был у него, когда он в Великой Септе Бейелора приговорил к смерти лорда Эддарда Старка. Сир Донтос Красный наконец отказался от своих бесплодных усилий, уселся в грязь, снял свой шлем с плюмажем и крикнул:

— Сдаюсь! Принесите мне вина.

Король встал:

— Подать сюда бочку из подвалов! Сейчас мы утопим его в ней.

— Нет, так нельзя! — вырвалось у Сансы. Король повернул к ней голову:

— Что ты сказала?

Санса не могла поверить в собственную глупость. С ума она, что ли, сошла — сказать королю «нельзя» перед половиной его двора? Она и не хотела ничего говорить... но ведь сир Донтос, пьяный, глупый и никчемный, не сделал никому зла.

— Ты сказала «нельзя»? Я не ослышался?

— Прошу вас, ваше величество... я хотела только сказать, что это было бы дурным знаком... убивать человека в день ваших именин.

— Лжешь. Тебя следует утопить вместе с ним, если он так тебе дорог.

— Он мне ничуть не дорог, ваше величество, — отчаянно лепетала она. — Топите его, рубите ему голову... только умоляю, сделайте это завтра, а не сегодня, не в ваши именины. Это очень несчастливый знак... для всех, даже для королей, так во всех песнях поется.

Джоффри помрачнел. Он понимал, что она лжет, он это видел. Он заставит ее поплатиться за это.

— Девушка верно говорит, — вмешался Пес. — Что человек посеет в свои именины, то пожинает весь год. — Он говорил равнодушно, словно его вовсе не заботило, верит ему король или нет. Правда ли это? Санса не знала. Сама она сочинила это только что, чтобы избежать наказания.

Джоффри, недовольно поерзав на сиденье, щелкнул пальцами в сторону сира Донтоса.

— Убрать его. Я казнь этого дурака завтра.

— Вот-вот — он дурак, — сказала Санса. — Ваше величество очень тонко это подметили. Ему больше подходит быть дураком, чем рыцарем, правда? Его следует одеть в шутовской наряд и заставить веселить вас. Он не заслуживает такой милости, как быстрая смерть.

Король пристально посмотрел на нее.

— А ты, пожалуй, не так глупа, как говорит матушка. — Он возвысил голос. — Ты слышал, что сказала миледи, Донтос? Отныне ты мой новый дурак. Будешь спать вместе

с Лунатиком и одеваться в пестрое.

Сир Донтос, которого близкая смерть отрезвила, упал на колени.

— Благодарю вас, ваше величество. И вас, миледи. Благодарю.

Гвардейцы Ланнистеров увели его прочь, и к королевской ложе подошел мастер над ристалищем.

— Ваше величество, как мне поступить — вызвать нового соперника для Брюна или огласить следующую пару?

— Ни то, ни другое. Это комаришки, а не рыцари. Я их всех предал бы смерти, не будь это мои именины. Турнир окончен. Пусть все убираются с глаз долой.

Мастер над ристалищем поклонился, но принц Томмен был не столь послушен.

— А как же я? Я должен выехать против соломенного человека.

— В другой раз.

— Но я хочу сегодня!

— Мало ли что ты хочешь.

— А мама сказала, что можно!

— Да, сказала, — подтвердила принцесса Мирцелла.

— Мама, мама, — передразнил король. — Что вы как маленькие?

— Мы и есть маленькие, — заявила Мирцелла.

— С этим не поспоришь, — засмеялся Пес.

— Хорошо, — сказал Джоффри. — Даже мой брат не может быть хуже, чем они.

Мастер, поставьте кинтану — Томмен хочет поиграть в комара.

Томмен весело завопил и побежал одеваться, мелькая толстыми ножками.

— Желаю удачи, — сказала ему вслед Санса.

В дальнем конце поля поставили кинтану, и для принца оседлали пони. Противником Томмена было кожаное, набитое соломой чучело ростом с ребенка. Оно стояло на поворотной опоре, со щитом в одной руке и тряпичной палицей в другой. Кто-то нацепил ему на голову пару оленьих рогов. Санса вспомнила, что отец Джоффри король Роберт тоже носил оленьи рога на шлеме... но их носит и королевский дядя, лорд Ренли, вставший на путь измены и объявивший себя королем.

Двое оруженосцев облачили принца в его нарядные, красные с серебром, доспехи. На шлеме у него высился пышный плюмаж из красных перьев, а на щите резвились вместе лев Ланнистеров и коронованный олень Баратеонов. Оруженосцы усадили Томмена на коня, а сир Арон Сантагар, мастер над оружием Красного Замка, вручил принцу тупой серебряный меч с клинком в форме листа, сделанный по руке восьмилетнего мальчика.

Томмен высоко вскинул меч.

— Бобровый Утес! — прокричал он тонким ребячьим голосом, пришпорил своего пони и поскакал по утоптанной земле к кинтане. Леди Танда и лорд Джайлс разразились ободряющими возгласами, и Санса присоединилась к ним. Король угрюмо молчал.

Томмен перевел пони на мелкую рысь и нанес мечом солидный удар по щиту чучела, проезжая мимо. Кинтана повернулась, и мягкая палица хлопнула принца по затылку. Томмен вылетел из седла и упал, дребезжа, словно груда пустых котелков. Меч он потерял, пони ускакал прочь, а зрители грохнули со смеху. Король Джоффри смеялся громче и дольше всех, но принцесса Мирцелла выскочила из ложи и бросилась к младшему брату.

В Сансе неожиданно разыгралась дерзкая отвага.

— Вам тоже следовало бы пойти с ней, — сказала она королю. — Вдруг ваш брат

ушибся.

— Ну и что? — пожал плечами Джоффри.

— Вы должны помочь ему и сказать, какой он молодец. — Санса уже не могла остановиться.

— Чучело скинуло его в грязь. Тоже мне молодец.

— А мальчуган-то не робкого десятка, — заметил Пес. — Хочет попытаться еще раз.

Томмену помогли сесть на пони. «Жаль, что старший не он, а Джоффри, — подумала Санса. — За Томмена я охотно вышла бы замуж».

Но тут у ворот замка послышался шум. Загрохотали цепи, решетку подняли, железные петли заскрипели, и ворота открылись.

— Кто приказал? — вскричал Джоффри. В городе было беспокойно, и ворота Красного Замка оставались закрытыми день и ночь.

Под решеткой, позвякивая сталью, проехал конный отряд. Клиган приблизился к королю, опустив руку на меч. У новоприбывших был изнуренный, пыльный и обтрепанный вид, но ехали они под штандартом с ланнистерским львом, золотым на красном поле. Несколько человек имели на себе красные плащи и кольчуги ланнистерских солдат, но большинство составляли вольные всадники и наемники в разномастных доспехах и острой стальной щетине... а следом ехали дикари из сказок старой Нэн, из страшных сказок, которые так любил Бран. Косматые и бородатые, они были одеты в звериные шкуры и вареную кожу. У некоторых на руках и головах виднелись окровавленные повязки, у других недоставало глаз, ушей и пальцев.

В середине на высоком рыжем коне в странном седле с высокими луками спереди и сзади ехал брат королевы, карлик Тирион Ланнистер, тот, кого прозвали Бесом. Он отпустил бороду, и его острая мордочка заросла пегим, желтым и черным волосом, жестким, как проволока. Спину его покрывал плащ из меха сумеречного кота, черный в белую полоску. Он держал поводья левой рукой — правую поддерживала белая шелковая перевязь. При всем при том он оставался таким же уродцем, каким Санса запомнила его в Винтерфелле, со своим выпирающим лбом и разномастными глазами. Она в жизни не встречала более безобразного человека.

Но Томмен пришпорил своего пони и с восторженным воплем поскакал через двор. Один из дикарей, громадный и такой заросший, что видны были одни глаза, выхватил мальчика из седла во всех его доспехах и поставил на землю перед дядей. Томмен закатился смехом, отразившимся от стен. Тирион хлопнул его по панцирю, и Санса с изумлением увидела, что эти двое одного роста. Мирцелла подбежала к брату. Карлик схватил ее в охапку и закружил.

Поставив визжащую девочку, он поцеловал ее в лоб и направился через двор к Джоффри. Два его человека последовали за ним — чернявый наемник с кошачьей походкой и тощий парень с пустым отверстием на месте одного глаза. Томмен и Мирцелла замыкали процессию.

Карлик преклонил колени перед королем.

— Ваше величество.

— Ты, — произнес Джоффри.

— Я, — подтвердил Бес, — хотя как ваш дядя и старший по возрасту я заслуживал бы более учтивого приветствия.

— Мы слышали, что ты умер, — сказал Пес.

Глаза маленького человечка — и зеленый, и черный — обдали большого холодом.

— Я говорю с королем, а не с его шавкой.

— Я рада, что ты не умер, — сказала Мирцелла.

— Полностью разделяю твое чувство, милое дитя. Миледи, — сказал Тирион Сансе, — я сожалею о ваших потерях. Поистине боги жестоки.

Санса не знала, что сказать. Как он может сожалеть о ее потерях? Уж не смеется ли он над ней? Боги здесь ни при чем. Джоффри — вот кто жесток.

— Прими и ты мои соболезнования, Джоффри, — сказал карлик.

— По поводу чего?

— У тебя, помнится, был отец. Такой здоровенный, свирепый, с черной бородищей — припоминаешь? Он был у нас королем до тебя.

— А, ты о нем. Да, прискорбный случай. Его убил вепрь.

— Так говорят у вас при дворе, ваше величество?

Джоффри нахмурился, и Санса почувствовала, что должна что-то сказать. Как это говорила септа Мордейн? «Броня леди — ее учтивость». Одевшись в свою броню, Санса произнесла:

— Я сожалею, что моя леди-мать взяла вас в плен, милорд.

— Об этом многие сожалеют — и пожалеют еще сильнее... однако благодарю вас за участие. Джоффри, где я могу найти твою мать?

— Она с моим советом. Твой брат Джейме продолжает проигрывать сражения. — Джоффри сердито глянул на Сансу, словно это была ее вина. — Старки захватили его в плен, мы потеряли Риверран, а теперь ее глупый братец называет себя королем.

— Кто только не называет себя королем в наши дни, — с кривой улыбкой ответил карлик.

Джоффри не совсем понял, что он хотел сказать, но вид у короля сделался подозрительным и немного растерянным.

— Это верно. Хорошо, дядя, я рад, что ты жив. Ты привез мне подарок ко дню моих именин?

— Да. Свой ум.

— Я предпочел бы голову Робба Старка. — Джофф покосился на Сансу. — Томмен, Мирцелла, идемте.

Сандор Клиган задержался еще на миг.

— На твоём месте я придержал бы язык, малыш, — сказал он, прежде чем последовать за своим господином.

Санса осталась одна с карликом и его чудищами. Не зная, что бы еще сказать, она наконец вымолвила:

— Я вижу, вы ранены.

— Один из ваших северян угостил меня булавой в битве на Зеленом Зубце. Я спасся только тем, что свалился с коня. — Он присмотрелся к Сансе, и его ухмылка стала чуть помягче. — Это из-за утраты отца вы так печальны?

— Мой отец был изменником, — тут же ответила Санса. — Как и мой брат и моя леди-мать. — Она быстро выучилась, как надо отвечать. — Но я верна своему возлюбленному Джоффри.

— Не сомневаюсь. Верна, как лань, окруженная волками.

— Львами, — шепнула она, не подумав, и беспокойно оглянулась — но ее никто не

слышал.

Ланнистер взял ее руку и пожал:

— Я очень мелкий лев, дитя мое, и клянусь, что не стану на вас нападать. А теперь прошу меня извинить, — добавил он с поклоном. — У меня срочное дело к королеве и ее совету.

Санса посмотрела, как он уходит, раскачиваясь из стороны в сторону на каждом шагу, точно смешная кукла из балаганчика. «Он ласковее, чем Джоффри, — подумала она, — но королева тоже была со мной ласкова. Он Ланнистер, этот карлик, ее брат и дядя Джоффри, он не может быть моим другом». Санса любила принца Джоффри всем сердцем, а королеве верила и восхищалась ею. Они отплатили ей за любовь и доверие головой ее отца. Больше она не повторит своей ошибки.

В белом одеянии королевского гвардейца сир Мендон Мур походил на мертвеца в саване.

— Ее величество приказывала ни под каким видом не прерывать заседания совета.

— Позвольте мне все же побеспокоить ее, сир. — Тирион достал из рукава пергаментный свиток. — У меня письмо от моего отца, лорда Тайвина Ланнистера, десницы короля. Вот его печать.

— Ее величество не желает, чтобы ее беспокоили, — медленно, словно тупице, не способному понять с первого раза, повторил сир Мендон.

Джейме как-то сказал Тириону, что Мур самый опасный из королевских гвардейцев — исключая, конечно, его самого, — поскольку по его лицу никогда не видно, что он делает потом. Тирион был бы рад любому намеку. Бронн и Тиметт скорее всего убьют рыцаря, если дело дойдет до мечей, — но вряд ли стоит начинать с убийства одного из защитников Джоффри. С другой стороны, нельзя позволять прогонять себя прочь — это дурно сказывается на авторитете.

— Сир Мендон, я еще не представил вам своих спутников. Это Тиметт, сын Тиметта, Красная Рука клана Обгорелых. А это Бронн. Вы, вероятно, помните сира Вардуса Игена, капитана стражи лорда Аррена?

— Да, я его знаю. — Блеклые серые глаза сира Мендона смотрели равнодушно, как неживые.

— Вернее, знали, — с улыбочкой поправил Бронн.

Сир Мендон не соизволил ответить.

— Как бы там ни было, — беззаботно продолжал Тирион, — мне в самом деле нужно повидать мою сестру и вручить ей письмо. Будьте столь любезны, откройте нам дверь.

Белый рыцарь молчал. Тирион уже собрался вторгнуться силой, но сир Мендон неожиданно отступил в сторону.

— Вы можете пройти, но без них.

«Победа хоть и маленькая, но приятная», — подумал Тирион. Он выдержал первое испытание. Проходя в дверь, Тирион Ланнистер чувствовал себя почти высоким. Пять королевских советников внезапно умолкли, прервав свою беседу.

— Ты, — сказала его сестра Серсея тоном недоверчивым и неприязненным в равной мере.

— Теперь я вижу, у кого Джоффри перенял свои манеры. — Тирион полюбовался валирийскими сфинксами, стерегущими дверь, с видом небрежной уверенности в себе. Серсея чует слабость, как собака — страх.

— Что ты здесь делаешь? — Красивые зеленые глаза сестры вперились в него без малейшего намека на привязанность.

— У меня письмо от нашего лорда-отца. — Тирион вразвалку подошел к столу и положил на него туго скатанный свиток.

Евнух Варис, взяв письмо, повертел его в напудренных пальцах.

— Как любезно со стороны лорда Тайвина. И каким красивым золотистым воском он пользуется. — Он поднес свиток к глазам. — Печать, по всей видимости, настоящая.

— Разумеется, она настоящая. — Серсея вырвала письмо у него из рук, взломала печать и развернула пергамент.

Тирион смотрел, как она читает. Серсея заняла королевское место — видимо, Джоффри не часто оказывает совету честь своим присутствием, как, впрочем, и Роберт. Поэтому Тирион взобрался на стул десницы, что было вполне уместно.

— Бессмыслица какая-то, — сказала наконец королева. — Мой лорд-отец шлет моего брата, чтобы тот занял его место в совете. Он просит нас считать Тириона десницей короля вплоть до того времени, когда прибудет к нам сам.

Великий мейстер Пицель погладил свою пушистую белую бороду и важно кивнул.

— Полагаю, нам следует уважить волю лорда Тайвина.

— Согласен. — Брыластый, лысеющий Янос Слингт смахивал на лягушку, которая пыжится, силясь казаться больше, чем есть. — Мы отчаянно нуждаемся в вас, милорд. Мятажи по всему государству, зловещий знак на небе, волнения на городских улицах...

— А кто в этом виноват, лорд Янос? — резко спросила Серсея. — За порядок отвечают ваши золотые плащи. Что до тебя, Тирион, то ты лучше послужил бы нам на поле битвы.

— Нет уж, спасибо, — засмеялся он. — Довольно с меня полей битвы. На стуле я сажу лучше, чем на лошади, и предпочитаю кубок вина боевому топору. А как же барабанный гром, спросите вы, и солнце, блистающее на броне, и великолепные скакуны, которые ржут и рвутся в бой? Но от барабанов у меня болит голова, в доспехах, блистающих на солнце, я поджариваюсь, точно гусь в праздник урожая, а великолепные скакуны засирают все как есть. Впрочем, я не жалуюсь. После гостеприимства, оказанного мне в Долине Аррен, барабаны, конское дерьмо и мухи кажутся просто блаженством.

— Хорошо сказано, Ланнистер, — со смехом сказал Мизинец. — Вот человек, который мне по сердцу.

Тирион улыбнулся ему, вспомнив некий кинжал с рукояткой из драконьей кости и клинком из валирийской стали. «Надо будет поговорить с тобой об этом — и поскорее», — подумал он. Как-то этот предмет беседы покажется лорду Петтиру?

— Прошу вас, — сказал он членам совета, — позвольте мне быть вам полезным по мере моих *малых* сил.

Серсея перечитала письмо сызнова.

— Сколько человек ты привел с собой?

— Несколько сотен. В основном это мои люди. Со своими отец не пожелал расстаться. Он как-никак ведет войну.

— Что проку нам будет от твоих нескольких сотен, если Ренли двинется на город или Станнис отплывет с Драконьего Камня? Я прошу войско, а отец шлет мне карлика. Десницу назначает король с согласия своего совета — и Джоффри назначил нашего лорда-отца.

— А наш лорд-отец назначил меня.

— Он не может этого сделать без согласия Джоффа.

— Если ты считаешь необходимым обсудить это с лордом Тайвином, он стоит в Харренхолле со своим войском, — сообщил Тирион. — Милорды, не позволите ли вы мне поговорить с сестрой с глазу на глаз?

Варис встал первым, улыбаясь умильно, как всегда.

— Как вы, должно быть, соскучились по прелестному голосу вашей дражайшей сестрицы. Милорды, прошу вас, оставим их одних на несколько мгновений. Заботы, одолевающие наше несчастное государство, могут немного подождать.

Янос Слингт и великий мейстер Пицель тоже поднялись — один нерешительно, другой

величественно. Мизинец был последним.

— Я прикажу стюарду приготовить вам комнаты в крепости Мейегора, — предложил он.

— Благодарю, лорд Петир, но я займу бывшие покои лорда Старка в башне Десницы.

— Стало быть, вы храбрее меня, Ланнистер, — засмеялся Мизинец. — Всем известно, какая судьба постигла двух последних десниц.

— Двух? Если уж вам хочется напугать меня, почему бы не сказать «четырёх»?

— Четырёх? — поднял бровь Мизинец. — Неужели и другие десницы до лорда Аррена нашли в этой башне свой печальный конец? Боюсь, я был слишком молод, чтобы уделять этому внимание.

— Последний десница Эйериса Таргариена был убит при взятии Королевской Гавани, хотя я не думаю, что он успел обосноваться в башне. Он пробыл десницей всего две недели. А его предшественника сожгли заживо. Перед этими были еще двое — они умерли без гроша в изгнании, но почитали себя счастливыми. Думается, из всех десниц только моему лорду-отцу удалось покинуть Королевскую Гавань, не лишившись имени, имущества и какой-либо части тела.

— Захватывающе, — сказал Мизинец. — Тем больше причин, по которым я предпочел бы ночевать в темнице.

«Быть может, твое желание еще сбудется», — подумал Тирион, но вслух сказал:

— Отвага сродни безумию — так я по крайней мере слышал. Какое бы проклятие ни тяготело над башней Десницы, я, хотелось бы думать, настолько мал, что оно меня не заметит.

Янос Слингт засмеялся, Мизинец улыбнулся, а великий мейстер Пицель с церемонным поклоном вышел из комнаты вслед за ними.

— Надеюсь, отец прислал тебя не затем, чтобы ты докучал нам уроками истории, — сказала Серсея, когда они удалились.

— Как я соскучился по твоему прелестному голосу, — вздохнул Тирион.

— Чего бы мне хотелось, так это вырвать нашему евноху язык горячими щипцами. В своем ли уме наш отец? Или письмо подделал ты? — Серсея перечитала послание еще раз, с возрастающим раздражением. — С чего ему вздумалось навязать мне тебя? Я хотела, чтобы он сам приехал. — Она смяла пергамент в руках. — Я — регент Джоффри, и я послала ему королевский приказ!

— А он взял и не послушался. У него большая армия — он может себе это позволить. Впрочем, не он первый, верно?

Серсея сжала губы, и краска бросилась ей в лицо.

— Если я объявлю, что это письмо — подделка, и велю бросить тебя в темницу, меня послушают, ручаюсь тебе.

Тирион понимал, что ступает по талому льду. Один неверный шаг — и он провалится.

— Не сомневаюсь, — дружелюбно сказал он. — И наш отец, у которого большая армия, тоже не оставит это без внимания. Но зачем тебе нужно бросать меня в темницу, милая сестра, — меня, который проделал столь долгий путь, чтобы помочь тебе?

— Твоя помощь мне не требуется. Я вызвала отца, а не тебя.

— Да, — согласился он, — но по-настоящему тебе нужен только Джейме.

Сестра считает себя тонкой бестией, но они как-никак росли вместе. Он читал по ее лицу, как по одной из своих любимых книг — сейчас он видел на нем ярость, страх и

отчаяние.

— Джейме...

— ...мой брат не меньше, чем твой, — прервал ее Тирион. — Предоставь мне свою поддержку, и я обещаю тебе: мы освободим Джейме и вернем его к нам целым и невредимым.

— Каким образом? Мальчишка Старк и его мать вряд ли забудут, что мы обезглавили лорда Эддарда.

— Это верно — но его дочери все еще у тебя, не так ли? Я видел старшую во дворе с Джоффри.

— Да, это Санса. Я дала понять, что младшая тоже у меня, но это неправда. Я послала за ней Меррина Транта, когда Роберт умер, но вмешался ее проклятый учитель танцев, и девчонка сбежала. С тех пор ее никто не видел. Скорее всего ее нет в живых. В тот день многие расстались с жизнью.

Тирион надеялся, что обе дочери Старка здесь, но делать нечего — придется обойтись одной.

— Расскажи мне о наших друзьях-советниках.

Она оглянулась на дверь:

— А что?

— Отец, похоже, их сильно недолюбливает. Когда я уезжал, он представлял себе, как выглядели бы их головы на стене рядом с головой лорда Старка. — Тирион подался через стол к сестре. — Ты уверена в их преданности? Ты им доверяешь?

— Я никому не доверяю, — отрезала Серсея, — но они мне нужны. Так отец думает, что они ведут нечистую игру?

— Скорее подозревает.

— Почему? Ему что-то известно?

Тирион пожал плечами:

— Ему известно, что недолгое правление твоего сына составило долгую вереницу безумств и несчастий. Из этого следует, что кто-то дает Джоффри скверные советы.

Серсея посмотрела на брата испытующе:

— У Джоффа не было недостатка и в хороших советах. Он всегда отличался сильной волей. Теперь, когда он стал королем, он думает, что должен поступать как хочет, а не как ему велят.

— Короны творят странные вещи с головами, на которые надеты, — согласился Тирион. — То, что случилось с Эддардом Старком, — работа Джоффри?

Королева скорчила гримасу:

— Ему было велено простить Старка, позволить ему надеть черное. Эддард навсегда убрался бы с нашей дороги, и мы могли бы заключить мир с его сыном, но Джофф решил устроить народу зрелище позанимательнее. Что мне было делать? Он потребовал головы лорда Эддарда перед доброй половиной города. А Янос Слинг и сир Илин в тот же миг эту голову отчекрыжили, не успела я и слова сказать! — Серсея сжала руку в кулак. — Верховный септон жалуется на то, что мы осквернили септу Бейелора кровью, дав ему ложные сведения относительно наших намерений.

— Его можно понять. Значит, наш *лорд* Слинг принимал в этом прямое участие? Скажи, а кто придумал пожаловать ему Харренхолл и дать место в совете?

— Все это устроил Мизинец. Мы нуждались в золотых плащах Слинга. Эддард Старк

стакнулся с Ренли и написал Станнису, предлагая ему трон. Мы могли бы лишиться всего и чуть было не лишились. Если бы Санса не пришла ко мне и не рассказала о планах своего отца...

— Да ну? — поразился Тирион. — Его родная дочь? — Санса всегда казалась ему такой славной девочкой, милой и вежливой.

— Девчонка влюбилась по уши и готова была на все ради Джоффри — пока он не оказал ей королевскую милость, срубив голову ее отцу. Тут ее любовь быстро прошла.

— Его величество, как никто, умеет завоевывать сердца своих подданных, — криво улыбнулся Тирион. — А уволить сира Барристана Селми из Королевской Гвардии тоже придумал Джоффри?

— Джоффри хотел возложить на кого-то вину за смерть Роберта, — вздохнула Серсея, — и Варис предложил сира Барристана. Почему бы и нет? Это дало Джейме пост лорда-командующего и место в совете и позволило Джоффу бросить кость своему псу. Джофф очень привязан к Сандору Клигану. Мы собирались предложить Селми земли и замок — это больше, чем старый дуралей заслуживал.

— Я слышал, что этот ничтожный старый дуралей убил двух стражников Слинта, когда они попытались схватить его у Грязных ворот.

Серсея заметно приуныла:

— Яносу следовало бы послать побольше людей. Он не столь надежен, как нам бы желалось.

— Сир Барристан командовал Королевской Гвардией Роберта Баратеона, — указал ей Тирион. — Они с Джейме — единственные, кто остался в живых из семерых гвардейцев Эйериса Таргариена. В народе о нем говорят так же, как о Сервине Зеркальном Щите и о принце Эйемоне, Драконьем Рыцаре. Что, по-твоему, станут говорить люди, увидев его рядом с Роббом Старком или Станнисом Баратеоном?

Серсея отвела взор:

— Я об этом не подумала.

— Зато отец подумал. Поэтому он и прислал меня — чтобы положить конец этому безумию и взять в руки твоего сына.

— Если Джофф меня не слушается, он не послушается и тебя.

— Может, и послушается.

— С какой стати?

— Он знает, что ты его не тронешь.

Серсея сузила глаза:

— Если ты думаешь, что я позволю тебе тронуть моего сына, то у тебя бред.

Тирион вздохнул. Она упустила суть, как это часто с ней бывало.

— Я, как и ты, ничего ему не сделаю, — заверил он. — Но мальчик должен *бояться* — только тогда он будет слушаться. — Он взял сестру за руку. — Я твой брат, и я тебе нужен, согласна ты признать это или нет. И твоему сыну я тоже нужен, если он хочет усидеть на своем дурацком железном стуле.

Серсея оторопела, когда он к ней прикоснулся.

— Ты всегда был хитер.

— На свой малый лад, — усмехнулся он.

— Может быть, попытаться стоит... но не надо заблуждаться, Тирион. Если я и приму тебя, ты будешь десницей короля по названию и моей десницей по сути. Ты будешь делиться

со мной всеми своими планами и намерениями и не сделаешь ничего без моего согласия. Ты понял меня?

— Еще бы.

— И ты согласен?

— Разумеется, — солгал он. — Я весь твой, сестра. — (Пока это мне необходимо.) — У нас теперь одна цель, и мы не должны иметь секретов друг от друга. Ты говоришь, что лорда Эддарда приказал убить Джоффри, сира Барристана уволил Варис, а лорда Слинта нам навязал Мизинец. Но кто убил Джона Аррена?

Серсея вырвала у него руку:

— Откуда мне знать?

— Безутешная вдова в Орлином Гнезде, похоже, думает, что это был я. Я хотел бы знать, почему эта мысль пришла ей в голову.

— Понятия не имею. Этот дурень Эддард Старк обвинил в том же самом меня. Судя по его намекам, он подозревал... думал...

— Что ты спишь с нашим милым Джейме?

Она ударила его по щеке.

— Думаешь, я столь же слеп, как отец? — Тирион потер ушибленное место. — Мне нет дела, с кем ты спишь... хотя это не совсем справедливо, что ты даешь одному брату и не даешь другому.

Она снова отвесила ему пощечину.

— Потише, Серсея, я ведь шучу. По правде сказать, я предпочел бы смазливую шлюшку. Никогда не мог понять, что находит в тебе Джейме, кроме своего отражения.

Новая оплеуха. Щеки у Тириона горели, но он улыбался.

— Если будешь продолжать в том же духе, я могу и рассердиться.

Она удержала руку:

— А мне-то что?

— У меня появились новые друзья, которые тебе не понравятся. Как ты убила Роберта?

— Он сам себя убил. Мы только помогли. Когда Роберт погнался за вепрем, Лансель подал ему крепкого вина. Его любимое красное, но в три раза крепче того, к которому он привык. Мой дурак любил это пойло. Ему бы остановиться вовремя — но нет, он выхлестал один мех и послал Ланселя за другим. Вепрь довершил остальное. Жаль, что тебя не было на поминках, Тирион. Ты никогда еще не пробовал столь чудесного кабана. Его зажарили с грибами и яблоками, и у него был вкус триумфа.

— Поистине, сестра, ты родилась, чтобы стать вдовой. — Тириону скорее нравился Роберт, этот здоровенный хвастливый болван... отчасти, безусловно, и потому, что Серсея его терпеть не могла. — А теперь, если ты уже перестала лупить меня по щекам, я удаляюсь. — Он обхватил ножки стула своими ногами и неуклюже сполз на пол.

— Я не разрешала тебе удалиться, — нахмурилась Серсея. — Я хочу знать, как ты намерен освободить Джейме.

— Я скажу тебе, когда сам буду знать. Замысел, как всякий плод, должен созреть. Сейчас я собираюсь проехать по городу и посмотреть, как обстоят в нем дела. — Тирион положил руку на голову сфинкса у двери. — Прежде чем уйти, хочу попросить тебя: позаботься о том, чтобы Санса Старк была цела и невредима. Обидно будет потерять обеих дочерей.

Выйдя из зала совета, Тирион кивнул сирю Мендону и зашагал прочь по длинному сводчатому коридору. Бронн поравнялся с ним, но Тиметт, сын Тиметта, исчез бесследно.

— А где наша Красная Рука? — осведомился Тирион.

— Пошел осматривать замок. Такие, как он, не созданы для долгого ожидания за дверью.

— Надеюсь, он не убьет никого из важных персон. — Воины, которых Тирион привел с собой из Лунных гор, были преданы ему на свой дикарский лад, но отличались гордым нравом и вспыльчивостью и на всякое оскорбление, действительное или воображаемое, отвечали сталью. — Постарайся найти его, а заодно позаботься, чтобы разместили и накормили всех остальных. Я хочу, чтобы их поселили в казарме под башней Десницы, только пусть стюард не помещает Каменных Ворон рядом с Лунными Братьями, а Обгорелых и вовсе надо отделить от других.

— А ты что будешь делать?

— Поеду обратно в «Сломанную наковальню».

— Без охраны? — ухмыльнулся Бронн. — Говорят, на улицах опасно.

— Я вызову капитана сестриной стражи и напому ему, что я Ланнистер не меньше, чем она. Пусть не забывает, что он присягал Бобровому Утесу, а не Серсее или Джоффри.

Час спустя Тирион выехал из Красного Замка в сопровождении дюжины ланнистерских гвардейцев в красных плащах и с гребнями на шлемах. Проезжая под воротами, он увидел головы, выставленные на стене. Почерневшие от разложения и смолы, они давно уже стали неузнаваемыми.

— Капитан Виларр, — сказал Тирион, — я хочу, чтобы к завтрашнему дню их сняли. Отдайте их Молчаливым Сестрам для погребения. — «Трудненько будет понять, какая которому телу принадлежит, — подумал он, — но делать нечего. Даже в разгар войны нужно соблюдать какие-то приличия».

Виларр заколебался:

— Его величество приказал, чтобы головы изменников оставались на стене, пока он не займет три оставшиеся свободными пики.

— Дайте-ка угадаю. Одна для Робба Старка, две других для лордов Станниса и Ренли, не так ли?

— Точно так, милорд.

— Моему племяннику нынче исполнилось тринадцать, Виларр, — не забывайте об этом. Завтра этих голов здесь не будет, иначе одна из пустых пик может получить несколько иное украшение. Вы меня поняли, капитан?

— Я сам присмотрю за тем, чтобы их убрали, милорд.

— Вот и хорошо. — Тирион тронул коня каблуками и пустился рысью, предоставляя красным плащам поспевать за собой.

Он сказал Серсее, что намерен посмотреть, как дела в городе, и это была не совсем ложь. Тириону Ланнистеру не слишком нравилось то, что он видел. Улицы Королевской Гавани всегда были людными и крикливыми, но теперь здесь чувствовалась угроза — Тирион не помнил такого по своим прошлым посещениям. На улице Ткачей валялся в канаве голый труп, и стая бездомных собак терзала его, однако никто не вмешивался. Многочисленные стражники расхаживали повсюду парами в своих золотых плащах, черных кольчужных рубахах и с железными дубинками под рукой. На рынках оборванные люди распродавали свои пожитки за любую цену, которую им давали... и наблюдался явный недостаток крестьян, продающих съестное. То немногое, что имелось в наличии, стоило втрое дороже, чем год назад. Один торговец предлагал крыс, зажаренных на вертеле,

выкрикивая: «Свежие крысы! Свежие крысы!» Свежие крысы, конечно, предпочтительнее тухлых, с этим не поспоришь. Пугало то, что эти крысы выглядели аппетитнее, чем большая часть продаваемого в мясных рядах. На Мучной улице чуть ли не у каждой лавки стояла охрана. «В тяжелые времена наемники стоят дешевле, чем хлеб», — подумал Тирион.

— С привозом дело плохо? — спросил он Виларра.

— Неважно, — признался тот. — В приречье идет война, а лорд Ренли поднимает мятежников в Хайгардене, поэтому дороги на юг и на запад перекрыты.

— Что предпринимает по этому поводу моя дражайшая сестра?

— Она стремится укрепить город. Лорд Слинг утроил численность городской стражи, а королева поставила тысячу мастеровых на оборонные работы. Каменщики укрепляют стены, плотники сотнями строят скорпионы и катапульты, лучших дел мастера готовят стрелы, кузнецы куют клинки, а Гильдия Алхимиков пообещала выставить десять тысяч горшков дикого огня.

Тирион беспокойно поерзал в седле. Его порадовало, что Серсея не сидит сложа руки, но дикий огонь — предательская штука, а десять тысяч горшков способны всю Королевскую Гавань превратить в головешки.

— Где же сестра взяла деньги, чтобы заплатить за все это? — Ни для кого не было тайной, что король Роберт обременил казну долгами, алхимики же бескорыстием никогда не славились.

— Лорд Мизинец всегда изыщет способ, милорд. Он учредил налог для тех, кто хочет войти в город.

— Да, это верный доход. — «Умно, — подумал Тирион. — Умно и жестоко». Десятки тысяч людей бегут от войны в мнимую безопасность Королевской Гавани. Он видел их на Королевском Тракте — детей, матерей и озабоченных отцов, провожавших его лошадей и повозки жадными глазами. Добравшись до города, они, безусловно, отдадут все, что у них есть, только бы пройти за эти высокие надежные стены... хотя они крепко бы призадумались, если бы знали о диком огне.

Гостиница под вывеской, изображающей сломанную наковальню, стояла неподалеку от городских стен, близ Божьих ворот, через которые Тирион утром въехал в город. Мальчишка-конюх подбежал, чтобы помочь Тириону сойти с коня.

— Отправляйтесь со своими людьми обратно в замок, — сказал карлик Виларру. — Я буду ночевать здесь.

— Не опасно ли это, милорд? — усомнился Виларр.

— Что вам сказать, капитан? Когда я покидал эту гостиницу утром, в ней было полно Черноухих. С Чиллой, дочерью Чейка, никто не может считать себя в безопасности. — И Тирион ушел в дом, оставив озадаченного капитана снаружи.

В общей комнате его встретили бурным весельем. Он узнал гортанный хохот Чиллы и мелодичный смех Шаи. Девушка пила вино за круглым столиком у очага вместе с тремя Черноухими, которых Тирион оставил ее охранять, и каким-то толстяком, сидящим к нему спиной. «Должно быть, хозяин гостиницы», — подумал Тирион, но тут Шая обратилась к нему по имени, и незнакомец встал.

— Дражайший милорд, как я рад вас видеть, — воскликнул евнух со сладкой улыбкой на покрытом пудрой лице.

— Лорд Варис? — опешил Тирион. — Не ожидал встретить вас здесь. — Иные его побери: как он ухитрился разыскать их так быстро?

— Извините за вторжение. Мне не терпелось познакомиться с вашей молодой леди.

— Молодая леди, — смакуя, повторила Шая. — Вы наполовину правы, милорд, — я и верно молода.

«Восемнадцать лет, — подумал Тирион. — Ей восемнадцать, и она шляха, но сообразительная, ловкая в постели, как кошечка, с большими темными глазами, густой гривой черных волос, сладким, мягким, жадным ротиком... и моя! Будь ты проклят, внух».

— Боюсь, что это я вторгся к вам, лорд Варис, — с деланной учтивостью сказал он. — Когда я вошел, вы все от души веселились.

— Милорд Варис хвалил Чиллины уши и говорил, что ей, наверное, многих пришлось убить, чтобы составить такое прекрасное ожерелье, — пояснила Шая. Тириона покорило, что она называет Вариса милордом: так она и его звала в шутку во время их любовных игр. — А Чилла сказала ему, что только трусы убивают побежденных.

— Храбрые оставляют человека в живых и дают ему случай смыть свой позор, отобрав свое ухо обратно, — внесла ясность Чилла, маленькая смуглая женщина, чье жуткое ожерелье насчитывало сорок шесть человеческих ушей, высохших и сморщенных. Тирион как-то раз сосчитал. — Только так ты можешь доказать, что не боишься врагов.

— А милорд сказал, — прыснула Шая, — что он не мог бы спать, будь он Черноухим, — ему все время бы снились одноухие враги.

— Мне такая опасность не грозит, — заметил Тирион. — Я своих врагов боюсь и потому всех их убиваю.

— Не хотите ли выпить с нами, милорд? — хихикнув, спросил Варис.

— Охотно. — Тирион сел рядом с Шаем. В отличие от нее и Чиллы он понимал, что здесь происходит. Варис явился сюда не даром. Когда он говорит: «Мне не терпелось познакомиться с вашей молодой леди», это значит: «Ты хотел спрятать ее, но я узнал, где она и кто она такая, и вот я здесь». Тириону хотелось знать, кто его предал. Хозяин, мальчишка-конюх, стражник у ворот... или кто-то из его собственных людей?

— Я люблю возвращаться в город через Божьи ворота, — сказал Варис Шаем, наполняя кубки вином. — Фигуры на них так прекрасны, что каждый раз вызывают у меня слезы. Эти глаза так выразительны, правда? Кажется, будто они следят за тобой, когда ты проезжаешь под сводом.

— Я не заметила, милорд. Завтра схожу посмотрю, если хотите.

«Не беспокойся, милая, — подумал Тирион, покачивая свой кубок. — Плевать он хотел на эти фигуры. Глаза, о которых он толкует, — его собственные. Он хочет сказать, что следил за нами, и узнал, что мы здесь, в тот же миг, как мы проехали в ворота».

— Будьте осторожны, дитя мое, — говорил Варис. — Сейчас в Королевской Гавани небезопасно. Я хорошо знаю эти улицы, но сегодня испытывал почти что страх, думая, как пойду сюда одинокий и безоружный. В наши смутные времена повсюду подстерегают злодеи, да-да. Люди с холодной сталью и еще более холодными сердцами. — «Куда я пришел один и без оружия, могут прийти и другие с мечами в руках», — подразумевала его речь.

Но Шая только посмеялась:

— Если они захотят напасть на меня, Чилла живо с ними разделается, и у них станет на одно ухо меньше.

Варис расхохотался, словно в жизни ничего смешнее не слышал. Но в его глазах, когда он перевел их на Тириона, не было смеха.

— С вашей молодой леди очень приятно беседовать. На вашем месте я очень хорошо

заботился бы о ней.

— Я так и делаю. Если кто-то попробует тронуть ее... я слишком мал, чтобы быть Черноухим, и на мужество не претендую. — (Видишь? Я говорю на твоём языке, евнух. Тронь ее только — и ты лишишься головы.)

— А теперь я вас оставлю, — сказал Варис и встал. — Я знаю, как вы должны быть утомлены. Я хотел только приветствовать вас, милорд, и сказать, как я рад вашему приезду. Наш совет очень нуждается в вас. Вы видели комету?

— Я карлик, но не слепой. — На Королевском Тракте ему казалось, что комета пылает на полнеба, затмевая луну.

— В городе ее называют Красной Вестницей. Говорят, что она идет, как герольд перед королем, оповещая о грядущих огне и крови. — Евнух потер свои напудренные руки. — Вы позволите загадать вам на прощание загадку, лорд Тирион? В одной комнате сидят три больших человека: король, священник и богач. Между ними стоит наемник, человек низкого происхождения и невеликого ума. И каждый из больших людей приказывает ему убить двух других. «Убей их, — говорит король, — ибо я твой законный правитель». «Убей их, — говорит священник, — ибо я приказываю тебе это от имени богов». «Убей их, — говорит богач, — и все это золото будет твоим». Скажите же — кто из них останется жив, а кто умрет? — И евнух с глубоким поклоном вышел из комнаты в своих мягких туфлях.

Чилла фыркнула, а Шая наморщила свое хорошенькое личико.

— Жив останется богач — правда?

Тирион задумчиво пригубил вино:

— Все может быть. Мне думается, это зависит от наемника. — Он поставил кубок. — Пойдем-ка наверх.

Ей пришлось подождать его на верхней ступеньке, потому что у нее ноги были стройные и легкие, а у него — короткие и спотыкливые. Но Шая встретила его улыбкой.

— Ты по мне скучал? — поддразнила она, беря его за руку.

— Ужасно, — признался он. Ее рост был чуть выше пяти футов, однако ему все равно приходилось смотреть на нее снизу вверх. Только с ней ему это не мешало. На нее приятно было смотреть снизу.

— Ты будешь скучать по мне все время в своем Красном Замке, — сказала она, идя с ним в свою комнату. — Когда будешь лежать в холодной постели в башне Десницы.

— Это чистая правда. — Тирион охотно взял бы ее с собой, но его лорд-отец запретил ему. «Свою шлюху ты ко двору не потащишь», — заявил лорд Тайвин. Привезти ее в город — это было все, на что осмелился Тирион. Его положение целиком зависит от лорда-отца, и девушке придется это понять. — Но ты будешь жить неподалеку. У тебя будет дом с охраной и слугами, и я буду навещать тебя так часто, как только смогу.

Шая ногой распахнула дверь. Сквозь мутные стекла узкого окошка была видна Великая Септа Бейелора, венчающая холм Висеньи, но Тириона отвлекло другое зрелище. Шая, нагнувшись, взялась за подол своего платья, стянула его через голову и швырнула в сторону. Белья она не признавала.

— Ты не будешь знать отдыха, — сказала она, стоя перед ним, розовая и прелестная, с рукой на бедре. — Будешь думать обо мне всякий раз, когда ляжешь в постель. Между ног у тебя отвердеет, а помочь будет некому, и ты ни за что не уснешь, если только... — На лице Шай появилась вредная ухмылочка, которую Тирион так любил. — Не потому ли эта башня называется башней Десницы, а, милорд?

— Замолчи и поцелуй меня, — приказал он.

Он почувствовал вино на ее губах, и ее маленькие твердые груди, пока она развязывала его бриджи.

— Мой лев, — прошептала она, когда он прервал поцелуй, чтобы раздеться. — Мой сладкий лорд, мой гигант Ланнистер. — Тирион толкнул ее на кровать. Когда он вошел в нее и ее ногти впились Тириону в спину, она закричала так, что Бейелор Благословенный, должно быть, проснулся в своей гробнице. Никогда еще боль не приносила ему такого удовольствия.

«Дурак, — подумал он потом, когда они лежали на провисшем тюфяке среди скомканных простыней. — Неужто жизнь ничему тебя не научила, карлик? Она шлюха, будь ты проклят, и любит твои деньги, а не твои мужские достоинства. Вспомни Тишу!» Но когда его пальцы коснулись ее соска, тот отвердел, и он увидел у нее на груди след своего страстного укуса.

— Что ты будешь делать теперь, когда стал десницей короля, милорд? — спросила она, когда он взял в ладонь этот теплый славный холмик.

— То, чего Серсея не ожидает, — произнес Тирион, наклоняя голову к ее стройной шейке. — Вершить правосудие.

Бран предпочитал твердый камень подоконника мягкой перине и одеялам. В постели стены и потолок давили на него, в постели комната была его камерой, а Винтерфелл — тюрьмой. Широкий мир за окном манил его к себе.

Он не мог ни ходить, ни лазать, ни охотиться, ни сражаться деревянным мечом, как раньше, — но смотреть он мог. Он любил смотреть, как в Винтерфелле загораются огни, когда за ромбами окон башен и зданий зажигают свечи и растапливают камины, любил слушать, как поют на звезды лютоволки.

Последнее время волки часто снились ему. «Они говорят со мной, как с братом», — думал он, когда они поднимали вой. Он почти что понимал их... не то чтобы по-настоящему, но почти... точно они пели на языке, который он знал когда-то, а потом забыл. Пусть Уолдеры боятся, а в Старках течет волчья кровь. Так сказала ему старая Нэн, добавив: «Только в одних она сильнее, чем в других».

Долгий, печальный вой Лета был полон горя и тоски, Лохматый Песик был более свирепым. Их голоса разносились эхом по дворам и залам, пока весь замок не начинал гудеть, и тогда казалось, что в Винтерфелле целая стая волков, а не двое... Двое, а раньше было шестеро. «Может, они тоже скучают по своим братьям и сестрам? — думал Бран. — Может, это они зовут Серого Ветра и Призрака, Нимерию и Леди? Хотят, чтобы они вернулись домой и стая собралась снова?»

«Кто поймет, что на уме у волка?» — сказал сир Родрик Кассель, когда Бран спросил его, почему они воют. Леди-мать Брана назначила сира Родрика кастеляном на время своего отсутствия, и его обязанности не оставляли ему времени на всякие пустяки.

«Это они на волю просятся, — заявил Фарлен, мастер над псарней, любивший волков не больше, чем его собаки. — Им не нравится сидеть взаперти, и винить их в этом нельзя. Дикий зверь должен жить на воле, а не в замке».

«Они хотят поохотиться, — предположил повар Гейдж, кидая кубики сала в большой котел с похлебкой. — У волка чутье куда лучше, чем у человека. Уж верно они чувствуют какую-нибудь дичину».

Мейстер Лювин был другого мнения: «Волки часто воют на луну — а наши воют на комету. Видишь, какая она яркая, Бран? Быть может, они думают, что это луна».

Когда Бран повторил это Оше, она громко рассмеялась. «У твоих волков мозгов побольше, чем у твоего мейстера. Они знают то, что этот серый человек давно забыл». То, как она это сказала, заставило Брана вздрогнуть, а когда он спросил у нее, что означает комета, она ответила: «Кровь и огонь, мальчик, — ничего хорошего».

Септона Шейли Бран тоже спросил про комету, когда они вместе разбирали свитки, уцелевшие после пожара в библиотеке. «Это меч, убивающий лето», — сказал септон, и когда из Староместа вскоре прилетел белый ворон с известием о начале осени, стало ясно, что он был прав.

Но старая Нэн думала иначе, а она жила на свете дольше, чем любой из них. «Драконы, — сказала она, подняв голову и пригнувшись. Она почти совсем ослепла и не могла видеть комету, но уверяла, что чувствует ее. — Это драконы, мальчик». Нэн никогда не величала его принцем.

Ходор сказал только «Ходор» — больше ничего он говорить не умел.

А волки все выли и выли. Часовые на стене ругались, собаки в конурах лаяли как оголтелые, кони в стойлах брыкались, Уолдеры у огня тряслись, и даже мейстер Лювин жаловался, что не может спать по ночам. Только Бран ничего не имел против. Сир Родрик приговорил волков к заточению в богороще после того, как Лохматый Песик укусил Уолдера Малого, но камни Винтерфелла проделывали со звуком странные вещи, и порой Брану казалось, что волки здесь, во дворе, у него под окном. А в другие разы он мог поклясться, что они бегают по крепостной стене, как часовые. Он жалел, что не может их видеть.

Зато комету, висящую над караульной и Часовой башней, он видел отлично. Чуть дальше стояла Первая Твердыня, круглая и приземистая, и ее горгульи чернели на фоне пурпурного зарева. Раньше Бран знал там каждый камень и внутри, и снаружи; он облазил все эти строения, взбираясь по стенам с такой же легкостью, как другие мальчишки по лестнице. Их кровли были его тайными убежищами, а вороны на верхушке разрушенной башни — его закадычными друзьями.

А потом он упал.

Бран этого не помнил, но все говорили, что он упал, — значит это скорее всего правда. Он чуть не умер тогда. Теперь, когда он видел обветшавших от непогоды горгулий на Первой Твердыне, где с ним это случилось, что-то сжималось у него в животе. Больше он не мог ни лазать, ни бегать, ни ходить, ни биться на мечах, и бывшие его мечты о рыцарстве приобрели прокисший вкус.

Лето выл в тот день, когда упал Бран, и долго после, когда он лежал переломанный в постели, — об этом сказал Брану Робб, уходя на войну. Лето скорбел о нем, а Лохматый Песик и Серый Ветер разделяли его горе. И в ту ночь, когда ворон принес весть о смерти отца, волки тоже узнали это. Бран был с Риконом в башне мейстера, и они говорили о Детях Леса, когда Лето и Лохматый Песик заглушили речь Лювина своим воем.

Кого они оплакивают теперь? Может быть, враги убили Короля Севера, который прежде был его братом Роббом? Или его сводный брат, бастард Джон Сноу, упал со Стены? А может, умерла мать или кто-то из сестер? Или дело в чем-то другом, как думают мейстер, септон и старая Нэн?

«Будь я по-настоящему лютоволком, я понимал бы их песню», — грустно думал Бран. В своих волчьих снах он бегал по склонам гор, торосистых ледяных гор выше всякой башни, и стоял на вершине под полной луной, видя у своих ног весь мир, как в былые времена.

— Оооооооо, — попробовал провить Бран. Он приложил ладони ковшом ко рту и поднял голову к комете: — Оооооооооооооо, аооооооооооо. — Звук получился глупый, тонкий и жалкий — сразу слышно, что воет мальчик, а не волк. Но Лето сразу отозвался, перекрыв своим низким басом тоненький голос Брана, и Лохматый Песик примкнул к хору. Бран снова испустил долгий звук, и они стали выть вместе, последние из стаи.

На шум явился часовой, Хэйхед с шишкой на носу. Он увидел, что Бран воет у окна, и спросил:

— Что случилось, мой принц?

Брану было странно, что его называют принцем, — хотя он и правда наследник Робба, а Робб теперь Король Севера. Он повернул голову и завыл на стражника:

— Ооооооооооо. Ооо-оо-оооооооооооо.

Хэйхед сморщился:

— А ну-ка перестаньте.

— Ооооооооо-оооооооо. Ооооооо-ооо-оооооооооооо.

Часовой ретировался и вернулся с мастером Лювином — в сером, с тугой цепью на шее.

— Бран, эти звери и без тебя производят достаточно шума. — Он прошел через комнату и положил руку мальчику на лоб. — Час поздний, и тебе давно пора спать.

— Я разговариваю с волками. — Бран стряхнул руку мастера.

— Может быть, Хэйхед уложит тебя в постель?

— Я сам могу лечь. — Миккен вбил в стену ряд железных брусьев, и Бран мог передвигаться по комнате на руках. Это было дело долгое, трудное, и потом у него болели плечи, но Бран терпеть не мог, когда его носили.

— Только я не хочу спать и не буду.

— Все должны спать, Бран. Даже принцы.

— Когда я сплю, я превращаюсь волка. — Бран отвернулся и снова стал смотреть в ночь. — А волкам снятся сны?

— Я думаю, всем живым существам они снятся — только не такие, как у людей.

— А мертвым? — Бран подумал об отце, чье изваяние высекал каменотес в темной крипте под Винтерфеллом.

— На этот счет говорят по-разному, а сами мертвые молчат.

— А деревьям?

— Деревьям? Нет.

— А вот и снятся, — с внезапной уверенностью сказал Бран. — Им снятся свои сны. Мне иногда снится дерево. Чардрево, как у нас в богороще. Оно зовет меня. Только волчьи сны лучше. Я чую разные запахи, а иногда чувствую вкус крови.

Мейстер Лювин оттянул цепь, натирившую ему шею.

— Тебе бы проводить побольше времени с другими детьми...

— Ненавижу других детей. — Бран подразумевал Уолдеров. — Я же приказывал, чтобы их отправили прочь.

— Фрей — воспитанники твоей леди-матери, — посуровел мейстер, — и присланы сюда по ее особому указанию. Ты не можешь прогнать их — кроме того, это нехорошо. Куда они денутся, если мы их прогоним?

— К себе домой. Это из-за них меня разлучили с Летом.

— Маленький Фрей не хотел, чтобы на него нападали, — не больше, чем я.

— Это был Лохматый Песик. — Большой черный волк Рикона так одичал, что даже Бран иногда его боялся. — Лето никогда никого не кусал.

— Лето перервал человеку горло в этой самой комнате — забыл? Пойми: те милые волчата, которых вы с братьями нашли в снегу, выросли в опасных зверей. Фрей правильно делают, что опасаются их.

— Это Уолдеров надо было отправить в богорощу. Пусть бы играли там в своего лорда переправы, а Лето опять бы спал со мной. Если я принц, почему вы меня не слушаетесь? Я хочу кататься на Плясунье, а Элбелли не выпускает меня за ворота.

— И правильно делает. В Волчьем Лесу опасно — ты сам должен был это понять после своей последней прогулки. Хочешь, чтобы разбойники взяли тебя в плен и продали Ланнистерам?

— Лето спас бы меня, — упорствовал Бран. — Принцам всегда разрешают плавать по морю, охотиться на вепря в лесу и поражать цель копьем.

— Бран, дитя мое, зачем ты так мучаешь себя? Когда-нибудь ты сможешь проделать все

это, но пока что тебе всего восемь лет.

— Лучше бы я был волком. Тогда я жил бы в лесу, спал, когда захочу, и нашел бы Арью и Сансу. Я отыскал бы их по запаху и спас, а когда Робб пошел бы в бой, я дрался бы рядом с ним, как Серый Ветер. Я разорвал бы глотку Цареубийцы своими зубами, вот так, и война бы кончилась, и все вернулись бы в Винтерфелл. Если бы я был волком. — И Бран завыл: — Оооооо-ооо-оооооооо.

Лювин повысил голос:

— Настоящий принц был бы рад...

— АААААА-ОООООООООО, — завыл Бран еще громче. — ОООООО-ОООООООООО.

— Ну, как знаешь, — сдался мейстер и ушел с горестным и в то же время недовольным видом.

Когда Бран остался один, выть ему сразу расхотелось, и через некоторое время он умолк. «Я и был им рад, — с обидой сказал он про себя. — Я вел себя как настоящий лорд Винтерфелла — разве не так?» Когда Уолдеры только прибыли из Близнецов, это Рикон хотел, чтобы они уехали. «Хочу мать, отца и Робба, — визжал четырехлетний малыш, — а не этих чужих мальчиков». Как раз Брану пришлось его успокаивать и оказывать Фреям радушный прием. Он предложил им мясо, мед и место у огня — даже мейстер Лювин сказал потом, что он молодец.

Но это все было до игры.

Для игры необходимо было бревно, шест, водоем и большое количество шума. Главное условие составляла вода, как заявили Брану оба Уолдера. Вместо бревна можно обойтись доской или даже рядом камней, а вместо шеста взять ветку, да и кричать не обязательно, но без воды играть невозможно. Поскольку мейстер Лювин и сир Родрик не отпускали детей в Волчий Лес на поиски ручья, пришлось ограничиться одним из мутных прудов в богороще. Уолдеры никогда еще не видели, как горячая вода выходит из земли с пузырями, но оба согласились, что так играть будет еще лучше.

Их обоих звали Уолдер Фрей. Уолдер Большой сказал, что в Близнецах целая куча Уолдеров, и все они названы в честь их деда, лорда Уолдера Фрея. «А в Винтерфелле у всех свои имена», — надменно заявил Рикон, услышав об этом.

По правилам игры бревно клали поперек водоема, и один игрок становился посередине с шестом. Это и был лорд переправы, и когда другие приближались к нему, он говорил: «Я лорд переправы, кто идет?» Тогда другой игрок должен был сказать, кто они такие и зачем им нужно переправиться на ту сторону. Лорд мог заставить его поклясться и ответить на его вопросы. Правду говорить было не обязательно, но клятву надо было соблюдать, пока не скажешь «чур-чура», и весь фокус заключался в том, чтобы сказать «чур-чура» так, чтобы лорд переправы не заметил. Тогда можно было попробовать сшибить лорда в воду и стать лордом самому, но только если ты сказал «чур-чура» — иначе ты вылетал из игры. Лорд же мог скинуть в воду кого и когда угодно, и палка была только у него.

На деле игра сводилась к пиханию, тычкам и падениям, а также спорам о том, сказал кто-то «чур-чура» или нет. Уолдер Малый был лордом переправы чаще других.

Он назывался Уолдером Малым, хотя был высок и толст, с красным лицом и большим круглым пузом. Уолдер Большой был, наоборот, тощим, остролицым и на полфута ниже Малого. «Он на пятьдесят два дня старше меня, — объяснял Уолдер Малый, — потому и считается, что он больше, зато я расту быстрее».

— Мы двоюродные братья, а не родные, — добавлял маленький Уолдер Большой. —

Моего отца зовут Джеммос — он сын лорда Уолдера от четвертой жены. А мой кузен — Уолдер, сын Меррета. Его бабушка была Кракехолл, третья жена лорда Уолдера, и как наследник он стоит впереди меня, хотя я и старше.

— Всего на пятьдесят два дня, — возражал Уолдер Малый. — И Близнецы все равно никому из нас не достанутся, глупая голова.

— Нет, достанутся — мне. Впрочем, мы не единственные Уолдеры. У сира Стеврона есть внук, Уолдер Черный, четвертый по очереди наследник, есть Уолдер Рыжий, сын сира Эммона, и Уолдер-Бастард — он вообще не наследник и зовется Риверс, а не Фрей. И еще девочки, которых зовут Уолдами.

— И Тир. Ты всегда забываешь про Тира.

— Он Уолтир, а не Уолдер. И он идет после нас, поэтому его можно не считать. Ну его, он мне никогда не нравился.

Сир Родрик поселил их в бывшей спальне Джона Сноу, потому что Джон теперь Ночной Дозорный и никогда не вернется домой. Брану это пришлось очень не по душе — как будто Фрей пытались занять место Джона.

Он с грустью смотрел, как Уолдеры играют с кухонной девчонкой Репкой и дочками Джозета, Бенди и Широю. Уолдеры объявили, что Бран будет судьей, который решает, кто сказал «чур-чура», а кто нет, но когда игра началась, они тут же забыли о нем.

Крики и плеск скоро привлекли других игроков: Паллу с псарни, Келона, сынишку Кейна, Тома младшего, чей отец, Толстый Том, погиб вместе с отцом Брана в Королевской Гавани. Все они очень быстро промокли и перепачкались. Палла, черная с головы до пят, со мхом в волосах, задыхалась от смеха. Бран не слышал, чтобы столько смеялись, с той самой ночи, когда прилетел кровавый ворон. «Будь у меня ноги, я их всех посшибал бы в воду, — с горечью подумал он. — Никто не смог бы стать лордом переправы, кроме меня».

Под конец из богороши прибежал Рикон вместе с Лохматым Песиком. Он посмотрел, как Репка с Уолдером Малым дерутся из-за палки. Репка потеряла равновесие и со страшным плеском плюхнулась в воду, а Рикон закричал: «Я! Теперь я! Я тоже хочу играть!» Уолдер Малый поманил его к себе, и Лохматый Песик хотел тоже прыгнуть на бревно. «Нет, Лохматик, — сказал ему Рикон, — волков в игру не берут. Оставайся с Браном». И волк остался.

Он сидел смиренно, пока Уолдер Малый не перетянул Рикона палкой поперек живота. Не успел Бран и глазом моргнуть, волк махнул на бревно, вода окрасилась кровью, и Уолдеры завопили что есть мочи. Рикон смеялся, сидя в грязи, и Ходор примчался к пруду с криком: «Ходор! Ходор! Ходор!»

После этого случая Рикон, как ни странно, проникся приятнью к Уолдерам. Больше они не играли в лорда переправы, зато играли в дев и чудовищ, в кошки-мышки, в приди-ко-мне-в-замок и всякое другое. Когда Рикон был на их стороне, Уолдеры вторгались на кухню за пирожками и пряниками, носились по крепостным стенам, бросали кости щенкам в конурах и упражнялись с деревянными мечами под бдительным надзором сира Родрика. Рикон показал им даже глубокие склепы под замком, где каменотес трудился над памятником отцу. «Не имеешь права! — наорал Бран на младшего, узнав об этом. — Это наше место, место Старков!» Но Рикон и ухом не повел.

...Дверь в спальню открылась. Вошел мейстер Лювин с зеленым кувшинчиком, в сопровождении Оши и Хэйхеда.

— Я приготовил тебе сонный настой, Бран.

Оша подхватила его в охапку — она была очень высока для женщины, жилистая и сильная — и без труда отнесла на кровать.

— Теперь ты будешь спать без сновидений, — сказал мейстер, раскупоривая кувшин. — Крепко и сладко.

— Правда? — Брану очень хотелось в это поверить.

— Да. Пей.

Бран выпил. Снадобье было густое и отдавало мелом, но в него добавили мед, и оно легко пошло внутрь.

— Завтра тебе станет лучше. — Лювин улыбнулся Брану, потрепал его по голове и вышел, но Оша задержалась и спросила:

— Снова волчьи сны?

Бран кивнул.

— Ты бы не боролся так, мальчик. Я видела, как ты говорил с сердце-деревом. Быть может, боги пытаются ответить тебе.

— Боги? — уже сонно пробормотал он. Лицо Оши расплылось и стало серым. Сладко и крепко, подумал он.

Но когда тьма сомкнулась над ним, он очутился в богороще. Он тихо пробирался между серо-зелеными страж-деревьями и скрюченными дубами, старыми, как само время. «А ведь я хожу», — ликующе подумал он. Частью души он сознавал, что это только сон, но даже сон о том, что он ходит, был лучше, чем действительность его комнаты: стены, потолок и дверь.

Между деревьями было темно, но комета освещала ему путь, и ноги ступали уверенно. Он шел на четырех ногах, здоровых, быстрых и сильных, чувствовал под собой землю, тихое потрескивание палых листьев, толстые корни и твердые камни, глубокие слои лесной подстилки. Это было славное чувство.

Запахи наполняли его голову, живые и пьянящие: пахучий зеленый ил горячих прудов, густой перегной под лапами, белки на дубах. Запах белок напоминал ему вкус горячей крови и косточки, хрустящие на зубах. Его рот наполнился слюной. Он ел всего полдня назад, но в мертвом мясе нет радости, даже если это оленина. Он слышал, как стрекочут и шуршат белки над ним, в безопасности среди своих листьев: они не так глупы, чтобы спускаться вниз, где он бегает с братом.

Брата он тоже чуял. Знакомый запах, сильный и земляной, черный, как братнина шерсть. Брат носился вдоль стен, полный ярости. Круг за кругом, день и ночь, неутомимо ищущий... добычу, выход, мать, других братьев и сестер, свою стаю... ищущий и никогда не находящий.

Стены высились за деревьями, мертвые человечески скалы, со всех сторон замыкающие этот кусочек живого леса. Пятнистые, серые, поросшие мхом, но толстые, крепкие и высокие — через такие ни один волк не перепрыгнет. Холодное железо и расщепленное дерево загораживали все отверстия, оставленные в этих грудах камней. Брат останавливался у каждой дыры и яростно щерил клыки, но путь оставался закрытым.

Он сам кружил так же в первую ночь, но понял, что пользы от этого никакой. Рычи не рычи, путь все равно не откроется. Сколько ни бегай вдоль стен, они не отступят. Сколько ни задирай ноги, чтобы пометить деревья, человека не отпугнешь. Мир вокруг них сузился, но за огороженным стенами лесом по-прежнему стоят большие серые скалы с человеческими пещерами. *Винтерфелл*, вспомнил он внезапно. А за высокими, до неба, человеческими утесами зовет настоящий мир — и он должен ответить на зов или умереть.

Они ехали с рассвета до сумерек, мимо лесов, плодовых садов и опрятных полей, через деревеньки, шумные рыночные города и крепкие остроги. Когда темнело, они разбивали лагерь и ели при свете Красного Меча. Мужчины поочередно несли стражу. За деревьями Арья замечала костры других путников. С каждой ночью их становилось все больше, и с каждым днем Королевский Тракт делался все более людным.

Они шли и утром, и днем, и ночью, старики и малые дети, мужчины высокого и низкого роста, босоногие девушки и женщины с младенцами на руках. Некоторые ехали в фермерских повозках или тряслись в телегах, запряженных волами. Еще больше народу ехало верхом — на тягловых лошадях, пони, мулах, ослах, на всем, что могло передвигать ноги. Одна женщина вела за собой дойную корову с маленькой девочкой на спине. Кузнец толкал тележку со своим инструментом — молотками, щипцами и даже наковальней, а чуть позже Арья увидела другого мужчину с тележкой, где лежали двое детишек, завернутых в одеяло. Больше всего людей двигалось пешком — с пожитками на плечах, усталые, настороженные. Они шли на юг, к Королевской Гавани, и едва ли один из ста перекидывался словом с Йореном и его подопечными, едущими на север. Арья не понимала, почему в ту сторону никто больше не направляется.

Многие путники были вооружены. Арья видела кинжалы, серпы, топоры, а кое-где и мечи. Некоторые делали себе из толстых веток дубинки или узловатые посохи. Люди сжимали свое оружие в руках и не сводили глаз с катящихся мимо повозок Йорена, однако пропускали их. Тридцать человек — это внушительная сила, что бы они ни везли в своих повозках.

«Смотри своими глазами, — говорил Сирио. — Слушай своими ушами».

Однажды какая-то сумасшедшая закричала им с обочины дороги:

— Дураки! Вас убьют там, дураки! — Она была тощая, как огородное пугало, с впалыми глазами и сбитыми в кровь ногами.

В следующий раз к Йорену подъехал купец на серой кобыле и предложил купить у него повозки со всем, что в них есть, за четверть цены.

— Идет война, у тебя все равно все отнимут — лучше продай мне, дружище.

Йорен повернулся к нему своей сутулой спиной и плюнул.

В тот же день Арья увидела первую могилу у дороги — маленькую, вырытую для ребенка. На сыром холмике лежал кристалл, и Ломми хотел взять его, но Бык сказал ему, что мертвых лучше не тревожить. Через несколько лиг Прейд заметил целый ряд свежих могил. С тех пор дня не проходило без подобных находок.

Однажды Арья проснулась затемно, испугавшись сама не зная чего. Вверху Красный Меч делил небо с тысячью звезд. Ночь показалась Арье необычайно тихой, хотя она слышала негромкий храп Йорена, потрескивание костра и шорохи, производимые осликами. Но чувство было такое, словно мир затаил дыхание, и это наводило на Арию дрожь. Она уснула опять, прижимая к себе Иглу.

Утром Прейд не проснулся. Тогда она поняла, чего ей не доставало: его кашля. Они выкопали ему могилу, схоронив наемника на том месте, где он спал. Перед этим Йорен снял с него все ценное. Одному достались сапоги Прейда, другому его кинжал. Кольчугу и шлем Йорен тоже отдал, а меч протянул Быку.

— С такими ручищами, как у тебя, невредно будет научиться владеть им.

Мальчуган по имени Тарбер бросил на тело Прейда пригоршню желудей, чтобы над могилой вырос дуб.

В тот вечер они остановились на ночлег в деревне около увитой плющом гостиницы. Йорен сосчитал монеты в своем кошельке и решил, что они могут позволить себе горячий ужин.

— Спать будем снаружи, как всегда, зато у них тут есть баня, если кому охота помыться горячей водой с мылом.

Арья на это не решилась, хотя пахло от нее теперь не лучше, чем от Йорена. Живность, обитающая в ее одежде, проделала с ней весь путь от Блошиного Конца, и топить ее было как-то нечестно. Тарбер, Пирожок и Бык встали в очередь ожидающих омовения, другие расположились перед баней или собрались в общей комнате. Йорен даже послал Ломми отнести пиво трем закованным.

Все — и мытые, и немытые — поужинали горячими пирогами со свиной и печеными яблоками. Хозяин налил им по кружке пива за счет заведения.

— У меня брат надел черное, давно уже. Умный был паренек и услужливый, но однажды попался на том, что воровал перец со стола милорда. Ну, любил он перец, что поделаешь. Он всего-то щепотку стянул, но сир Малкольм был человек крутой. У вас на Стене есть перец? — Йорен покачал головой, и хозяин вздохнул: — Жаль. Уж больно Линк его любил.

Арья отхлебывала из своей кружки потихоньку, между кусками теплого пирога. Отец тоже иногда давал им пиво. Санса морщилась от его вкуса и говорила, что вино гораздо более благородный напиток, но Арье, в общем, нравилось. От мыслей о Сансе и об отце ей стало грустно.

В гостинице было полно людей, направляющихся на юг, и весть о том, что Йорен следует в другую сторону, встретили общим презрением.

— Скоро вы повернете обратно, — сказал хозяин. — На север проезда нет. Половина полей сожжена, а тот народишко, что еще остался, сидит, запершись в своих острогах. У нас одни постояльцы на рассвете уходят, а к сумеркам прибывают другие.

— Нам до этого дела нет, — упорствовал Йорен. — Талли или Ланнистеры, нам все едино. Дозор ни на чью сторону не становится.

«Лорд Талли — мой дедушка», — подумала Арья. Ей было далеко не все едино, но она прикусила губу и стала слушать дальше.

— Воюют не только Ланнистеры и Талли, — возразил хозяин. — Там еще и дикари с Лунных гор — попробуй-ка втолкуй им, что ты ни на чьей стороне. Кроме того, в дело вмешались Старки — их ведет молодой лорд, сын покойного десницы.

Арья встрепенулась и наострила уши. Уж не Робб ли это?

— Я слышал, этот парень ездит в бой на волке, — сказал желтоволосый мальчик.

— Дурь рассказни, — плюнул Йорен.

— Человек, который мне это рассказал, сам видел. Клянется, что этот волк здоровый, как лошадь.

— Клятва еще не значит, что это правда, Ход, — заметил хозяин. — Ты вот клянешься, что уплатишь мне долг, а я от тебя еще гроша ломаного не видел. — Гости расхохотались, а желтоголовый побагровел.

— У волков нынче голодный год, — молвил другой, в замызганном зеленом плаще. — Вокруг Божьего Ока они так осмелели, что такого никто и не помнит. Режут кого попало —

овец, коров, собак — и людей не боятся. Кто сунется в тот лес ночью, может проститься с жизнью.

— Опять-таки сказки, и правды в них не больше, чем в других.

— Я слышала то же самое от моей двоюродной сестры, а она не из тех, кто лжет, — заявила одна старуха. — Она говорит, что стая эта большая, сотни голов, и все на подбор людоеды. А вожаком у них волчица, тварь из седьмого пекла.

Волчица? Арья хлебнула пива. Где это Божье Око — не рядом ли с Трезубцем? Жаль, что карты нет. Нимерию она оставила около Трезубца. Ей не хотелось этого делать, но Джори сказал, что выбора нет, — если волчица вернется с ними, ее убьют за то, что она покусала Джоффри, хотя тот вполне это заслужил. Пришлось кричать и бросаться камнями, и только когда несколько камней Арьи попали в цель, волчица наконец отстала. «Наверно, она меня теперь и не узнает, — подумала Арья. — А если она меня помнит, то ненавидит».

— Я слышал, что как-то адова сука явилась в деревню, — сказал человек в зеленом плаще. — День был базарный, народу полно, а она пришла как ни в чем не бывало и вырвала младенца из рук матери. Когда это дошло до лорда Мотона, он и его сыновья поклялись покончить с ней. Они выследили волчицу до ее логова со стаей гончих и едва-едва ушли живыми, а из собак ни одна не вернулась.

— Сказки это, — не сдержавшись выпалила Арья. — Волки не едят младенцев.

— Тебе-то почем знать, паренек? — спросил человек в зеленом плаще.

Не успела Арья придумать ответ, как Йорен сгреб ее за руку.

— Мальчишка нахлебался пива, только и всего.

— А вот и нет. Не едят они младенцев...

— Выйди вон, *мальчик*... и поучись молчать, когда взрослые разговаривают. — Йорен пихнул ее к боковой двери, ведущей на кухню. — Ступай и присмотри, чтобы конюх напоил наших лошадей.

Арья вышла, сама не своя от ярости.

— Не едят, — буркнула она и пнула камень, подвернувшийся ей под ноги. Он укатился под фургон.

— Мальчик, — позвал чей-то ласковый голос. — Славный мальчик.

Это был один из закованных. Арья настороженно приблизилась, держа руку на рукояти Иглы.

Узник, брякнув цепями, показал ей на пустую кружку.

— Человеку охота еще пивка. Эти тяжелые оковы вызывают у человека жажду. — Он был самый молодой из трех, стройный, красивый и всегда улыбался. Волосы его, рыжие с одной стороны и белые с другой, сбились в грязный колтун после тюрьмы и дороги. — Человек и в баньку бы с радостью сходил, — добавил он, видя, как смотрит на него Арья, — а мальчик завел бы себе друга.

— У меня уже есть друзья.

— Это вряд ли, — сказал безносый, толстый и приземистый, с мощными ручищами. Руки, ноги, грудь и даже спина у него поросли черными волосами. Он напоминал Арье картинку из книги, где изображалась обезьяна с Летних островов. Из-за дыры на лице на него нельзя было смотреть долго.

Лысый открыл рот и запищал, точно огромная белая ящерица. Арья отшатнулась, а он разинул рот еще шире — там болтался обрубок языка.

— Перестань, — вскричала она.

— Человек не выбирает, с кем ему сидеть в каменном мешке, — сказал красивый с бело-рыжими волосами. Что-то в его манере говорить напоминало ей Сирио, но и отличалось от него. — Эти двое невежи, и человек просит за них прощения. Тебя зовут Арри, правда?

— Его зовут Воронье Гнездо, — сказал безносый. — И он ходит с палкой. Гляди, лоратиец, как бы он тебя ею не огрел.

— Человеку остается только стыдиться своих спутников, Арри. Человек имеет честь быть Якеном Хгаром из вольного города Лората. Попасть бы туда снова. Товарищей человека по заточению зовут Рорж, — он указал кружкой на безносого, — и Кусака. — Кусака снова зашипел на нее, показав желтые заостренные зубы. — Нужно же как-нибудь называть человека, правда? Кусака не может говорить и не умеет писать, но зубы у него очень острые, поэтому его называют Кусакой и он улыбается. Тебе приятно с нами познакомиться?

— Нет. — Арья попятилась прочь от повозки. «Они ничего мне не сделают, — твердила она про себя, — они прикованы».

— Человеку впору заплакать. — Красивый перевернул кружку вверх дном, а безносый Рорж с ругательствами швырнул свою в Арья. Оковы сделали бросок неуклюжим, но тем не менее тяжелая оловянная кружка угодила бы ей в голову, если бы она не отскочила.

— А ну принеси нам пива, прыщ. Быстро!

— Захлопни пасть! — (А как поступил бы в таком случае Сирио?) Арья вынула свой деревянный меч.

— Поди-ка сюда — я суну тебе эту палку в задницу и отделаю до крови.

Страх ранит глубже, чем меч. Арья заставила себя подойти к повозке. Каждый шаг давался ей труднее, чем предыдущий. «Свирепая, как росомаха, спокойная, как вода», — пело у нее в голове. Сирио не побоялся бы их. Она могла уже дотронуться до колеса, когда Кусака вскочил и дернулся к ней, гремя цепями. Кандалы остановили его руки в полудфуте от ее лица, и он зашипел. Она ударила его — сильно, прямо между его маленьких глазок.

Кусака с воплем отшатнулся назад и что было мочи дернул свою цепь. Она натянулась, и Арья услышала, как скрипит старое сухое дерево днища повозки, куда цепь была вделана. На руках, протянувшихся к Арье, надулись жилы, но цепь держала крепко, и колодник в конце концов повалился на пол. Из язв у него на щеках сочилась кровь.

— У мальчика храбрости больше, чем здравого смысла, — заметил Якен Хгар.

Арья попятилась. Почувствовав чью-то руку у себя на плече, она обернулась и вскинула деревянный меч, но это оказался Бык.

— Чего тебе?

Он примирительно поднял руки.

— Йорен никому из нас не велел подходить к этим троим.

— Я их не боюсь, — заявила Арья.

— Ну и дурак. А я вот боюсь. — Бык взялся за свой меч, и Рорж засмеялся. — Пойдем-ка отсюда.

Арья, вызывающе шаркнув ногой, позволила Быку увести себя. Они вышли к фасаду гостиницы, преследуемые смехом Роржа и шипением Кусаки.

— Давай подеремся! — сказала Арья Быку. Ей очень хотелось отлупить кого-то.

Он растерянно моргнул. Густые черные волосы, еще мокрые после бани, падали на его синие глаза.

— Я ж тебя побью.

— Не побьешь.

— Ты не знаешь, какой я сильный.

— А ты не знаешь, какой я шустрый.

— Ну, ты сам напросился, Арри. — Бык достал меч Прейда. — Сталь дешевая, но это настоящий меч.

Арья вынула из ножен Иглу.

— Это хорошая сталь, так что мой меч всамделишной твоего.

— Смотри же не реви, если я тебя задену, — покачал головой Бык.

— Смотри сам не зареви. — Она ступила вбок, приняв стойку водяного плясуна, но Бык не шелохнулся, глядя на что-то позади нее. — Что там такое?

— Золотые плащи, — сказал он, и его лицо окаменело.

«Не может быть», — подумала Арья, но, когда обернулась, увидела их. Они ехали по дороге, шестеро в черных кольчугах и золотых плащах городской стражи. На офицере был черный, покрытый эмалью панцирь с четырьмя золотыми дисками. У гостиницы они остановились. «Смотри своими глазами», — шепнул Арье голос Сирио. Ее глаза подметили, что кони взмылены, — их гнали долго и не щадили. Спокойная как вода она взяла Быка за руку и отошла с ним обратно, к высокой живой изгороди.

— Что ты делаешь? — сказал он. — Пусти.

— Будь тихим, как тень, — прошептала она, пригибая его вниз.

Несколько людей Йорена сидели перед баней, ожидая своей очереди.

— Эй, ребята, — крикнул им один из золотых плащей. — Это вы собираетесь надеть черное?

— Ну, скажем, мы, — последовал осторожный ответ.

— Мы бы лучше к вам пошли, — сказал старый Рейзен. — На Стене, говорят, уж больно холодно.

Офицер золотых плащей спешился.

— Я должен взять у вас одного парня.

Из гостиницы вышел Йорен, утирая косматую черную бороду.

— Кому это он понадобился?

Остальные стражники тоже спешились и стали рядом со своими конями.

— Почему мы прячемся? — спросил Бык.

— Это я им нужен, — прошипела Арья в его пахнущее мылом ухо. — Тихо.

— Его требует королева, старик, и не твое это дело, — ответил офицер, доставая из-за пояса ленту. — Вот приказ ее величества, а вот печать.

Бык за изгородью недоверчиво покрутил головой:

— Зачем ты сдался королеве, Арри?

— Тихо ты! — Она пихнула его в плечо.

Йорен пощупал ленту с нашлепкой из золотистого воска и сплюнул.

— Красивая вещица. Только парень-то теперь Ночной Дозорный. И мне насрать, что он там натворил у вас в городе.

— Королеву твое мнение не интересует, старик, и меня тоже. Я должен взять парня и возьму.

Арья подумала, не убежать ли ей. Но далеко она на своем осле не ускачет от конных золотых плащей. И она уже устала бегать. Она бежала, когда за ней пришел сир Меррин, и еще раз, когда убили ее отца. Будь она настоящей водяной плясуньей, она вышла бы к ним с Иглой и убила их всех и больше никогда ни от кого бы не бегала.

— Никого вы не возьмете, — сказал Йорен. — На то есть закон.

Золотой плащ вынул короткий меч:

— Вот он, твой закон.

— Это не закон, это меч. У меня у самого такой есть.

— Старый ты дурак, — улыбнулся офицер. — Со мной пятеро человек.

Йорен плюнул:

— А со мной тридцать.

Золотые плащи засмеялись.

— Эти-то? — сказал здоровый детина с перебитым носом. — Ну, подходи, кто первый? — У него в руке тоже сверкнула сталь.

— Я. — Тарбер выдернул вилы из копны сена.

— Нет, я. — Тесак, толстый каменщик, достал молоток из кожаного фартука, который никогда не снимал.

— Я. — Курц поднялся с земли со свежевальным ножом в руке.

— Мы с дружкой. — Косс натянул свой лук.

— Да все мы. — Рейзен вскинул вверх свой длинный тяжелый посох.

Голый Доббер вышел из бани, неся одежду в узелке, увидел, что происходит, и бросил все, кроме кинжала.

— Да тут никак драка?

— Точно. — Пирожок на четвереньках устремился за большим камнем. Арья не верила своим глазам. Ведь она Пирожка ненавидит! Почему он вступился за нее с опасностью для собственной жизни?

Стражник с перебитым носом все еще полагал, что это смешно.

— Эй, деточки, уберите-ка ваши камни и палки, пока вас не отшлепали. Из вас ни один не знает, каким концом держать меч.

— Я знаю! — Арья не позволит им умереть за нее, как умер Сирио. Проскользнув через изгородь с Иглою в руке, она приняла стойку водяного плясуна.

Сломанный Нос заржал, а офицер смерил ее взглядом.

— Положи меч, девочка, — тебя здесь никто не обидит!

— Я не девочка! — завопила она в ярости. Что с ними такое? Они проделали такой путь ради нее, и вот она перед ними, а они только скалятся. — Это я вам нужен!

— Нам нужен он. — Офицер указал мечом на Быка, который вылез из укрытия и стал рядом с Арьей, держа наготове дешевый клинок Прейда.

Повернувшись к Быку, офицер на миг упустил из виду Йорена — и совершил ошибку. Черный брат в то же мгновение приставил меч к его кадыку.

— Ты не получишь ни одного — иначе я сейчас погляжу, поспело ли твое яблочко. В гостинице у меня есть десять или пятнадцать братьев, если до тебя по сей час не дошло. На твоём месте я бросил бы это перышко, сел на лошадку и двинул обратно в город. — Йорен плюнул и нажал острием чуть сильнее. — Ну так как?

Пальцы офицера разжались, и меч упал в пыль.

— Мы возьмем его себе, — сказал Йорен. — Хорошая сталь на Стене всегда пригодится.

— Будь по-твоему — пока. За мной. — Золотые плащи вложили мечи в ножны и расселись по коням. — Беги к своей Стене скорее, старикан. В следующий раз я прихвачу вместе с бастардом твою голову.

— Люди получше тебя грозились это сделать. — Йорен плашмя хлопнул своим мечом по

крупы офицерского коня, и тот понесся прочь по дороге. Стражники последовали за ним.

Когда они скрылись из виду, Пирожок восторженно завопил, но Йорен обозлился еще пуще против прежнего.

— Дурак! Думаешь, на этом конец? В следующий раз он не станет совать мне свою поганую ленту. Скажите остальным, чтобы вылезли из корыт — надо ехать. Будем двигаться всю ночь — может, и опередим их малость. — Он подобрал офицерский меч. — Кому дать?

— Мне! — крикнул Пирожок.

— Только не проткни им Арри. — Йорен протянул мальчишке меч рукоятью вперед и подошел к Арье, но обратился не к ней, а к Быку: — Похоже, ты нужен королеве до зарезу, парень.

— Он-то ей зачем? — растерялась Арья.

— А ты зачем, подзаборник? — насупился Бык.

— Ты и сам бастард! — (А может, он просто притворяется бастардом?) — Как твое настоящее имя?

— Джендри, — не совсем уверенно ответил он.

— Не знаю, на кой вы оба кому-то нужны, — сказал Йорен, — но они вас все равно не получат. Дальше поедете на конях и, как только увидите золотой плащ, шпарьте к Стене так, точно за вами дракон гонится. На нас, остальных, им наплевать.

— Только не на тебя, — сказала Арья. — Тот человек сказал, что отрубит тебе голову.

— Ну если он сумеет снять ее у меня с плеч, пусть, так и быть, забирает.

— Сэм! — тихо позвал Джон.

Здесь пахло бумагой, пылью и годами. Полки, нагруженные книгами в кожаных переплетах и старинными свитками, уходили высоко во мрак. Сквозь них просачивался слабый желтый свет одинокой лампы. Джон задул свою коптилку, опасаясь оставлять открытое пламя в этом скопище бумаг, и пошел на огонек, пробираясь по узким проходам под сводчатым потолком. Весь в черном, темноволосый и сероглазый, он был как тень во мраке. На руках у него были черные перчатки чертовой кожи — на правой из-за ожогов, на левой потому, что в одной перчатке у человека дурацкий вид.

Сэмвел Тарли сидел в стенной нише, сгорбившись над столом. Свет шел от лампы у него над головой. Заслышав шаги Джона, он поднял голову.

— Ты что тут, всю ночь просидел?

— Ну что ты! — возразил Сэм.

— Ты не завтракал с нами, и твоя постель не смята. — Раст предположил, что Сэм дезертировал, но Джон в это не поверил. Дезертирство требует своего рода отваги, а Сэм этим похвастаться не может.

— Разве теперь уже утро? Тут, внизу, не видно, день или ночь.

— Ох и дурачина же ты, Сэм. Ручаюсь, ты еще пожалеешь о своей постели, когда придется спать на голой земле.

Сэм зевнул:

— Мейстер Эймон послал меня поискать карты для лорда-командующего. Я даже и не думал... Джон, а книги-то видал? Их здесь тысячи!

Джон посмотрел вокруг:

— В винтерфеллской библиотеке было больше ста тысяч. Ну и как, нашел ты карты?

— О да. — Пальцы Сэма, толстые как сосиски, прошлись по груде книг и свитков на столе. — Не меньше дюжины. — Он развернул лист пергамента. — Краска поблекла, но еще видно, где составитель отметил селения одичалых, а в другой книге... где же она? Я ее только что читал. — Он откопал под свитками пыльный том в полусгнившей коже и произнес с почтением: — Вот. Это описание путешествия от Сумеречной Башни до Пустынного мыса на Стылом Берегу, сделанное разведчиком по имени Редвин. Даты нет, но он упоминает о Доррене Старке как о Короле Севера — стало быть, книга написана еще до Завоевания. Джон, они сражались с великанами! Редвин даже с Детьми Леса имел дело — тут все написано. — Сэм с бесконечной осторожностью переворачивал страницы. — Он и карты нарисовал, смотри...

— Может, ты тоже напишешь о нашем путешествии, Сэм.

Джон хотел приободрить приятеля, но промахнулся. Сэму меньше всего хотелось вспоминать о том, что ждет их завтра. Его руки бесцельно перебирали свитки на столе.

— Есть и другие карты. Будь у меня побольше времени... тут все так перепутано. Я мог бы привести все это в порядок, знаю, что мог бы... но на это нужно время, целые годы.

— Мормонту карты понадобятся несколько раньше. — Джон вытащил из кучи свитков и сдул с него часть пыли. Когда он развернул пергамент, уголок отломился. — Гляди, этот уже крошится, — сказал он, вглядываясь в поблекшие письма.

— Осторожно. — Сэм перегнулся через стол и взял у Джона свиток, держа его, как

раненого зверька. — Ценные книги переписываются, когда в этом есть нужда. С самых старых снималось до полусотни копий.

— Ну, эту грамоту можно не переписывать. Двадцать три бочонка соленой трески, восемнадцать кувшинов рыбьего жира, бочонок соли...

— Список припасов — а возможно, счет.

— Ну и кому это надо знать — сколько соленой трески было съедено шестьсот лет назад?

— Мне надо. — Сэм заботливо вернул свиток на место. — Из таких вот описей очень много можно узнать, правда. Например, сколько человек состояло тогда в Дозоре, как они жили, что ели...

— Ели они еду, а жили так, как мы живем.

— Не скажи. Этот склеп — настоящая сокровищница, Джон.

— Тебе виднее. — Сам Джон в этом сомневался. Сокровищница — это золото, серебро, драгоценные камни, а не пыль, пауки и гнилая кожа.

— Конечно. — Сэм был старше Джона и по закону считался взрослым мужчиной, а посмотреть на него — мальчишка, и больше ничего. — Я нашел рисунки, которые делались на деревьях, и книгу о языке Детей Леса... и еще разное, чего даже в Цитадели нет — свитки из древней Валирии, роспись чередования зимы и лета, составленную мастерами тысячу лет назад...

— До нашего возвращения книги никуда не денутся.

— Да — если мы вернемся.

— Старый Медведь берет с собой двести опытных людей, и три четверти из них — разведчики. Куорен Полурукий приведет из Сумеречной Башни еще сотню братьев. Ты будешь в такой же безопасности, как в замке своего лорда-отца на Роговом Холме.

Сэм выдавил из себя грустную улыбку:

— Не сказать, чтобы мне там было так уж безопасно.

«Боги играют с нами жестокие шутки, — подумал Джон. — Вот Пип и Жаба так и рвутся в поход, а их оставляют в Черном Замке. Зато Сэмвел Тарли, сам не отрицающий, что он трус, толстый, робкий и владеющий навыками верховой езды не лучше, чем мечом, отправляется в Зачарованный Лес. Старый Медведь берет с собой две клетки воронов, чтобы подавать вести о своем путешествии, а мастер Эймон слеп и слишком слаб, чтобы ехать с ними, — поэтому вместо него приходится брать его стюарда».

— Ты нам нужен, чтобы ходить за воронами, Сэм. И должен же кто-то помогать мне умирять Гренна.

Многочисленные подбородки Сэма заколыхались.

— За воронами мог бы смотреть ты или Гренн — да кто угодно, — с нотками отчаяния в голосе сказал он. — Я бы тебе показал, что нужно делать. И грамоту ты знаешь — ты мог бы писать письма за лорда Мормонта не хуже, чем я.

— Я стюард Старого Медведя. Я должен буду прислуживать ему, ходить за его конем, ставить ему палатку. У меня не останется времени, чтобы смотреть еще и за птицами. Сэм, ты произнес слова. Теперь ты брат Ночного Дозора.

— Брат Ночного Дозора не должен так бояться.

— Мы все боимся — ведь мы же не дураки. — Слишком много разведчиков пропало у них за последние два года — и среди них Бенджен Старк, дядя Джона. Двух дядиных людей нашли в лесу мертвыми, однако в ночи мертвецы ожили. Обожженные пальцы Джона до сих

пор вздрагивали, когда он вспоминал об этом. Ему все еще снился упырь, мертвый Отор с горящими синими глазами и ледяными черными руками, но Сэму об этом напоминать не стоило. — «В том, что ты боишься, нет позора, — говорил мне отец, — главное, как мы встречаем свой страх». Пойдем, я помогу тебе донести карты.

Сэм с несчастным видом кивнул. Полки стояли так тесно, что им пришлось идти гуськом. Библиотечный подвал выходил в один из подземных ходов, которые братья называли червоточинами, — они соединяли Черный Замок с его башнями. Летом червоточинами пользовались редко — там бегали разве что крысы и прочие гады, — но зимой дело обстояло по-иному. Когда снег достигал глубины сорок или пятьдесят футов, а с севера задувал ледяной ветер, только подземные ходы и поддерживали жизнь в Черном Замке.

«Скоро мы испытаем это на себе», — думал Джон, пока они поднимались наверх. Он видел гонца, который прилетел к мастеру Эйемону с вестью о конце лета, — большого ворона из Цитадели, белого и молчаливого, как призрак. В раннем детстве Джон уже пережил зиму, но все говорили, что та зима была короткая и мягкая. Эта будет другой — он чувствовал нутром.

Ступени были слишком круты, и Сэм, когда они вылезли наверх, пыхтел, как кузнечные мехи. Плащ Джона защелкал на резком ветру. Призрак спал под глинобитной стеной амбара, но при появлении Джона проснулся, поставил торчком лохматый белый хвост и потрусил за ним.

Сэм покосился на Стену. Она нависала над ними — ледяной утес семиста футов вышиной. Иногда она представлялась Джону живым существом со своими настроениями. Лед в ней менял окраску от малейшей разницы в освещении. Стена была то густо-синей, как замерзшая река, то грязно-белой, как залежалый снег, а когда на солнце набегало облако, она становилась серой, как щербатый камень. Стена тянулась на восток и на запад, сколько видел глаз, столь огромная, что бревенчатые срубы и каменные башни замка казались маленькими рядом с ней. Это был край света.

«А мы собираемся туда, за этот край».

На утреннем небе за тонкими серыми облаками проглядывала бледная красная полоса. Черные братья нарекли небесную странницу Факелом Мормонта, говоря (не совсем в шутку), что боги послали ее, чтобы осветить старику дорогу через Зачарованный Лес.

— Эта комета такая яркая, что теперь ее видно даже и днем, — сказал Сэм, заслоняя глаза стопкой книг.

— Не заглядывайся, Старый Медведь ждет свои карты.

Призрак выбежал вперед. Замок казался покинутым — многие разведчики отправились в бордель Кротового городка, поискать зарытые сокровища и напиться до одури. Гренн ушел с ними — Пип, Халдер и Жаба предложили оплатить его первую женщину в честь первого похода. Джона и Сэма тоже звали, но Сэм боялся шлюх почти так же, как Зачарованного Леса, а Джон отказался наотрез. «Вы идите, коли охота, — сказал он Жабке, — а я дал обет».

Проходя мимо септы, они услышали поющие голоса. Одним перед боем требуются шлюхи, другим — боги, и неизвестно, кому из них потом будет лучше. Джона септа манила не больше, чем бордель, — его боги живут в диких местах, где чардрева простирают свои белые, как кость, ветви. «У Семерых за Стеной нет власти, — подумал он, — зато мои боги будут ждать меня».

У арсенала сир Эндрю Тарт обучал новичков. Ночью их привел Конви, один из вербовщиков, которые странствуют по Семи Королевствам, набирая людей для Стены. Новое

пополнение состояло из седого старца, опирающегося на посох, двух белокурых мальчишек, по виду братьев, хлыщеватого юнца в грязном атласном наряде и дурачка с ухмылкой во весь рот, который, как видно, возомнил себя воином. Сейчас сир Эндрю доказывал ему, что он ошибся. Этот мастер над оружием был не так крут, как сир Аллистер Торне, но после его уроков синяки тоже оставались. Сэм морщился при каждом ударе, но Джон смотрел внимательно.

— Ну, что ты о них скажешь, Сноу? — Донал Нойе стоял в дверях своей оружейни с голой грудью под кожаным фартуком и не прикрытым в кои-то веки обрубком левой руки. Толстое брюхо, мощная грудь, плоский нос и черная щетина на подбородке не делали Нойе красивцем, но Джону было приятно его видеть — оружейник стал ему настоящим другом.

— От них пахнет летом, — сказал Джон, когда сир Эндрю, наскочив на одного из рекрутов, повалил его наземь. — Где это Конви их откопал?

— В темнице одного лорда близ Чаячьего Города. Разбойник, брадобрей, нищий, двое сирот и шлюха мужского пола. И с такими-то нам приходится оборонять области, заселенные человеком.

— Ничего, сойдут. — Джон по-свойски улыбнулся Сэму. — Мы ведь стодилились.

Нойе поманил его к себе:

— Слышал новости о своем брате?

— Да, вечером. — Новости принес Конви со своими новобранцами, и в трапезной об этом только и говорили. Джон сам толком не знал, как к этому отнестись. Робб — король? Его брат, с которым он играл, сражался, разделил свою первую чашу вина? Но не материнское молоко. «Поэтому Робб будет пить летнее вино из драгоценного кубка, а я — хлебать талую воду из ручьев, сложив руки ковшом». — Робб будет хорошим королем, — проявив лояльность, сказал Джон.

— Да ну? — Кузнец посмотрел ему в глаза. — Надеюсь, что так, парень, однако когда-то и о Роберте говорили то же самое.

— Это ведь ты ковал ему боевой молот? — вспомнил Джон.

— Да, я был его человеком, человеком Баратеонов, кузнецом и оружейником в Штормовом Пределе, пока не лишился руки. Я так стар, что помню лорда Стеффона до того, как его взяло море, а его трех сыновей знал с тех пор, как им дали имена. И скажу тебе — Роберт стал совсем не тот, когда надел корону. Некоторые люди — как мечи, они созданы для боя. Повесь их на стенку — и они заржавеют.

— А его братья? — спросил Джон.

Оружейник поразмыслил немного:

— Роберт — это чистая сталь. Станнис — чугун, черный и прочный, но хрупкий. Он ломается, но не гнется. А Ренли — это медь. Она блестит и приятна для глаз, но в конечном счете немногого стоит.

«А из какого металла сделан Робб?» — подумал Джон, но спрашивать не стал. Раз Нойе человек Баратеонов, он скорее всего считает Джоффри законным королем, а Робба изменником. Среди братьев Ночного Дозора существовал негласный уговор — не копать в таких делах слишком глубоко. Люди прибывают на Стену со всех Семи Королевств, и былую любовь и преданность забыть нелегко, какие бы клятвы ты ни принес... кому это знать, как не Джону. Взять Сэма — его дом присягнул Хайгардену, чей лорд, Тирелл, поддерживает короля Ренли. Лучше о таких вещах не говорить. Ночной Дозор ничью сторону не держит.

— Нас ждет лорд Мормонт, — сказал Джон.

— Раз так, не буду задерживать. — Нойе хлопнул его по плечу и улыбнулся. — Да будут с тобой завтра боги, Сноу. И привези с собой своего дядю, слышишь?

— Привезем непременно.

Лорд-командующий Мормонт поселился в Королевской башне после того, как пожар уничтожил его собственную. Джон оставил Призрака с часовыми за дверью.

— Опять ступеньки, — уныло пробурчал Сэм. — Ненавижу лестницы.

— Ну уж в лесу их точно не будет.

Не успели они войти в горницу, ворон сразу углядел их и завопил:

— Сноу!

Мормонт прервал свою беседу.

— Долго же вы проваландались с этими картами. — Он расчистил место на столе, где стояли остатки завтрака. — Давайте их сюда. Я посмотрю их позже.

Торен Смолвуд, жилистый разведчик со слабым подбородком и еще более слабым ртом, укрытым в жидкой бородачке, смерил Сэма и Джона холодным взглядом. Он был из прихвостней Аллистера Торне и не любил их обоих.

— Место лорда-командующего должно находиться в Черном Замке, откуда он и отдает приказы, — сказал Смолвуд Мормонту, не обращая внимания на них. — У меня такое мнение.

— Такое, такое, такое, — захлопал крыльями ворон.

— Вот станешь лордом-командующим и будешь поступать согласно своему мнению — но я как будто еще не умер и братья не избрали тебя на мое место.

— Теперь, когда Бен Старк пропал, а сир Джареми убит, Первым Разведчиком стал я, — упорствовал Смолвуд, — и вылазкой командовать тоже должен я.

Но Мормонт остался тверд.

— Я уже послал за Стену Бена Старка, а до него сира Уэймара. Я не намерен посылать еще и тебя, а после сидеть и неизвестно сколько ждать твоего возвращения. Кроме того, Старк остается Первым Разведчиком, пока мы не будем знать с полной уверенностью, что он умер. И если этот день настанет, его преемника назначу я, а не ты. А теперь довольно занимать мое время. Ты не забыл, что мы выезжаем чуть свет?

Смолвуд встал с места.

— Как прикажете, милорд, — сказал он и сердито глянул на Джона, словно это была его вина.

— Первый Разведчик! — Старый Медведь возрился на Сэма. — Уж скорее я назначу Первым Разведчиком тебя. Он имеет наглость говорить мне в лицо, что я слишком стар, чтобы ехать с ним. А как по-твоему, парень, — стар я или нет? — Казалось, что волосы, покинувшие пятнистый череп Мормонта, переместились в косматую седую бороду, ниспадающую на грудь. Мормонт запустил в нее руку. — По-твоему, я дряхлый старец?

Сэм только пискнул что-то — Старый Медведь наводил на него ужас.

— Нет, милорд, — поспешно вмешался Джон. — Вы крепки, как... как...

— Нечего меня умамливать, Сноу, — ты знаешь, что я терпеть этого не могу. Давай-ка глянем на ваши карты. — Мормонт бегло просмотрел их, ворча себе под нос. — Это все, что ты смог найти?

— Т-там есть еще, м-милорд, — промямлил Сэм, — но б-беспорядок...

— Эти все старые, — сказал Мормонт, и ворон подхватил:

— Старые, старые.

— Селения могли исчезнуть, но холмы и реки остались на месте, — заметил Джон.

— И то верно. Ты уже отобрал воронов, Тарли?

— М-мейстер Эймон хочет с-сам отобрать их вечером, после к-кормежки.

— Мне нужны самые лучшие птицы. Умные и сильные.

— Сильные, — сказал его собственный ворон, охорашиваясь. — Сильные, сильные.

— Если случится так, что нас всех перебьют, пусть мой преемник знает, где и как мы умерли.

Сэмвел Тарли от таких слов лишился дара речи. Мормонт подался вперед:

— Тарли, когда я был наполовину моложе тебя, моя леди-мать сказала мне: не стой с открытым ртом, иначе ласка примет его за свою норку и залезет тебе прямо в горло. Если хочешь сказать что-то, говори, если нет — остерегайся ласок. — Он махнул рукой на них обоих. — Ступай прочь, не до тебя. Мейстер уж верно найдет тебе какое-нибудь дело.

Сэм сплотнул, попятился и устремился прочь так быстро, что чуть не поскользнулся на тростнике.

— Что, этот парень и правда такой дурак, каким кажется? — спросил лорд-командующий, когда он ушел.

— Дурак, — заверил ворон. Мормонт не стал дожидаться, когда Джон ответит.

— Его лорд-отец занимает высокий пост в совете короля Ренли, и я подумал было, не послать ли к нему сынка... но решил, что не стоит. Ренли не станет слушать этого толстого нытика. Пошлю сира Арнелла. Он не в пример круче, а мать у него из Фоссовеев зеленого яблока.

— Не скажет ли милорд, что он хочет получить от короля Ренли?

— То же самое, что от них от всех, парень. Людей, лошадей, мечи, доспехи, зерно, сыр, вино, шерсть, гвозди... Ночной Дозор не гордый, мы берем что дают. — Мормонт побарабанил пальцами по грубо обтесанной столешнице. — Сир Аллистер, если ветры будут благоприятны, доберется до Королевской Гавани к перемене луны... но не знаю, будет ли прок от этого мальчишки Джоффри. Дом Ланнистеров никогда не был другом Дозору.

— Торне покажет им руку упыря. — Жуткую бледную руку с черными пальцами — она и в склянке шевелилась, как живая.

— Жаль, что у нас нет другой — мы бы послали ее Ренли.

— Дайвен говорит, за Стеной можно найти что угодно.

— Да, говорит. Он говорит также, что в последнюю свою вылазку видел медведя пятнадцати футов вышиной. — Мормонт фыркнул. — Моя сестра будто бы взяла медведя себе в любовники — скорее уж я поверю в это, чем в зверя пятнадцати футов ростом. Впрочем, когда мертвые встают... и все-таки нет, человек должен верить только своим глазам. Я видел, как встают мертвые, а вот гигантских медведей еще не видел. — Он вперил в Джона долгий, испытующий взгляд. — Кстати, о руках. Как там твоя?

— Лучше. — Джон стянул перчатку и показал руку Мормонту. Шрамы покрывали всю нижнюю часть предплечья, и новая розовая кожица была еще тугой и нежной, но дело шло на поправку. — Только чешется. Мейстер Эймон говорит, что это хорошо. Он дал мне мазь, чтобы я взял ее с собой в поход.

— Ожоги не помешают тебе орудовать Длинным Когтем?

— Нет, не думаю. — Джон согнул и разогнул пальцы, как велел ему делать мейстер. — Я должен каждый день разрабатывать пальцы, чтобы они оставались гибкими, — так сказал мейстер Эймон.

— Эймон хоть и слепой, а дело свое знает. Я молюсь, чтобы боги даровали ему еще лет двадцать. Ты знаешь, что он мог бы стать королем?

— Он говорил мне, что его отец был королем, — удивился Джон, — но я думал, что сам он — младший сын.

— Так и есть. Отцом его отца был Дейерон Таргариен, второй этого имени, присоединивший Дорн к государству. Договор предусматривал его женитьбу на дорнийской принцессе. Она родила ему четверых сыновей. Мейекар, отец Эймона, был самым младшим из них, а Эймон — его третьим сыном. Имей в виду, все это происходило задолго до моего рождения, хотя Смолвуд и считает меня древним старцем.

— Мейстера Эймона назвали в честь Рыцаря-Дракона.

— Верно. Некоторые полагают, что настоящим отцом короля Дейерона был принц Эймон, а не Эйегон Недостойный. Но как бы там ни было, наш Эймон не унаследовал воинственной натуры Рыцаря-Дракона. Как говорит он сам, меч у него был медлителен, зато ум скор. Неудивительно, что дед отправил его в Цитадель. Тогда ему было лет девять или десять... и на очереди к престолу он был тоже не то девятым, не то десятым.

Джон знал, что Эймон отметил больше сотни своих именин. Трудно было представить дряхлого, сморщенного, слепого мастера маленьким мальчиком не старше Арьи.

— Эймон корпел над книгами, — продолжал Мормонт, — когда старший из его дядей, наследный принц, по несчастной случайности погиб на турнире. Он оставил двух сыновей, но и они вскоре последовали за ним в могилу после великого Весеннего Мора. Король Дейерон тоже умер, и корона перешла ко второму сыну короля, Эйерису.

— К Безумному Королю? — Джон совсем запутался. Эйерис царствовал перед Робертом — значит, не так уж давно.

— Нет, к Эйерису Первому. Тот, кого низложил Роберт, был второй этого имени.

— Как давно было то, о чем вы рассказываете?

— Лет восемьдесят назад или около того — и все-таки я еще не родился, когда Эймон уже выковал с полдюжины звеньев своей мастерской цепи. Эйерис женился на своей родной сестре, как было заведено у Таргариенов, и правил лет десять или двенадцать. Эймон между тем принял обет и оставил Цитадель, чтобы служить при дворе какого-то мелкого лорда... а его дядя-король умер, не оставив потомства. Железный Трон перешел к последнему из четырех сыновей Дейерона — к Мейекару, отцу Эймона. Новый король призвал ко двору всех своих сыновей и Эймона тоже хотел ввести в свой совет, но тот отказался, не желая незаконно занимать место, по праву принадлежащее великому мастеру. Вместо этого он стал служить в замке своего старшего брата, другого Дейерона. Брат этот тоже умер — кажется, от оспы, которую подхватил у какой-то шлюхи, оставив после себя только слабоумную дочь. Следующим по старшинству братом был Эйерион.

— Эйерион Чудовище? — Сказка о Принце, Который Возомнил Себя Драконом, была одной из самых страшных историй старой Нэн и очень нравилась маленькому брату Джона Брану.

— Он самый, хотя он себя величал Эйерионом Пламенным. Однажды, будучи в подпитии, он влил в себя сосуд дикого огня, сказав своим друзьям, что это превратит его в дракона, но боги по милости своей превратили его в труп. Неполный год спустя король Мейекар погиб в битве с мятежным лордом.

Джон имел кое-какое понятие об истории государства — их винтерфеллский мастер об этом позаботился.

— В тот же год состоялся Великий Совет, — сказал он, — и лорды, минуя младенца-сына принца Эйериона и дочь принца Дейерона, вручили корону Эйегону.

— Верно, но не совсем. Сначала они негласно предложили ее Эйемону. Он сказал им, что боги предназначили его служить, а не править, и отказался нарушить свой обет, хотя сам верховный септон предлагал разрешить его. Делать нечего. Ни один разумный человек не желал видеть на троне отпрыска Эйериона, а дитя Дейерона, будучи женского пола, страдало к тому же слабоумием, поэтому лордам не осталось иного выбора, как отдать корону младшему брату Эйемона Эйегону, пятому этого имени. Этого короля прозвали Эйегон Невероятный, ибо он родился четвертым сыном четвертого сына. Эйемон знал — и был прав, — что, если он останется при дворе, люди, недовольные правлением его брата, захотят его использовать, и поэтому удалился на Стену. Здесь он и оставался, пока его брат и сын его брата, а там и внук всходили на престол и умирали — и пока Джейме Ланнистер не пресек род Королей-Драконов.

— Король, — каркнул ворон, перелетел через горницу и сел Мормонту на плечо. — Король, — повторил он, переминаясь с лапы на лапу.

— Видать, ему нравится это слово, — улыбнулся Джон.

— Его легко произнести — и полюбить тоже легко.

— Король, — повторила птица.

— По-моему, это он вас хочет короновать, милорд.

— В стране и без того три короля — чересчур много, на мой вкус. — Мормонт почесал ворона под клювом, не сводя глаз с Джона Сноу. Тот почувствовал себя странно.

— Милорд, для чего вы рассказали мне историю мейстера Эйемона?

— Разве для всего должна быть причина? — Мормонт хмуро поерзал на стуле. — Твоего брата Робба провозгласили Королем Севера, и это связывает тебя с Эйемоном. У вас обоих братья короли.

— Нас связывает не только это. Мы оба дали обет.

Старый Медведь громко фыркнул, и ворон, снявшись с него, описал круг по комнате.

— Дайте мне по человеку на каждый нарушенный обет, который я видел, и у Стены никогда не будет недостатка в защитниках.

— Я всегда знал, что Робб будет лордом Винтерфелла.

Мормонт посвистал. Птица вернулась к нему и села на руку.

— Лорд — одно дело, король — другое. — Он достал из кармана горсть зерна и дал ворону. — Твоего брата Робба оденут в шелк, бархат и атлас ста разных цветов, ты же будешь жить и умрешь в черной кольчуге. Он женится на прекрасной принцессе, и она родит ему сыновей — у тебя жены не будет, и ты никогда не возьмешь в руки родное дитя. Робб будет править, ты — служить, и люди будут звать тебя вороной, а его — ваше величество. Певцы будут славить каждый его чих, твои же подвиги останутся невоспетыми. Скажи мне, что все это тебя не волнует, Джон, и я скажу, что ты лжешь, — и не погрешу против истины.

Джон напрягся как натянутая тетива.

— А если бы даже и волновало, то что я могу — я, бастард?

— Как же ты намерен жить дальше — ты, бастард?

— Волноваться — и соблюдать свои обеты.

Корону для ее сына только что выковали, и Кейтилин Старк казалось, что этот убор тяжело давит на голову Робба.

Древняя корона Королей Зимы пропала триста лет назад — Торрхен Старк отдал ее Эйгону Завоевателю, когда преклонил перед ним колени. Что сделал с короной Эйгон, не знал никто. Кузнец лорда Хостера хорошо сделал свою работу, и новая корона, если верить сказкам, очень походила на старую. Разомкнутый обруч из ковanej бронзы, покрытый рунами Первых Людей, венчали девять черных железных зубцов в форме мечей. О золоте, серебре и драгоценных камнях не было и помину. Бронза и железо — вот металлы зимы, темные и пригодные для борьбы с холодом.

Они сидели в Великом Чертоге Риверрана, дожидаясь, когда приведут пленного, и Кейтилин заметила, что Робб сначала сдвинул корону назад, на свои густые, цвета осени, волосы, потом вернул на место, потом покрутил, точно от этого она меньше сжимала ему лоб. «Нелегкое это дело — носить корону, — подумала Кейтилин, — особенно для мальчика пятнадцати лет».

Когда стража ввела пленника, Робб потребовал свой меч. Оливар Фрей подал его рукоятью вперед, и король, обнажив клинок, возложил его себе на колени — грозный знак.

— Ваше величество, вот человек, который был вам нужен, — объявил сир Робин Ригер, капитан гвардии дома Талли.

— На колени перед королем, Ланнистер! — вскричал Теон Грейджой, и сир Робин заставил пленника преклонить колена.

«Этот на льва никак не похож», — подумала Кейтилин. Сир Клеос Фрей — сын леди Дженны, сестры лорда Тайвина Ланнистера, но ему не досталось ничего от знаменитой красоты Ланнистеров — ни зеленых глаз, ни золотистых волос. Вместо этого он унаследовал крутые каштановые кудри, слабый подбородок и тонкие черты своего родителя, сира Эммона Фрея, второго сына старого лорда Уоллера. Глаза у него блеклые, водянистые и без конца мигают — но это, возможно, от яркого света. В подземельях Риверрана темно и сыро... а сейчас они к тому же битком набиты.

— Встаньте, сир Клеос. — Голос Робба был не столь ледяным, как у его отца, но и не походил на голос пятнадцатилетнего мальчика. Война сделала его мужчиной до срока. Сталь на его коленях слабо мерцала в утреннем свете.

Но не меч вызывал тревогу у сира Клеоса, а зверь, Серый Ветер, как назвал его Робб, лютоволк крупнее самой большой собаки, поджарый и темный как дым, с глазами цвета расплавленного золота. Когда зверь вышел вперед и обнюхал пленного рыцаря, все в зале почуяли запах страха. Сира Клеоса взяли во время битвы в Шепчущем Лесу, где Серый Ветер перегрыз глотки полдюжине человек.

Рыцарь поспешно встал и так явно начал пятиться, что кое-кто из зрителей не сдержал смеха.

— Благодарю вас, милорд.

— Ваше величество! — рывкнул лорд Амбер, Вольный Джон, самый громогласный из северных знаменосцев Робба... а также самый преданный и самый свирепый, по его собственному уверению. Он первый провозгласил сына Кейтилин Королем Севера и не потерпел бы никакого пренебрежения по отношению к своему новому сюзерену.

— Виноват, — торопливо поправился сир Клеос. — Ваше величество.

«Он не из храбрых, — подумала Кейтилин. — Поистине больше Фрей, чем Ланнистер. Его кузен, Цареубийца, вел бы себя по-иному. Сир Джейме Ланнистер никогда не выговорил бы этот титул сквозь свои безупречные зубы».

— Я вызвал вас из темницы, чтобы вы отвезли мое послание вашей кузине Серсее Ланнистер в Королевскую Гавань. Вы поедете под мирным знаменем, взяв с собой тридцать моих лучших людей.

Сир Клеос испытывал явное облегчение:

— Буду счастлив доставить послание вашего величества королеве.

— Вы должны понять, что я вас не освобождаю. Ваш дед лорд Уолдер обещал мне поддержку от имени дома Фреев. Многие ваши дядья и кузены в Шепчущем Лесу сражались на нашей стороне, вы же предпочли стать под львиное знамя. Это делает вас Ланнистером, а не Фреем. Поклянитесь своей рыцарской честью, что вы, доставив мое письмо, снова вернетесь сюда с ответом королевы.

— Клянусь, — тут же ответил сир Клеос.

— Вас слышали все, кто присутствует в этом зале, — заметил ему сир Эдмар Талли, брат Кейтилин, говоривший от имени Риверрана и лордов Трезубца вместо их умершего отца. — Если не вернетесь, вся страна узнает, что вы клятвопреступник.

— Я исполню свою клятву, — чопорно ответил сир Клеос. — Что содержится в письме?

— Предложение мира. — Робб встал с мечом в руке, Серый Ветер занял место рядом с ним, и в зале настала тишина. — Скажите королеве-регентше, что, если она примет мои условия, я вложу меч в ножны и положу конец войне между нами.

Кейтилин заметила, как в задней части зала высокий, тощий лорд Рикард Карстарк растолкал стражу и вышел вон. Больше никто не двинулся с места, а Робб оставил уход Карстарка без внимания.

— Оливар, бумагу, — приказал он. Оруженосец принял у него меч и подал свернутый пергамент.

Робб развернул его:

— Во-первых, королева должна освободить моих сестер и доставить их морем в Белую Гавань. Само собой разумеется, что помолвка Сансы с Джоффри Баратеоном должна считаться расторгнутой. Когда я получу от моего кастеляна известие о том, что сестры благополучно вернулись в Винтерфелл, я освобожу кузенов королевы, оруженосца Виллема Ланнистера и вашего брата Тиона Фрея, коих препровожу в Бобровый Утес или в другое место, по желанию королевы.

Кейтилин хотелось бы знать, какие мысли прячутся за всеми этими лицами, за нахмуренными лбами и плотно сжатыми губами.

— Во-вторых, нам должно быть возвращено тело моего лорда-отца, дабы он мог обрести покой рядом со своими братом и сестрой в крипте Винтерфелла, как сам бы того желал. Останки его гвардейцев, погибших вместе с ним в Королевской Гавани, тоже следует вернуть.

«На юг отправились живые люди, а домой вернутся их кости. Нед был прав. Мое место в Винтерфелле, сказал он мне, но разве я его послушала? Ступай, сказала я, — ты должен стать десницей Роберта для блага нашего дома и наших детей... это моя вина, моя и ничья иная».

— В-третьих, я должен получить обратно отцовский меч, Лед, — здесь, в Риверране.

Ее брат сир Эдмар Талли стоял, заложив большие пальцы за пояс, с каменным лицом.

— В-четвертых, пусть королева прикажет своему отцу лорду Тайвину освободить моих рыцарей и лордов-знаменосцев, взятых в плен на Зеленом Зубце. Когда он сделает это, я освобожу пленных, взятых в Шепчущем Лесу и в позднейшем сражении, — всех, кроме сира Джейме Ланнистера, который останется моим заложником, чтобы обеспечить послушание своего отца.

Кейтилин старалась разгадать, что означает хитрая улыбка на лице Теона Грейджоя. Он всегда держал себя так, будто его забавляет что-то, недоступное остальным, и Кейтилин это не нравилось.

— И наконец, король Джоффри и королева-регентша должны отречься от всех своих притязаний на северные области. Север более не часть их владений, но свободное и независимое королевство, как в старину. В него входят все земли Старков к северу от Перешейка, а также земли, орошаемые рекой Трезубец и ее притоками, от Золотого Зуба на западе до Лунных гор на востоке.

— КОРОЛЬ СЕВЕРА! — взревел Большой Джон, взмахнув кулачищем величиной с окорок. — Старк! Старк! Король Севера!

Робб снова скатал пергамент в трубку.

— Мейстер Виман начертил карту, где показаны границы нашего королевства. Вы отвезете копию королеве. Лорд Тайвин должен отойти за эти границы, прекратив набеги, поджоги и грабежи. Королева-регентша и ее сын должны отказаться от каких бы то ни было податей с моего народа и освободить моих лордов и рыцарей от всех клятв, обещаний, долгов и обязательств перед Железным Троном и домами Баратеонов и Ланнистеров. Кроме того, Ланнистеры доставят мне в залог нашего мира десять знатных заложников, выбранных по обоюдному нашему согласию. Я приму их как почетных гостей в соответствии с их родом и званием. В том случае, если условия этого договора будут соблюдаться, я буду ежегодно освобождать двух заложников и возвращать их родным и близким. — Робб бросил свернутый пергамент к ногам рыцаря. — Таковы мои условия. Если она примет их, мы заключим мир. Если нет... — он свистнул, и Серый Ветер зарычал, оскалив зубы, — она получит еще один Шепчущий Лес.

— Старк! — снова взревел Большой Джон, и другие голоса подхватили его клич. — Старк, Старк, Король Севера! — Лютоволк задрал голову и завыл.

Сир Клеос сделался синевато-белым, как прокисшее молоко.

— Королева получит ваше послание, ми... ваше величество.

— Хорошо. Сир Робин, пусть его накормят досыта и дадут ему чистую одежду. Он отправится в путь на рассвете.

— Будет исполнено, ваше величество, — сказал сир Робин Ригер.

— На этом и покончим. — Рыцари и лорды-знаменосцы преклонили одно колено, когда Робб двинулся к выходу вместе с Серым Ветром. Оливар Фрей забежал вперед, чтобы открыть ему дверь. Кейтилин с братом последовала за сыном.

— Ты все сделал как надо, — сказала она Роббу, когда они вышли на галерею, — хотя эти шуточки с волком больше пристали мальчику, чем королю.

Робб с улыбкой почесал Серого Ветра за ухом.

— Зато какую рожу он скорчил! Ты видела, матушка?

— Я видела, как лорд Карстарк вышел вон.

— Я тоже заметил. — Робб снял с себя корону и отдал Оливару. — Отнеси ее ко мне в

опочивальню.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Могу поспорить, многие чувствовали то же самое, что и лорд Карстарк, — сказал Эдмар. — Как можно говорить о мире, когда Ланнистеры словно чума опустошают владения моего отца, грабя его добро и убивая его людей? Говорю снова: мы должны выступить на Харренхолл.

— У нас слишком мало сил для этого, — уныло ответил Робб.

— Сидя здесь, мы сильнее не станем, — настаивал Эдмар. — Наше войско тает день ото дня.

— А кто в этом повинен? — напустилась на брата Кейтилин. Именно по настоянию Эдмара Робб после коронации разрешил речным лордам разъехаться по собственным землям, чтобы защитить их от врага. Сир Марк Пайпер и лорд Карил Венс уехали первыми. Лорд Джонас Браккен последовал за ними, намереваясь отбить назад свой сожженный дотла замок и похоронить павших, а теперь и лорд Ясон Маллистер изъявил желание вернуться в свое поместье Сигард, чудом не затронутое войной.

— Нельзя требовать от моих речных лордов, чтобы они сидели сложа руки, когда их поля топчут, а крестьян предают мечу, — сказал Эдмар, — но лорд Карстарк — северянин. Нехорошо будет, если он покинет нас.

— Я поговорю с ним, — сказал Робб. — Он потерял в Шепчущем Лесу двух сыновей. Кто упрекнет его в том, что он не желает заключить мир с их убийцами — и с убийцами моего отца...

— Дальнейшее кровопролитие не вернет нам отца, а лорду Рикарду — сыновей, — заметила Кейтилин. — Предложение должно быть сделано — хотя мудрее было бы поставить более мягкие условия.

— Будь они мягче, я поперхнулся бы ими. — У сына пробивалась борода, более рыжая, чем волосы на голове. Роббу кажется, что она придает ему суровый, королевский... взрослый вид. Но с бородой или без нее, он остается пятнадцатилетним мальчишкой и жаждет мести не больше, чем Рикард Карстарк. Ей стоило труда добиться от него даже этих злосчастных условий.

— Серсея Ланнистер никогда не согласится обменять твоих сестер на пару своих кузенов. Ей нужен ее брат, и тебе это прекрасно известно. — Кейтилин много раз говорила ему об этом, но оказалось, что короли прислушиваются к своим матерям далеко не так, как простые сыновья.

— Я не могу освободить Цареубийцу, даже если бы захотел. Мои лорды никогда мне этого не позволят.

— Твои лорды сделали тебя своим королем.

— И с той же легкостью могут переделать все обратно.

— Если за твою корону нам благополучно возвратят Арью и Сансу, мы с радостью уплатим эту цену. Половина твоих лордов жаждет прикончить Ланнистера в его темнице. Если он умрет у нас в плену, будут говорить, что...

— ...что он вполне этого заслуживал, — прервал ее Робб.

— А твои сестры? — резко спросила Кейтилин. — Они тоже заслуживают смерти? Ручаюсь тебе, что Серсея, если хоть один волосок упадет с головы ее брата, оплатит нам кровью за кровь...

— Ланнистер не умрет. С ним никому даже говорить нельзя без моего ведома. Ему дают

пищу, воду, свежую солому — это больше, чем полагалось бы. Но я не намерен его освободить — даже ради Арьи и Сансы.

Кейтилин вдруг заметила, что сын смотрит на нее сверху вниз. Неужели это из-за войны он так быстро вырос — или все дело в короне, которую на него возложили?

— Ты боишься снова встретиться с Джейме Ланнистером в поле — ведь так?

Серый Ветер зарычал, словно гнев Робба передался ему, а Эдмар Талли положил руку на плечо Кейтилин.

— Не надо, Кет. В этом мальчик прав.

— Не называй меня мальчиком. — Робб выплеснул гнев на своего злополучного дядю, желавшего его поддержать. — Я почти взрослый, и я король — твой король, сир. А Джейме Ланнистера я не боюсь. Я побил его один раз и побью еще, если придется, только... — Он откинул волосы с глаз. — Вот на отца я бы Цареубийцу обменял, а...

— ...А на девочек — нет? — с ледяным спокойствием спросила Кейтилин. — Девочки в счет не идут, так?

Робб не ответил, но глаза у него стали обиженными. Голубые глаза, глаза Талли — это она дала их ему. Она сделала ему больно, но он слишком сын своего отца, чтобы признаться в этом.

«Ты ведешь себя недостойно, — сказала она себе. — Боги праведные, что со мной случилось? Робб делает что может, он очень старается, я же вижу... но я потеряла Неда, скалу, на которую опиралась моя жизнь. Я не выдержу, если потеряю еще и девочек».

— Я сделаю для сестер все, что можно, — сказал Робб. — Если у королевы есть хоть немного здравого смысла, она примет мои условия. Если нет, я заставлю ее пожалеть о том дне, когда она мне отказала. — Ему явно не хотелось продолжать этот разговор. — Матушка, ты уверена, что не хочешь ехать в Близнецы? Там не воюют, и ты познакомилась бы с дочерью лорда Фрея, чтобы помочь мне выбрать невесту, когда война кончится.

«Он хочет, чтобы я уехала, — устало подумала Кейтилин. — Королям, как видно, матерей иметь не полагается, и я говорю ему вещи, которых он не желает слышать».

— Ты достаточно взрослый, чтобы решить без материнской помощи, которая из дочек лорда Уолдера тебе по вкусу, Робб.

— Тогда поезжай с Теоном. Он отправляется завтра. Он поможет Маллистерам доставить пленников в Сигард и отплывет на Железные острова. Ты могла бы тоже сесть на корабль и к новой луне вернуться в Винтерфелл, если ветры будут благоприятны. Бран и Рикон нуждаются в тебе.

«В отличие от тебя — это ты хочешь сказать?»

— Моему лорду-отцу осталось совсем немного времени. Пока твой дед жив, мое место в Риверране, рядом с ним.

— Я мог бы приказать тебе как король.

Кейтилин пропустила это мимо ушей.

— Говорю тебе еще раз: пошли в Пайк кого-нибудь другого, а Теона оставь при себе.

— Кто же лучше договорится с Бейлоном Грейджоем, чем его сын?

— Ясон Маллистер. Титос Блэквуд. Стеврон Фрей. Кто угодно... только не Теон.

Робб присел на корточки рядом с Серым Ветром, ероша волку шерсть и стараясь не смотреть матери в глаза.

— Теон храбро сражался за нас. И я рассказывал тебе, как он спас Брана от одичалых в лесу. Если Ланнистеры не захотят заключить мир, мне понадобятся боевые ладьи лорда

Грейджоя.

— Ты получишь их вернее, если оставишь его сына в заложниках.

— Теон полжизни пробыл в заложниках.

— На то были причины. Бейлону Грейджоя доверять нельзя. Вспомни — он тоже носил корону, хотя и недолго. Может статься, он мечтает надеть ее снова.

— Я его за это не виню, — встав, сказал Робб. — Я — Король Севера, а он пусть будет королем Железных островов, если хочет. Я буду рад надеть на него корону, если он поможет мне свалить Ланнистеров.

— Робб...

— Я пошлю Теона. Доброго дня, матушка. Пошли, Серый Ветер. — Робб быстро удалился, и лютоволк потрусил за ним.

Кейтилин оставалось только посмотреть ему вслед. Ее сын стал ее королем. Какое это странное чувство. Приказывай, сказала она ему во Рву Кейлин, — вот он и приказывает.

— Пойду навещу отца, — сказала она. — Хочешь со мной, Эдмар?

— Мне надо сказать пару слов новым лучникам, которых обучает сир Десмонд. Я зайду к нему позже.

Если он еще будет жив, подумала Кейтилин, но промолчала. Брат охотнее пошел бы на битву, чем к одру умирающего.

Самый короткий путь к центральному зданию замка, где лежал ее отец, вел через богорощу с ее густой травой, дикими цветами, зарослями вязов и краснодрева. Листва шелестела на деревьях, ничего не зная о вести, которую принес в Риверран белый ворон две недели назад. Настала осень, объявил Конклав, — но боги еще не оповестили об этом леса и ветры, за что Кейтилин была благодарна им. Осень всегда страшит, ибо впереди у нее маячит призрак зимы, и даже мудрецы не ведают, не окажется ли следующий урожай последним.

Хостер Талли, лорд Риверрана, лежал в своей горнице, выходящей на восток, где реки Камнегонка и Красный Зубец сливались под стенами его замка. Он спал, когда вошла Кейтилин, — волосы и борода у него были белыми, как его простыни, и смерть, растущая внутри, изглодала могучее некогда тело.

Рядом с кроватью, все еще в кольчуге и замызганном дорожной грязью плаще, сидел брат отца, Черная Рыба. Его сапоги покрывала густая пыль.

— Робб уже знает, что ты вернулся, дядя? — Сир Бринден Талли был глазами и ушами Робба, командиром его разведчиков и передовых отрядов.

— Нет, я пришел сюда прямо с конюшни, поскольку мне сказали, что король держит совет. Я подумал, что его величество захочет сначала выслушать мои новости наедине. — Черная Рыба был высок, худощав, с седыми волосами и четкими движениями, с морщинистым, обветренным, гладко выбритым лицом. — Как он?

Кейтилин поняла, что он спрашивает не о Роббе.

— Почти так же. Мейстер дает ему сонное вино и маковое молоко, чтобы облегчить боль, поэтому он большей частью спит, а вот ест очень мало. Мне кажется, что он слабеет с каждым днем.

— Он говорит что-нибудь?

— Да... но смысла в его словах все меньше и меньше. Он сожалеет о незаконченных делах, вспоминает о людях, давно умерших, и временах, давно минувших. Порой он забывает, который теперь год, и не узнает меня. Однажды он назвал меня именем матери.

— Он все еще тоскует по ней, и у тебя ее лицо. Скулы, подбородок...

— Ты помнишь ее лучше, чем я. Ее так давно нет с нами. — Кейтилин села на кровать и отвела прядь тонких белых волос, упавшую отцу на лицо.

— Каждый раз, уезжая, я не ведаю, застану ли его в живых. — Несмотря на их ссоры, между отцом и его братом, от которого он когда-то отрекся, существовали тесные узы.

— Хорошо, что вы хотя бы помирились.

Некоторое время они сидели молча, потом Кейтилин подняла глаза.

— Ты упомянул о новостях, которые Роббу следует знать?

Лорд Хостер застонал и повернулся на бок, как будто слышал. Бринден встал.

— Давай-ка выйдем. Не нужно его будить.

Они вышли с ним на каменный треугольный балкон, выступающий наружу, точно нос корабля. Дядя хмуро посмотрел вверх.

— Теперь ее и днем видно. Мои люди называют ее Красной Вестницей... но о чем она возвещает?

Тусклый красный хвост кометы выделялся на глубокой синеве, словно длинная царпина на лице бога.

— Большой Джон сказал Роббу, что это старые боги развернули красное знамя мщения за Неда. Эдмар думает, что это знак победы Риверрана — он видит там рыбу с длинным хвостом в цветах Талли, красное на голубом. — Кейтилин вздохнула. — Хотела бы я быть столь же уверенной. Темно-красный — цвет Ланнистеров.

— Это не цвет Ланнистеров — и не красный речной ил Талли. Это кровь размазана по небу, дитя.

— Чья кровь — их или наша?

— Разве была когда-нибудь война, где только одна сторона проливала бы кровь? Все земли вокруг Божьего Ока обагрены огнем и кровью. Война дошла на юге до Черноводной, а на севере перекинулась через Трезубец и докатилась почти до Близначев. Марк Пайпер и Карил Венс одержали кое-какие мелкие победы, и этот южный лордик Берик Дондаррион постоянно налетает на фуражиров лорда Тайвина, скрываясь после в лесу. Сир Бертон Кракехолл, говорят, все похвалялся, будто убил Дондарриона, пока не угодил со своим отрядом в засаду лорда Берика и не положил всех своих людей до единого.

— Вместе с лордом Бериком воюют гвардейцы Неда из Королевской Гавани, — вспомнила Кейтилин. — Да сохраняют их боги.

— Дондаррион и этот красный жрец из его отряда достаточно умны, чтобы сами себя уберечь, если верить байкам о них, — но лорды-знаменосцы твоего отца дело иное. Не надо было Роббу отпускать их. Они разбежались, как куропатки, и каждый пытается защитить свое, а это глупо, Кет, очень глупо. Джонаса Браккена ранили в стычке среди руин его замка, а его племянник Хендри погиб. Титос Блэквуд прогнал Ланнистеров со своих земель, но они угнали всех коров и свиней, подчистили все до зернышка и не оставили ему ничего, кроме Древорона и выжженной пустыни вокруг. Люди Дарри отбили замок своего лорда, но не прошло и двух недель, как Грегор Клиган налетел на них и вырезал весь гарнизон вместе с лордом.

— Но ведь Дарри совсем еще мальчик, — ужаснулась Кейтилин.

— Да, притом последний в роду. За него дали бы хороший выкуп, но зачем золото такому бешеному псу, как Грегор Клиган? Клянусь, голова этого зверя стала бы достойным подарком для всех жителей нашего королевства.

Кейтилин знала, сколь дурная репутация у сира Грегора, и все же...

— Не говори мне о головах, дядя. Серсея вздела голову Неда на пику над стеной Красного Замка, оставив ее на поживу воронам и мухам. — Даже теперь ей трудно было поверить, что Неда нет на свете. Иногда по ночам она просыпалась в темноте, и ей казалось, что он здесь, рядом с ней. — Клиган — всего лишь слепое орудие лорда Тайвина. — Кейтилин думала, что настоящая угроза заключается в нем, Тайвине Ланнистере, лорде Бобрового Утеса, Хранителе Запада, отце королевы Серсеи, сира Джейме-Цареубийцы, Тириона-Беса и деде Джоффри Баратеона, вновь коронованного мальчика-короля.

— И то правда, — согласился сир Бринден. — А Тайвин Ланнистер, скажу я тебе, не дурак. Он сидит за надежными стенами Харренхолла, кормит свое войско нашим хлебом и жжет то, чего не может забрать. Грегор — не единственный пес, спущенный им с цепи. Сир Амори Лорх тоже рыщет в поле, и какой-то наемник из Клохора, предпочитающий калечить, а не убивать. Я видел, что они за собой оставляют. Целые деревни предаются огню, женщин насилюют и кромсают их тела, детей убивают, убитых бросают непогребенными на съедение волкам и диким собакам... от этого даже мертвым тошно.

— Эдмар придет в ярость, когда услышит.

— Лорду Тайвину только того и надобно. Всякое зверство имеет свою цель. Он хочет выманить нас в поле, чтобы сразиться.

— Как бы Робб не поддался на эту уловку, — испугалась Кейтилин. — Ему не сидится на месте, а Эдмар, Большой Джон и другие только и подзуживают его. — Ее сын одержал две большие победы, разбив Джейме Ланнистера сперва в Шепчущем Лесу, а затем под стенами Риверрана, но если послушать некоторых его лордов-знаменосцев, он просто новый Эйгон Завоеватель.

Бринден Черная Рыба поднял седую кустистую бровь.

— Дураки же они после этого. У меня, Кет, на войне первое правило такое: никогда не делай того, чего желает твой враг. Лорд Тайвин сам навязывает нам поле сражения — он хочет, чтобы мы двинулись на Харренхолл.

— Харренхолл. — Каждый ребенок на Трезубце знал сказку о Харренхолле, огромной крепости, которую король Харрен Черный возвел близ Божьего Ока триста лет назад, когда Семь Королевств в самом деле были семью королевствами и речными землями правили Железные Люди с островов. Харрен в гордыне своей пожелал построить замок выше всех в Вестеросе. Сорок лет ушло на постройку — замок рос, как черная тень, на берегу озера, а люди Харрена тем временем грабили соседей, отбирая у них камень, лес, золото и рабочих. Тысячи пленных погибли в рудниках, или прикованные к волокушам, или при возведении пяти колоссальных башен. Люди замерзали зимой и умирали от жары летом. Чардрева, простоявшие три тысячи лет, валили на балки и стропила. Ради осуществления своей мечты Харрен разорил и речные земли, и Железные острова. И в тот день, когда король поселился в своем наконец-то построенном замке, Эйгон Завоеватель высадился в Королевской Гавани.

Кейтилин помнила, как старая Нэн рассказывала эту сказку ее детям в Винтерфелле, неизменно заканчивая словами: «И тогда король Харрен узнал, что толстые стены и высокие башни от драконов не спасают. Ведь драконы умеют летать». Харрен со всем своим семейством погиб в огне, охватившем его чудовищную крепость, и ни один знатный дом, владевший Харренхоллом с тех пор, не знал счастья. При всем своем могуществе это темное и проклятое место.

— Не хотела бы я, чтобы Робб сражался в тени этого замка, — призналась Кейтилин. — Но и бездействовать тоже нельзя, дядя.

- Никак нельзя, — согласился он. — Я еще не сказал тебе самого худшего. Люди, которых я послал на запад, донесли, что у Бобрового Утеса собирается новая рать.
- Еще одно войско Ланнистеров. От этой вести ей стало дурно.
- Нужно немедленно сообщить об этом Роббу. Кто ею командует?
- Сир Стаффорд Ланнистер, как говорят. — Бринден смотрел на сливающиеся внизу реки, и его красный с голубым плащ трепетал на ветру.
- Еще один племянник? — Ланнистеры из Бобрового Утеса были необычайно большим и плодовитым родом.
- Кузен. И брат покойной жены лорда Тайвина, стало быть, дважды родня. Он уже стар и малость туповат, но у него есть сын, Девин, — этот будет пострашнее.
- Остается надеяться, что в бою этой армией будет командовать отец, а не сын.
- У нас еще есть немного времени до встречи с ними. Это войско состоит из наемников, вольных всадников и зеленых юнцов, набранных в притонах Ланниспорта. Сиру Стаффорду придется вооружить и обучить их, прежде чем вести на битву... и не будем забывать, что лорд Тайвин — это не Цареубийца. Он не станет действовать наобум. Он будет ждать терпеливо и носа не высунет из Харренхолла до выступления сира Стаффорда.
- Если только...
- Да?
- Если какая-нибудь новая угроза не вынудит его покинуть Харренхолл.
- Лорд Ренли, — задумчиво произнес Бринден.
- *Король* Ренли. — Если она собирается просить помощи у этого человека, придется величать его так, как он того требует.
- Может статься. — Бринден сверкнул зубами в хищной улыбке. — Но он захочет чего-то взамен.
- Того же, что хотят все короли, — почестей.

Янос Слинг был сыном мясника, и смех его звучал так, точно он разделявал тушу.

— Еще вина? — спросил его Тирион.

— Не откажусь. — Лорд Янос подставил чашу. Сложением он напоминал бочку и был способен вместить столько же жидкости. — Это красное просто чудо. Из Бора, верно?

— Дорнийское. — Слуга по знаку Тириона наполнил чашу. Если не считать челяди, они с лордом Яносом были одни в Малом Чертоге, и стол, где горели свечи, окутывала тьма. — Диковина своего рода. Дорнийские вина не часто имеют такой букет.

— Букет, — подхватил смахивающий на лягушку лорд, отхлебнув здоровенный глоток. Янос Слинг был не из тех, кто смакует напитки, это Тирион подметил сразу. — Вот то самое слово, которое я искал. У вас прямо-таки дар на слова, лорд Тирион. И какую забавную историю вы рассказали.

— Рад, что вам понравилось. Но я не лорд в отличие от вас. Зовите меня просто Тирион, лорд Янос.

— Как угодно. — Янос хлебнул еще, забрызгав свой белый атласный дублет. Сверху на нем был золотой полуплащ, застегнутый миниатюрным копьём с наконечником, покрытым темно-красной эмалью. Не оставалось сомнений в том, что Янос здорово захмелел.

Тирион, прикрыв рукой рот, тихонько рыгнул. Он не так налегал на вино, как лорд Янос, но тоже был полон до краев. Первым делом, поселившись в башне Десницы, он справился о лучшей в городе кухарке и взял ее к себе. В этот вечер на ужин у них был суп из бычьих хвостов, летний салат с орехами, виноградом, сладким красным укропом и тертым сыром, горячий пирог с крабами, тыква с пряностями и куропатки в масле. К каждому блюду подавалось свое вино. Лорд Янос уверял, что никогда еще не ел так вкусно.

— Вы еще наверстаете свое, когда поселитесь у себя в Харренхолле, — сказал Тирион.

— Безусловно. Вот возьму и переманю к себе вашу кухарку — что вы на это скажете?

— Войны разыгрывались и по менее важным причинам, — сказал Тирион, и оба от души посмеялись. — Только храбрый человек мог избрать Харренхолл своим поместьем. Замок так мрачен и так огромен... дорого станет его содержать. Говорят даже, что он проклят.

— Стану я бояться груды камней. Храбрый, вы говорите? Тому, кто хочет подняться, приходится быть храбрым. Взять хоть меня. Да, Харренхолл! А почему бы и нет? Вы меня поймете. Вы тоже храбрый человек, я это чувствую. Хоть маленький, а храбрый.

— Вы слишком добры. Еще вина?

— Нет, право же, хватит... а, проклятие богам, будь по-вашему. Почему нет? Храбрый человек пьет до отвала!

— Это правда. — Тирион наполнил чашу лорда Слинга до краев. — Я просмотрел имена тех, кого вы прочтете на свое старое место начальника городской стражи.

— Славные ребята. Любой из шестерых подойдет, но я бы взял Аллара Дима. Моя правая рука — отличный парень, преданный. Выберите его, и вы не пожалеете — если король одобрит, конечно.

— Само собой. — Тирион отпил немного из своей чаши. — Я сам подумывал о сире Джаселине Байвотере. Он три года был капитаном караула у Грязных ворот и отличился во время восстания Бейлона Грейджоя. Король Роберт посвятил его в рыцари в Пайке — однако

его в вашем списке нет.

Янос хлебнул вина и подержал его во рту, прежде чем проглотить.

— Байвотер... Ну что ж. Он, конечно, храбрец, только... уж больно жесткий. И со странностями. Люди его не любят. Потом он калека — потерял руку при Пайке, за это его и сделали рыцарем. Не слишком выгодная сделка, на мой взгляд, — рука в обмен на сира. Сир Джаселин чересчур много понимает о себе и своей чести, вот что. Его лучше оставить там, где он есть, ми... Тирион. Аллар Дим — вот кто вам нужен.

— Мне сказали, что Дима в городе недолюбливают.

— Его боятся — это лучше всякой любви.

— Я что-то слышал о нем. Какая-то заваруха в борделе?

— Было дело. Но это не его вина. Он не хотел убивать ту женщину — она сама напросилась. Он ее предупредил, чтобы не мешалась.

— Мать все-таки... следовало ожидать, что она попытается спасти свое дитя. Отведайте-ка этого сыра, он хорошо идет с вином. Скажите, почему вы доверили эту тяжелую задачу именно Диму?

— Хороший командир должен знать своих людей, Тирион. Одни годятся для одной работы, другие для другой. Грудной младенец — дело нелегкое. Не всякий на это способен, даже если речь идет о шлюхе и ее отродье.

— Да, пожалуй. — При слове «шлюха» Тирион вспомнил Шаю, и Тишу задолго до нее, и всех других женщин, которые брали с него деньги и принимали в себя его семя.

— Дим — суровый человек для суровой работы, — продолжал Слинг. — Делает то, что ему велят, а после ни слова. — Он отрезал себе ломоть сыра. — Хороший сыр, острый. Дайте мне хороший острый ножик и хороший острый сыр — и я счастлив.

— Угощайтесь, пока можно. Речные земли объаты пламенем. Ренли сидит королем в Хайгардене — скоро хороший сыр будет трудно достать. Кто, собственно, послал вас к той шлюхе?

Лорд Янос, бросив на Тириона подозрительный взгляд, засмеялся и махнул на него куском сыра:

— А вы хитрец, Тирион. Хотели подловить меня, да? Только одного вина и сыра мало, чтобы заставить Яноса Слинга сказать больше положенного. Тем и горжусь. Никаких вопросов — и ни слова после.

— Вы с Димом — два сапога пара.

— Вот-вот. Сделайте его командиром стражи, когда я уеду к себе в Харренхолл, и вы не пожалеете.

Тирион отломил кусочек сыра. И верно острый, весь в прожилках — в самый раз подходит к вину.

— Кого бы ни назначил король, ему нелегко будет заменить вас. У лорда Мормонта такое же затруднение.

— Я думал, Мормонт — это леди, которая спит с медведями.

— Я говорю о ее брате Джюре, лорде-командующем Ночного Дозора. Когда я гостил у него на Стене, он сетовал, что не может подобрать достойного человека на свое место. В Дозоре нынче мало достойных людей. Он спал бы спокойнее, будь у него человек вроде вас — или храброго Аллара Дима.

— Ну, этого он вряд ли дождется! — заржал Слинг.

— Казалось бы, вы правы — но жизнь порой принимает неожиданный оборот.

Вспомните Эддарда Старка, милорд. Едва ли он мог предположить, что его жизнь оборвется на ступенях септы Бейелора.

— Как и кто-либо другой, — усмехнулся лорд Янос.

— Жаль, что меня тогда не было здесь. Говорят, даже Варис был удивлен.

Лорд Янос засмеялся так, что его объемный живот затрясся.

— Паук. Все-то он видит, все знает — а вот этого не знал.

— Да и откуда? — В голосе Тириона впервые пробился холодок. — Ведь это он убедил мою сестру помиловать Старка при условии, что тот наденет черное.

— А? Что? — растерянно заморгал Слингт.

— Мою сестру, — терпеливо, словно недоумку, вголковывая, повторил Тирион. — Серсею. Королеву-регентшу.

— А-а... — Слингт сглотнул, — это так... но приказ отдал король, милорд. Сам король.

— Королю тринадцать лет, — напомнил ему Тирион.

— Тем не менее он король. — Слингт насупился, трясая щеками. — Правитель Семи Королевств.

— Вернее сказать, одного или двух из семи. Можно взглянуть на ваше копьё?

— Копьё?

— То, которым застегнут ваш плащ.

Лорд Янос недоумевающе отколол булавку и подал Тириону.

— У нас в Ланниспорте золотых дел мастера работают лучше, — заметил тот. — Эта эмалевая кровь ярковата, на мой взгляд. Скажите, милорд, вы сами вогнали ему копьё в спину или отдали приказ?

— Отдал приказ — и сейчас поступил бы так же. Лорд Старк был изменник. — Лысина Слинта побагровела, парчовый плащ свалился на пол. — Он пытался подкупить меня.

— Не ведая о том, что вы уже продались.

Слингт со стуком поставил чашу на стол.

— Вы что, пьяны? Думаете, я буду сидеть здесь и слушать, как оскорбляют мою честь?

— Какую там честь. Спору нет, ты заключил более выгодную сделку, чем сир Джаселин.

Лордство и замок за копьё в спину, которое к тому же вонзил не ты. — Тирион швырнул золотую булавку обратно Слингту. Она ударилась о грудь вскочившего на ноги Яноса и со звоном упала на пол.

— Мне не нравится ваш тон, мил... Бес. Я лорд Харренхолла и королевский советник — кто ты такой, чтобы выговаривать мне подобным образом?

Тирион склонил голову набок:

— Полагаю, тебе прекрасно известно, кто я такой. Сколько у тебя сыновей?

— Что тебе до моих сыновей, карлик?

— Карлик? — вспыхнул Тирион. — Лучше бы ты остановился на Бесе. Я Тирион из дома Ланнистеров, и если боги не обделили тебя хотя бы тем разумом, который даруют моллюску, ты когда-нибудь возблаговаришь их на коленях за то, что имел дело со мной, а не с моим лордом-отцом. Итак, сколько у тебя сыновей?

В глазах у Яноса появился страх.

— Т-трое, милорд. И дочь. Прошу вас, милорд...

— Не надо просить. — Тирион соскользнул со стула. — Даю тебе слово, что ничего худого с ними не случится. Младших определяют в оруженосцы, и если они будут служить усердно и преданно, то со временем смогут стать рыцарями. Пусть не говорят, что дом

Ланнистеров не вознаграждает за верную службу. Старший сын унаследует титул лорда Слинта и эту твою жуткую эмблему. — Он пнул ногой золотое копье. — Ему дадут землю, а усадьбу он построит себе сам. Не Харренхолл, конечно, но ему и в ней хорошо будет. Он же выдаст замуж сестру.

Янос Слинг из красного сделался белым.

— А-а... к-как же... я? — Щеки у него тряслись, как студень.

— Ты хочешь знать, что будет с тобой? — Тирион дал Слинту потрястись еще немного и ответил: — Каррака «Летний сон» отходит с утренним приливом. Ее владелец сказал мне, что она зайдет в Чайчий Город, в Три Сестры, на остров Скагос и в Восточный Дозор. Когда увидишь лорда-командующего Мормонта, передай ему мой горячий привет и скажи, что я не забыл о нуждах Ночного Дозора. Желаю вам долгих лет и хорошей службы, милорд.

Когда Янос Слинг смекнул, что его в конечном итоге не казнят, краски вернулись на его лицо. Он выпятил челюсть.

— Это мы еще посмотрим, Бес. Карлик. Как бы ты сам не отправился в плавание на этом корабле, чтобы послужить на Стене. — У него вырвался смех, похожий на лай. — Ты тут сильно грозился, но мы поглядим. Я как-никак друг короля. Посмотрим, что скажет об этом Джоффри. И Мизинец, и королева, да-да. У Яноса Слинта много друзей. Посмотрим, кто отплывет отсюда утром.

Слинг повернулся кругом, как стражник, которым был совсем недавно, и зашагал через Малый Чертог, стуча сапогами по камню. Он взошел по ступеням, распахнул дверь... и увидел перед собой высокого, с квадратным подбородком человека в черном панцире и золотом плаще. К его правой руке была приделана железная кисть.

— Здравствуй, Янос, — сказал он, поблескивая глубоко посаженными глазами из-под нависшего лба и шапки русых с проседью волос. Шестеро золотых плащей вошли в Малый Чертог вслед за ним, а Янос Слинг попятился.

— Лорд Слинг, — сказал Тирион, — я полагаю, вы знакомы с сиром Джаселином Байвотером, новым командиром городской стражи.

— Вас ждут носилки, милорд, — сказал сир Джаселин Слинту. — Пристань далеко, а на улицах темно и небезопасно. Взять его.

Когда золотые плащи вывели своего бывшего начальника, Тирион подозвал сира Джаселина к себе и вручил ему свернутый пергамент.

— Путешествие будет долгим, и лорду Слинту понадобится общество. Позаботьтесь, чтобы эти шестеро отправились вместе с ним.

Байвотер проглядел список и улыбнулся.

— Слушаюсь.

— Там значится некий Дим, — тихо сказал Тирион. — Скажите капитану, что никто не будет в обиде, если этого малого смоем за борт еще до Восточного Дозора.

— Говорят, в этих северных водах часто штормит, милорд. — Сир Джаселин откланялся и удалился, шурша плащом. По пути он наступил на парчовый плащ Слинта.

Тирион допил остатки дорнийского вина. Слуги сновали взад-вперед, убирая со стола. Вино он велел оставить. Когда они ушли, в зал тихо проскользнул Варис, пахнувший лавандой, в широких одеждах того же цвета.

— Все прошло прелестно, дражайший милорд.

— Почему же тогда у меня во рту такой мерзкий вкус? — Тирион прижал пальцы к вискам. — Я велел им бросить Аллара Дима в море, и мне очень хочется проделать то же

самое с тобой.

— Исход мог бы вас разочаровать. Штормы приходят и уходят, волны плещут, большие рыбы пожирают малых, а я знай себе плыву. Могу я попробовать вино, которое так понравилось лорду Сленту?

Тирион хмуро указал ему на штоф. Варис наполнил чашу.

— А-ах. Сладкое, как лето. — Он сделал еще глоток. — Я чувствую, как оно поет у меня на языке.

— А я-то думал, что это за шум. Вели ему замолчать — у меня и без того голова лопается. Это была моя сестра — вот чего не сказал мне наипреданнейший лорд Янос. Это Серсея послала золотых плащей в тот бордель.

Варис нервно хихикнул — надо полагать, он знал это с самого начала.

— Ты знал, но молчал, — укорил его Тирион.

— Ваша дражайшая сестра, — сказал Варис скорбно — того и гляди заплачет. — Тяжело говорить такое человеку, милорд. Я не знал, как вы это воспримете. Могу я надеяться на ваше прощение?

— Нет, — рявкнул Тирион. — Будь ты проклят — и она с тобой вместе. — Он знал, что Серсею тронуть не сможет, даже если очень захочет, а он совсем не был уверен, что хочет этого. Но ему претило изображать из себя скомороха, наказывая мелкую сошку вроде Яноса Слента и Аллара Дима, в то время как сестра продолжает свое жестокое дело. — Впредь говори мне все, что знаешь, лорд Варис. Все.

— Долго пришлось бы рассказывать, милорд, — лукаво улыбнулся евнух. — Я много чего знаю.

— Однако дитя спасти не сумел.

— Увы. Был еще один бастард, мальчик-подросток. Его я убрал из города от греха подальше... но мне, признаться, в голову не пришло, что и младенцу может грозить опасность. Девчушка, которой не было и года, дочь жалкой шлюхи... какой от нее мог быть вред?

— Она родилась от Роберта, — с горечью сказал Тирион. — Серсее, видимо, и этого было довольно.

— Да. Все это очень печально. Я горько виню себя за бедную малютку и за ее мать, такую юную и так любившую короля.

— Любившую или нет — кто знает. Может ли шлюха любить кого-то по-настоящему? — Тирион не знал погибшую, но вместо нее ему представлялись Шая и Тиша. — Ладно, не отвечай. Некоторые вещи я предпочитаю не знать. — Шаю он поселил в просторном доме с собственным колодцем, конюшней и садом; он дал ей слуг, чтобы ухаживали за ней, белую птицу с Летних островов, чтобы ее развлекала, стражу для охраны, шелка, серебро и драгоценные камни. Но она не была спокойна и говорила, что хочет видеть его чаще, служить и помогать ему. «Лучше всего ты помогаешь мне тут, под одеялом», — сказал он ей однажды после любви, положив голову ей на грудь, со сладко ноющими чреслами. Она не ответила, только посмотрела — и он понял, что она ждала от него не таких слов.

Тирион вздохнул и снова хотел налить себе вина, но вспомнил лорда Яноса и отодвинул штоф.

— Но относительно смерти Старка сестра, кажется, сказала правду. За это безумие мы должны благодарить моего племянника.

— Король Джоффри отдал приказ, а Янос Слент и сир Илин Пейн выполнили его

незамедлительно и без колебаний...

— ...так, словно ожидали этого заранее. Да, мы уже обсуждали все это, и без всякого толку. Безумие.

— Теперь, когда городская стража у нас в руках, вы можете позаботиться о том, милорд, чтобы его величество не совершал дальнейших... безумств. Есть, конечно, еще и гвардия королевы...

— Красные плащи? Виларр присягал Бобровому Утесу, и он знает, что я здесь по указанию отца. Серсее трудновато будет обратить его людей против меня... кроме того, их только сотня, а у меня полторы сотни своих. И шесть тысяч золотых плащей — если Байвотер действительно тот, за кого ты поручился.

— Вы найдете в сире Джаселине отважного, порядочного, исполнительного... и благодарного человека.

— Благодарного, да только кому? — Тирион не доверял Варису, хотя не мог отрицать, что тот очень полезен и дело свое знает. — Почему вы, собственно, так стараетесь для меня, лорд Варис? — спросил он, разглядывая мягкие руки евнуха, его гладкое напудренное лицо и скользкую улыбочку.

— Вы наш десница. Я служу государству, королю и вам.

— Как служили Джону Аррену и Эддарду Старку?

— Я служил лорду Аррену и лорду Старку столь же усердно. Их безвременная смерть опечалила и ужаснула меня.

— Что тогда сказать обо мне? Я, по всей видимости, буду следующим.

— О, надеюсь, что нет, — сказал Варис, покачивая вино в своей чаше. — Власть — странная штука, милорд. Вы уже разрешили загадку, которую я загадал вам тогда в гостинице?

— Я задумывался над ней пару раз, — признался Тирион. — Король, священник и богач — кто умрет, а кто останется жив? Кому подчиняется наемник? У этой загадки нет ответа — вернее, их слишком много. Все зависит от человека с мечом.

— Между тем он никто. У него нет ни короны, ни золота, ни благословения богов — только кусок заостренной стали.

— Этот кусок стали имеет власть над жизнью и смертью.

— Истинно так... но если нами правят люди с мечами, почему мы тогда притворяемся, будто власть принадлежит королям? Почему сильный мужчина с мечом подчиняется ребенку вроде Джоффри или пропитанному вином олуху вроде его отца?

— Потому что короли, как мальчики, так и пьяные олухи, могут позвать других сильных мужчин с мечами.

— Значит, этим другим воинам и принадлежит власть. Или нет? Откуда они берут свои мечи? И опять-таки почему повинуются чьим-то приказам? — Варис улыбнулся. — Одни говорят, что власть заключается в знании. Другие — что ее посылают боги. Третьи — что она дается по закону. Однако в тот день на ступенях септы Бейелора наш святейший верховный септон, законная королева-регентша и ваш столь хорошо осведомленный слуга оказались так же беспомощны, как всякий разносчик или медник в толпе. Как по-вашему, кто убил Эддарда Старка? Джоффри, отдавший приказ? Сир Илин Пейн, нанесший удар мечом? Или... кто-то другой?

Тирион склонил голову набок.

— Чего ты хочешь — чтобы я разгадал твою проклятую загадку или чтобы голова у меня

разболелась еще пуше?

— Тогда я сам скажу, — улыбнулся Варис. — Власть помещается там, где человек *верит*, что она помещается. Ни больше ни меньше.

— Значит, власть — всего лишь фиглярский трюк?

— Тень на стене... но тени могут убивать. И порой очень маленький человек отбрасывает очень большую тень.

— Лорд Варис, — с улыбкой сказал Тирион, — я начинаю питать к вам странную привязанность. Может, я еще и убью вас, но, пожалуйста, не без грусти.

— Я воспринимаю это как высшую похвалу.

— Кто же ты такой, Варис? — Тириону вдруг взаправду захотелось это узнать. — Люди говорят, ты паук.

— Шпионы и осведомители редко пользуются любовью, милорд. Я всего лишь верный слуга государства.

— И евнух, не будем забывать.

— Я редко забываю об этом.

— Меня тоже зовут полумужем, но ко мне, пожалуйста, боги были добрее. Я мал, и ноги у меня кривые, и я не пробуждаю в женщинах пылких желаний... но все-таки я мужчина. Шая не первая женщина в моей постели, и когда-нибудь я смогу жениться и стать отцом. Если боги будут милостивы, мой сын пойдет красотой в дядю, а умом в отца. Ты же лишен такой надежды. Карлики — шутка богов... но евнухов создают люди. Кто сотворил это с тобой, Варис? Когда и зачем? Кто ты на самом деле?

Улыбка не исчезла с лица евнуха, но глаза больше не смеялись.

— Вы очень добры, что спрашиваете об этом, милорд, но моя история длинна и печальна, между тем измена не дремлет. — Он достал из рукава пергамент. — Капитан королевской галей «Белый олень» собирается сняться с якоря через три дня, чтобы предложить свой корабль и свой меч лорду Станнису.

— И мы, полагаю, должны преподать ему кровавый урок? — вздохнул Тирион.

— Сир Джаселин может устроить так, чтобы он просто исчез, но королевский суд помог бы обеспечить верность других капитанов.

«И занять моего августейшего племянника».

— Делай как знаешь. Пусть Джоффри отпустит ему порцию своего правосудия.

Варис сделал пометку на пергаменте.

— Сир Хорас и сир Хоббер Редвины подкупили часового с тем, чтобы он в послезавтрашнюю ночь выпустил их через калитку. Они намереваются отплыть на пантосийской галее «Лунный бегун» под видом гребцов.

— Может, посадить их на весла на несколько годков — и посмотреть, как им это понравится? Но нет, моя сестра не захочет лишиться столь дорогих гостей. Скажи об этом Джаселину. Пусть подкупленному ими человеку объяснят, как почетно быть братом Ночного Дозора. И пошлите людей на «Лунного бегуна» на тот случай, если Редвины найдут еще одного стража, желающего подзаработать.

— Слушаюсь. — Еще одна пометка на пергаменте. — Ваш Тиметт нынче вечером в игорном притоне на Серебряной улице убил сына некоего виноторговца за то, что тот плутовал в плашки.

— Он и правда плутовал?

— Вне всякого сомнения.

— Стало быть, честные люди этого города должны сказать Тиметту спасибо — а я позабочусь, чтобы и король его отблагодарил.

Евнух, хихикнув, сделал еще пометку.

— Мы также подверглись внезапному нашествию святых. Комета пробудила к жизни целый сонм проповедников и пророков. Они попрошайничают в кабаках и харчевнях и сулят гибель и разрушение всем, кому не лень их слушать.

— Скоро будет триста лет со дня высадки Эйгона, — пожал плечами Тирион, — полагаю, этого следовало ожидать. Пусть себе проповедают.

— Но они сеют страх, милорд.

— И отбивают у тебя хлеб?

Варис прикрыл рот рукой:

— Как это жестоко с вашей стороны, милорд. И последнее. Прошлым вечером леди Танда дала небольшой ужин. У меня есть перечень блюд и список гостей, если желаете взглянуть. Первую заздравную чашу лорд Джайлс поднял за короля, на что сир Бейлон Сванн заметил: «Для этого нам понадобятся три чаши». Многие смеялись.

— Полно, полно. Сир Бейлон просто пошутил. Застольные измены меня не интересуют, лорд Варис.

— Вы столь же мудры, сколь и милостивы, милорд. — Пергамент исчез в широком рукаве. — У нас обоих много дел. Я вас оставляю.

После его ухода Тирион еще долго сидел, глядя на свечу и думая, как воспримет его сестра новость об отставке Яноса Слинта. Вряд ли с радостью — но он не видел, что Серсея может предпринять по этому поводу, кроме отправки сердитого послания лорду Тайвину в Харренхолл. Тирион теперь распоряжается городской стражей, к чему следует добавить полтора ста свирепых горцев и растущее число наемников, вербуемых Бронном. По всем понятиям он хорошо защищен.

Эддард Старк, надо полагать, думал точно так же.

Когда Тирион вышел из Малого Чертога, Красный Замок был темен и тих. Бронн ждал в его горнице.

— Что Слинг? — спросил он.

— Лорд Янос отплывет к Стене с утренним приливом. Варис хочет мне внушить, что я заменил человека Джоффри одним из своих. Вернее будет сказать, что я заменил человека Мизинца ставленником самого Вариса, но пусть будет так.

— Должен тебя уведомить, что Тиметт убил человека...

— Варис мне говорил.

Наемника это, похоже, не удивило.

— Этот дурак думал, что одноглазого легче будет надуть. Тиметт пригвоздил его руку к столу кинжалом и голыми руками разорвал ему горло. Он напрягает пальцы вот этак и...

— Избавь меня от подробностей — мой ужин и так еле держится в животе. Как у тебя дела с новобранцами?

— Неплохо. Вечером записались еще трое.

— Откуда ты знаешь, кого брать, а кого нет?

— Я смотрю на них. Спрашиваю, где они сражались, и прикидываю, насколько хорошо они врут. Ну а потом даю им случай убить меня, да и сам не сижусь сложа руки.

— И многих ты убил?

— Ни одного из тех, кто может нам пригодиться.

— А если кто-то из них убьет тебя?

— Такого уж точно стоит взять на службу.

Тирион немного захмелел и очень устал.

— Скажи, Бронн, если бы я велел тебе убить младенца... маленькую девочку, грудную... ты бы сделал это? Без всяких вопросов?

— Без всяких вопросов? Ну нет. — Наемник потер большой палец об указательный. — Я спросил бы сколько.

«Зачем же мне тогда твой Аллар Дим, лорд Слинг? — подумал Тирион. — У меня своих таких целая сотня». Ему хотелось засмеяться или заплакать — а больше всего побыть с Шайей.

Дорога превратилась в две колеи, проложенные в траве.

Зато здесь некому было показывать пальцем, в какую сторону они направились. Людской поток, катящийся по Королевскому Тракту, здесь сочился слабой струйкой.

Плохое заключалось в том, что дорога эта петляла, как змея, путаясь с другими, еще более узкими. Порой она пропадала вовсе и появлялась только пол-лиги спустя, когда все уже переставали надеяться. Арья это бесило. Местность здесь была довольно приятная — невысокие холмы и поля-террасы, пересеченные лугами, рощами и маленькими долинками, где ивы клонились над ленивыми мелкими ручьями. Но из-за извивов дороги они не ехали, а скорее ползли.

Особенно медленно двигались повозки, чьи оси скрипели под тяжелым грузом. Десять раз на дню приходилось останавливаться, чтобы вытащить колесо, застрявшее в колее, или соединить две упряжки, чтобы въехать на скользкий от грязи склон. Однажды посреди густой дубравы они столкнулись с парой волов, везущей дрова, и никак не могли разъехаться. Пришлось ждать, когда дровосеки выпрягут волов, повернут свою телегу, запрягут ее снова и двинутся в ту же сторону, откуда приехали. Волы тащились еще медленнее, чем их повозки, так что в тот день они почти совсем не продвинулись.

Арья невольно оглядывалась через плечо, гадая, когда же золотые плащи их догонят. Ночью она просыпалась от малейшего шума и хваталась за Иглу. Теперь они всегда выставляли часовых, когда разбивали лагерь, но Арья им не доверяла, особенно мальчикам. От шустрых сироток из закоулков Королевской Гавани здесь было мало проку. Она пробиралась мимо них, тихая, как тень, чтобы справить ночью нужду в лесу, и ни один ее не заметил. Однажды, когда караулил Ломми Зеленые Руки, она залезла на дуб и прыгала с дерева на дерево, пока не оказалась прямо у него над головой, а ему и невдомек было. Она бы прыгнула на него, если б не знала, что он своим воплем разбудит весь лагерь и Йорен снова задаст ей трепку.

Ломми и другие мальчишки теперь относились к Быку с почтением за то, что его разыскивала сама королева, но его это не радовало.

— Не знаю, что я ей такого сделал, — говорил он сердито. — Я выполнял свою работу, только и всего. Меха, клещи, подай-принеси. Я собирался стать оружейником, но мастер Мотт сказал, что я должен поступить в Ночной Дозор. Больше я знать ничего не знаю. — И он уходил полировать свой шлем — красивый, круглый, с прорезью для глаз и двумя большими бычьими рогами. Бык все время начищал его масляной тряпкой до такого блеска, что шлем отражал пламя костра, но на себя никогда не надевал.

— Спорю, что он бастард того изменника, — сказал Ломми однажды ночью, понизив голос, чтобы Джендри не слышал. — Волчьего лорда, которому отсекли башку на ступенях Великой Секты Бейелора.

— Ничего подобного, — заявила Арья. У ее отца был только один бастард — Джон.

Она ушла за деревья, жалея, что не может просто оседлать свою лошадь и ускакать домой. Это была хорошая лошадь, гнедая кобылка с белой звездочкой на лбу. И Арья всегда считалась хорошей наездницей. Она могла бы ускакать и никогда больше их не видеть, если сама не захочет. Только тогда некому будет разведывать для нее дорогу, прикрывать сзади или охранять, когда она спит, и когда золотые плащи ее схватят, она будет совсем одна.

Безопаснее остаться с Йореном и остальными.

— Мы недалеко от Божьего Ока, — сказал однажды утром Черный Брат. — На Королевском Тракте нам будет небезопасно, пока мы не переправимся через Трезубец. Поэтому пойдем в обход озера вдоль западного берега — там нас вряд ли будут искать. — И когда две колеи в очередной раз пересеклись с двумя другими, Йорен повернул повозки на запад.

Здесь возделанные земли уступили место лесу, деревни и остроги были меньше и стояли дальше друг от друга, холмы выше и долины глубже. Еду становилось добывать все труднее. В городе Йорен запасся соленой рыбой, сухарями, салом, репой, бобами, ячменем и кругами желтого сыра, но все это они уже съели. Вынужденный перейти на подножный корм, Йорен обратился к Коссу и Курцу, отсидевшим за браконьерство. Он посылал их в лес впереди поезда, и ввечеру они возвращались с оленями, привязанными к шесту, или связками куропаток на поясе. Мальчики собирали ежевику у дороги или забирались на изгородь и обрывали яблоки, когда случалось проезжать мимо плодового сада.

Арья, ловкая лазальщица и проворная сборщица, любила промышлять в одиночку. Как-то ей попался кролик. Бурый и жирный, он смешно дергал носом. Кролики бегают быстрее кошек, зато по деревьям лазать не умеют. Она оглушила его своей палкой и сгребла за уши, а Йорен приготовил его с грибами и диким луком. Арье дали целую ножку, потому что кролика поймала она. Арья поделилась с Джендри. Все остальные получили по полной ложке жаркого, даже трое колодников. Якен Хгар вежливо поблагодарил Арию за такое лакомство, Кусака с блаженным видом облизал грязные пальцы, но Рорж только посмеялся и сказал:

— Тоже мне охотник. Воронье Гнездо, гроза кроликов.

На кукурузном поле близ острога под названием Белый Шиповник их окружили какие-то крестьяне, требуя платы за собранные початки. Йорен, поглядев на их серпы, бросил им несколько медяков.

— Было время, когда человек в черном ел досыта от Дорна до Винтерфелла и даже знатные лорды почитали за честь приютить его под своим кровом, — горько посетовал он. — А теперь всякий смерд норовит содрать с нас монету за червивое яблоко.

— Эта сладкая кукуруза чересчур хороша для такой вонючей старой вороны, — огрызнулся один из деревенских. — Убирайся с нашего поля и головорезов своих забирай, не то мы посадим тебя на кол вместо пугала для других ворон.

Ночью они запекли початки в листьях, переворачивая их раздвоенными прутиками, и съели с пылу с жару. Арье это блюдо очень понравилось, но Йорен слишком рассердился, чтобы есть. Черный как туча или как его плащ, он расхаживал по лагерю, бормоча что-то себе под нос.

Назавтра посланный на охоту Косс прискакал обратно, чтобы предупредить Йорена о расположившихся впереди ратниках.

— Их там человек двадцать или тридцать, в кольчугах и полушлемах. Некоторые сильно изранены, а один умирает, судя по его крикам. Эти вопли позволили мне подобраться поближе. У них имеются щиты и копья, но конь только один, да и тот хромой. Они стоят на том месте довольно долго — уж больно там воняет.

— Не видел, какое у них знамя?

— Пятнистая дикая кошка, желтая с черным, на грязно-буром поле.

Йорен сунул в рот пучок кислелиста.

— Не знаю такого, — признался он. — Поди разбери, на чьей они стороне. Ежели их так потрепали, они наверняка захотят отнять наших коняг, за кого бы там ни воевали. А может, и не только коняг. Свернем-ка лучше в сторону. — Пришлось сделать крюк в несколько миль, и это стоило им не меньше двух суток, но старик сказал, что они еще дешево отделались. — Спешить особо некуда — на Стене вам торчать до конца своих дней. Когда-нибудь да доберемся.

Они снова повернули на север, и Арья стала замечать у полей караулы. Одни караульщики молча стояли у дороги, провожая угрюмыми взглядами всех проезжих. Другие разъезжали верхами, с топорами, притороченными к седлам. На одном сухом дереве сидел человек с луком в руках и полным колчаном на соседней ветке. Увидев людей, он наложил на лук стрелу и не спускал с них глаз, пока последняя повозка не скрылась из виду. Йорен бранился не переставая.

— Ишь ты, занял позиции. Хотел бы я на него поглядеть, когда придут Иные. Тогда-то он вспомнит о Дозоре!

День спустя Доббер заметил красное зарево на вечернем небе.

— Либо эта дорога снова вильнула вбок, либо солнце заходит на севере.

Йорен поднялся на пригорок, чтобы лучше видеть, и объявил:

— Пожар. — Он послюнил палец и поднял его вверх. — Ветер дует не в нашу сторону, но лучше погодим здесь.

Стемнело, а пожар разгорался все сильнее — теперь казалось, что пылает весь северный небосклон. Иногда чувствовался даже запах дыма, но ветер не менялся, и пламя не приближалось к ним. К утру пожар догорел, но им все равно спалось не очень-то крепко.

В середине дня они добрались до места, где прежде была деревня. Поля обгорели на многие мили вокруг, от домов остались обугленные остовы. Повсюду валялись почерневшие туши животных. Потревоженное воронье, накрывшее их живым одеялом, с карканьем взмыло вверх. Из-за частого дыма еще поднимался дым. Крепкий на вид палисад на поверку оказался недостаточно надежным.

Выехав вперед, Арья увидела обгоревшие тела, насаженные на острые колья вдоль ограды, — руки мертвых были воздеты, словно они пытались заслониться от пожиравшего их пламени. Йорен остановился на некотором расстоянии от селения и велел Арье с мальчишками стеречь повозки, а сам с Тесаком и Мурхом отправился в деревню пешком. Когда они вошли в разбитые ворота, изнутри поднялась воронья стая, и вороны в клетках, которых Йорен вез с собой, раскричались в ответ сородичам.

— Может, и нам пойти? — спросила Арья Джендри, видя, что Йорен долго не возвращается.

— Йорен велел ждать. — Голос Джендри звучал как-то глухо. Арья посмотрела на него и увидела, что он надел свой сверкающий шлем с большими закругленными рогами.

Когда мужчины наконец вернулись, Йорен нес на руках маленькую девочку, а Мурх и Тесак — женщину на рваном одеяле. Девочка, не старше двух лет, все время плакала — тихо и сдавленно, словно у нее в горле что-то застряло. Говорить она то ли еще не научилась, то ли забыла, как это делается. У женщины правая рука была обрублена по локоть, а глаза, хотя и открытые, казалось, не видели ничего.

— Не надо, — беспрестанно твердила она. — Не надо, не надо. — Рорж счел это забавным и стал ржать через дыру на месте носа, а Кусака присоединился к нему, пока Мурх не обругал их и не велел заткнуться.

Йорен приказал расчистить для женщины место в задке одной из повозок.

— Да поживее, — добавил он. — Как стемнеет, сюда сбегутся волки, и они еще не самое страшное.

— Я боюсь, — прошептал Пирожок, глядя, как мечется в бреду однорукая женщина.

— Я тоже, — призналась Арья. Он стиснул ее плечо.

— По правде-то я никакого мальчика не убивал, Арри. Продавал матушкины пирожки, и все дела.

Арья отъехала вперед, насколько хватило храбрости, чтобы не слышать, как плачет девочка и женщина стонет «не надо». Ей вспомнилась сказка старой Нэн о человеке, которого злые великаны заточили в темный замок. Смелый и хитроумный, он обманул великанов и бежал... но за стенами замка его подстерегли Иные и выпили его горячую красную кровь. Теперь Арья понимала, что он должен был чувствовать.

К вечеру женщина умерла. Джендри и Тесак вырыли ей могилу на склоне холма, под плакучей ивой. Подул ветер, и Арье послышалось, как длинные поникшие ветки шепчут: «Не надо. Не надо. Не надо». Волосы у нее на затылке стали дыбом, и она чуть не бросилась наутек от могилы.

— Нынче огня разводить не будем, — сказал им Йорен. На ужин они ели сырые коренья, найденные Коссом, с чашкой сухих бобов, а запивали водой из ближнего ручья. У воды был странный вкус, и Ломми сказал, что это мертвецы гниют где-то выше по течению. Пирожок хотел побить его, но старый Рейзен их растащил.

Арья выпила много, чтобы хоть чем-то наполнить живот. Она не надеялась уснуть, но все-таки уснула, а когда пробудилась, было темным-темно и ее мочевой пузырь готов был лопнуть. Бок о бок с ней лежали спящие, закутанные в плащи и одеяла. Арья нашарила Иглу, встала и прислушалась. Она различала тихие шаги часового, и люди беспокойно ворочались во сне. Рорж храпел, Кусака дышал с присвистом. В другом фургоне ширкала сталь о камень — там сидел Йорен, жевал кислolist и точил свой кинжал.

Пирожок был в числе караульных.

— Ты куда? — спросил он, видя, что Арья идет к деревьям. Она махнула в сторону леса. — Нельзя. — Пирожок сильно осмелел, получив собственный меч, хотя клинок был короткий и он орудовал им, как мясницким ножом. — Старик никому не велел отлучаться.

— Мне отлить надо.

— Отлей вон у того дерева. В лесу всякое может быть, Арри. Я слышал, как волки воют. Йорен не одобрил бы, если бы она опять подралась. Она притворилась испуганной.

— Волки? Правда, что ли?

— Точно слышал.

— Ладно, обойдусь, пожалуй. — Она вернулась к своему одеялу и притворилась, что спит, пока шаги Пирожка не затихли вдали. Тогда она юркнула в лес с другой стороны лагеря, тихая, как тень. Здесь тоже были часовые, но она пробралась мимо них без труда и для пущей уверенности отошла вдвое дальше, чем делала обычно. Убедившись, что поблизости никого нет, она приступила к делу.

Она сидела на корточках со спущенными штанами, когда услышала под деревьями какой-то шорох. «Пирожок, — в панике подумала она. — Он меня выследил». Но глаза, устремленные на нее, зажглись отраженным лунным светом. В животе у Арьи похолодело, и она схватилась за Иглу, не заботясь, что намочит штаны. Два глаза, четыре, восемь, двенадцать... целая стая.

Один зверь вышел из-за деревьев и уставился на нее, оскалив зубы. В голове у нее не осталось ни одной мысли, кроме как о том, какой она была дурой и как будет злорадствовать Пирожок, когда утром найдут ее обглоданный труп. Но волк повернулся и затрусил обратно во тьму, а глаза в тот же миг исчезли. Вся дрожа, Арья завязала штаны и пошла на далекий шаркающий звук, к лагерю и к Йорену.

— Волки, — прошептала она, забравшись к нему в повозку. — Там, в лесу.

— Понятное дело, — сказал он, не глядя на нее.

— Они меня напугали.

— Да ну? — Он сплюнул. — А говорят, ваша порода с волками запанибрата.

— Нимерия была лютоволчица. — Арья обхватила себя руками. — Это другое дело. И потом она убежала. Мы с Джори бросали в нее камнями, пока она не отстала, иначе королева приказала бы ее убить. — Ей грустно было вспоминать об этом. — Могу поспорить: будь она в городе, она не дала бы им отрубить отцу голову.

— У мальчика-сироты отца нет — забыла? — Кислолист окрашивал слюну в красный свет, и казалось, что у Йорена изо рта идет кровь. — Нам надо бояться только тех волков, что ходят на двух ногах, — тех, что спалили ту деревню.

— Я домой хочу, — жалобно сказала Арья. Она очень старалась быть храброй, свирепой, как россомаха, и все такое, но в конце-то концов она всего лишь маленькая девочка.

Черный брат оторвал от кипы еще пучок кислолиста и сунул в рот.

— Надо было мне оставить тебя там, где взял, *мальчик*. Всех вас. В городе, сдастся мне, безопаснее.

— Мне все равно. Я хочу домой.

— Вот уж скоро тридцать лет, как я вожу людей к Стене. — Слюна пузырилась у Йорена на губах, как кровавая пена. — И за все это время потерял только троих. Один старик помер от лихорадки, парня ужалила змея, покуда он облегался, да один дурак хотел убить меня во сне и получил нож в горло за свои хлопоты. — Он провел кинжалом вдоль собственного горла, чтобы показать ей. — Трое за тридцать лет. — Он выплюнул свою жвачку. — Наверно, надо было сесть на корабль. Так, конечно, по пути больше никого не соберешь, зато оно умнее... только я уже тридцать лет путешествую по этому тракту. — Он спрятал кинжал в ножны. — Иди спать, *мальчик*, — слышишь?

Она попыталась, но, лежа под тонким одеялом, все время слышала волчий вой... и еще один звук, более слабый, изредка долетающий с ветром и похожий на человеческие крики.

В утреннем воздухе стоял дым горящих богов.

Теперь они пылали все — Матерь и Дева, Воин и Кузнец, Старица с перламутровыми глазами, Отец с позолоченной бородой и даже Неведомый, изваянный как нечто среднее между зверем и человеком. Старое сухое дерево, покрытое бесчисленными слоями краски и лака, трещало вовсю. Прохладный воздух мерцал от жара, и горгульи с каменными драконами на стенах замка колебались, словно Давос смотрел на них сквозь пелену слез. Еще похоже, будто они дрожат, шевелятся...

— Злое это дело, — сказал Аллард, хотя у него хватило ума понизить голос. Дейл согласно буркнул что-то.

— Молчите, — сказал им Давос. — Помните, где находитесь. — Его сыновья хорошие ребята, но еще молодые и горячие, особенно Аллард. — Остаюсь я контрабандистом, Аллард в конце концов оказался бы на Стене. Станнис избавил его от этой участи — этим я ему тоже обязан...

Сотни людей собрались у ворот замка, чтобы посмотреть, как сжигают Семерых. Пахло гарью. Даже солдатам было не по себе от такого надругательства над богами, которым они поклонялись всю свою жизнь.

Красная женщина трижды обошла вокруг костра, творя молитву — один раз по-асшайски, другой по-валирийски, третий на общем языке. Только последнюю Давос и понял.

— Рглор, озари нашу тьму. Владыка Света, мы приносим тебе в дар этих ложных богов, семь образов врага твоего. Прими их и озари нас светом своим, ибо ночь темна и полна ужасов.

Королева Селиса вторила ее словам. Станнис наблюдал бесстрастно, стиснув каменные челюсти под иссиня-черной коротко подстриженной бородой. Он оделся роскошнее обычного, словно для выхода в септу.

Септа Драконьего Камня стояла там, где некогда Эйегон Завоеватель преклонил колена в ночь своего отплытия — но это не спасло ее от людей королевы. Они опрокинули алтари, стащили вниз статуи и разбили витражи боевыми молотами. Септон Барре мог только проклясть их, но сир Губард Рамбтон с тремя сыновьями стал на защиту своих богов. Рамбтоны убили четырех солдат королевы, но остальные одолели их. Вслед за этим Гансер Санглас, самый мягкосердечный и набожный из лордов, заявил Станнису, что не может более поддерживать его. Сангласа бросили в душную клеть вместе с септоном и двумя оставшимися в живых сыновьями сира Губарда. Другие лорды не замедлили усвоить этот урок.

Давос-контрабандист никогда не придавал богам особого значения, хотя, как большинство мужчин, приносил жертву Воину перед битой, Кузнецу, когда спускал на воду корабль, и Матери, когда жена должна была родить. Зрелище их сожжения вызывало у него дурноту, и не только дым был тому причиной.

Мейстер Крессен не допустил бы этого. Но старик бросил вызов владыке Света и был наказан за свою дерзость — так по крайней мере гласила молва. Только Давос знал правду. Он видел, как мейстер бросил что-то в чашу с вином. Яд, конечно, — что же еще? Он выпил смертную чашу, чтобы избавить Станниса от Мелисандры, но бог красной женщины чудесным образом защитил ее. Давос сам охотно убил бы Мелисандру, но что он мог

поделать там, где даже мейстер из Цитадели потерпел неудачу? Он, выскочка, бывший контрабандист, Давос с Блошиного Конца, Луковый Рыцарь.

Вокруг горящих богов плясало красивое пламя — красное, желтое и оранжевое. Септон Барре как-то говорил Давосу, что их изваяли из мачт кораблей, привезших первых Таргариенов из Валирии. За истекшие века их красили и перекрашивали, золотили, серебрили, убирали дорогими камнями. «Их красота делает жертву еще более желанной для Рглора», — сказала Мелисандра Станнису, когда богов повергли ниц и выволокли за ворота замка.

Дева лежала поперек Воина, раскинув руки, словно обнимая его. Огонь лизал лицо Матери, и казалось, что она содрогается. Кожаная рукоять меча, пронзившего ее сердце, цвела красным пламенем. Отец лежал в самом низу — его свалили первым. Пальцы на руке Неведомого чернели и отваливались один за другим, превращаясь в тлеющие угли. Лорд Селтигар кашлял, закрывая морщинистое лицо полотняным платком, расшитым красными крабами. Мирийцы перекидывались шутками, наслаждаясь теплом костра, но молодой лорд Бар-Эммон покрылся землистыми пятнами, а лорд Веларион смотрел не на костер, а на короля.

Давос многое бы дал, чтобы разгадать его думы, но такой, как Веларион, с ним делиться не станет. От него, Давоса Сиворта, разит рыбой и луком, а лорд Высокого Прилива ведет свой род из древней Велирии, и принцы Таргариены трижды брали в жены девиц его дома. Так же обстоит дело и с прочими лордами. Он никому не может довериться, и ни один из них не пригласит его на свой совет. И сыновей его они презирают. Но их внуки будут состязаться с моими на турнирах, и когда-нибудь их кровь сочетается браком с моей. Со временем мой черный корабль взлетит столь же высоко, как морской конек Велариона или красные крабы Селтигара.

В том случае, если Станнис завоюет свой трон. Если же он проиграет...

Всем, что у него есть, Давос обязан ему. Станнис сделал его рыцарем, дал почетное место за своим столом и боевую галею вместо контрабандистского шлюпа. Дейл и Аллард тоже командуют галейми, Марик — мастер над гребцами на «Ярости», Девана король взял к себе в оруженосцы, Маттос помогает отцу на «Черной Бете». Когда-нибудь Девана посвятят в рыцари, и двух младшеньких тоже. Мария хозяйничает в маленьком замке на мысе Гнева, и слуги зовут ее «миледи», а Давос может охотиться на красного оленя в собственных лесах. Все это он получил от Станниса Баратеона ценой нескольких пальцевых суставов. И это даже справедливо — ведь Давос всю свою жизнь плевал на королевские законы. Станнис заслужил его преданность. Давос потрогал ладанку, висящую на кожаном шнурке, обвитом вокруг шеи. Свои отрубленные пальцы он носил с собой на счастье, и сейчас счастье требовалось ему, как никогда. Как и всем нам, а пуще всего — лорду Станнису.

Пламя лизало серое небо, и клубился черный дым. Когда ветер нес его на людей, они мигали и терли глаза. Аллард отвернулся, кашляя и ругаясь. «Это вкус грядущего, — думал Давос. — Многому еще суждено сгореть в огне до конца войны».

Мелисандра, в алых шелках и кровавом бархате, с глазами красными, как рубин у нее на шее, изрекла:

— В древних книгах Асшая сказано, что придет день после долгого лета, когда звезды прольют кровь и холодное дыхание тьмы коснется мира. В этот страшный час некий воин вынет из огня пылающий меч, и меч этот будет Светозарным, Красным Мечом Героев, и тот, кто владеет им, будет новым Азором Ахαι, и тьма расступится перед ним. — Она возвысила

голос, чтобы слышали все и каждый. — Азор Ахаи, возлюбленный Рглором! Воин Света, Сын Огня! Приди, твой меч ждет тебя! Приди и возьми его!

Станнис Баратеон шагнул вперед, как солдат, идущий в бой. Оруженосцы последовали за ним. Сын Давоса Деван надел на правую руку короля толстую стеганую рукавицу. На мальчишке был кремовый дублет с вышитым на груди огненным сердцем. Брайен Фарринг, одетый так же, накинул на плечи Станнису жесткий кожаный плащ. За спиной у Давоса нестройно зазвенели колокольчики.

— На дне морском от огня идет не дым, а пузырьки, а пламя там зеленое, синее и черное, — пропел Пестряк. — Я знаю, я-то знаю.

Король, сцепив зубы и завернувшись в кожаный плащ, сунул руку в огонь. Пальцами, защищенными рукавицей, он схватил меч, пронзающий сердце Матери, и сильным рывком выдернул его из горящего дерева. Он поднял меч, и вокруг раскаленной вишневой стали вспыхнуло зеленое, как яшма, пламя. Охрана бросилась гасить затлевшую кое-где одежду короля.

— Огненный меч! — воскликнула королева Селиса, а сир Акселл Флорент и другие ее приближенные подхватили крик. — Огненный меч! Он светится! Светится! Огненный меч!

Мелисандра воздела руки.

— Смотрите! Нам был обещан знак, и вот мы видим его! Вот он, Светозарный! Азор Ахаи вернулся к нам! Слава Воину Света! Слава Сыну Огня!

В ответ послышались нестройные крики. Рукавица Станниса загорелась. Выругавшись, король сунул меч острием в землю и сбил огонь о бедро.

— Властитель, озари нас светом своим! — возвала Мелисандра.

— Ибо ночь темна и полна ужасов, — отозвалась Селиса и ее присные. «Может, и мне надо сказать эти слова? — подумал Давос. — Входит ли это в мой долг перед Станнисом? Его ли это бог на самом деле?» Обрубленные пальцы свело судорогой.

Станнис снял рукавицу и бросил ее наземь. Боги в костре стали совсем уже неузнаваемыми. У Кузнеца отвалилась голова, подняв столб искр и пепла. Мелисандра запела что-то по-асшайски — голос ее поднимался и опадал, как прибой. Станнис, скинув прожженный кожаный плащ, молча слушал ее. Светозарный, воткнутый в землю, еще светился тускло-красным огнем, но зеленое пламя уже угасало.

Когда женщина допела свою песнь, от богов остались одни головешки, и терпение короля истощилось. Он взял королеву под локоть и повел обратно в замок, оставив Светозарный торчать в земле. Красная женщина задержалась, наблюдая, как Деван и Брайен Фарринг заворачивают обожженный, почерневший меч в королевский кожаный плащ. «Не больно-то он красив теперь, Красный Меч Героев», — подумал Давос.

Несколько лордов тихо переговаривались в подветренной от костра стороне. Заметив, что Давос смотрит на них, они умолкли. Если Станнис падет, они и меня уничтожат в тот же миг. Давос не примыкал ни к ним, ни к людям королевы — честолюбивым рыцарям и мелким лордам, которые объявили себя приверженцами Владыки Света и тем завоевали милость леди — нет, королевы, запомни это! — Селисы.

Костер начал гаснуть, когда Мелисандра и оруженосцы удалились с драгоценным мечом. Давос с сыновьями присоединился к толпе, идущей к берегу и кораблям.

— Деван держится молодцом, — заметил отец.

— Рукавицу не уронил — и то ладно, — согласился Дейл.

— Что это за огненное сердце у него на груди? — спросил Аллард. — Эмблема

Баратеонов — коронованный олень.

— Лорд может выбрать себе не одну, а несколько эмблем, — ответил Давос.

— Скажем, черный кораблик и луковицу — да, отец? — улыбнулся Дейл.

Аллард пнул подвернувшийся под ноги камень.

— Иные бы взяли нашу луковицу... и огненное сердце в придачу. Дурное это дело — сжигать Семерых.

— С каких пор ты стал такой набожный? — осведомился Давос. — Что может смыслить сын контрабандиста в божественных делах?

— Я сын рыцаря, отец. Если ты не будешь об этом помнить, то и никто не будет.

— Сын рыцаря. Но не рыцарь. И не станешь им, если будешь мешаться в дела, которые тебя не касаются. Станнис — наш законный государь, и нам не подобает приставать к нему с расспросами. Мы водим его корабли и выполняем его приказы — вот и все.

— Если уж речь об этом, отец, — сказал Дейл, — мне не нравятся бочки, которые прислали мне на «Ярость». Зеленая сосна — вода в них сразу испортится.

— Я получил такие же для «Леди Марии», — подтвердил Аллард. — Все мореное дерево забрали люди королевы.

— Я поговорю об этом с королем, — пообещал Давос. Лучше уж он сам, чем Аллард. Его сыновья хорошие бойцы, а моряки и вовсе отменные, но с лордами говорить не умеют. «Они низкого рода, как и я, но не любят, когда им напоминают об этом. Глядя на наш герб, они видят только черный корабль, гордо летящий по ветру, а на луковицу закрывают глаза».

На памяти Давоса в их гавани никогда еще не было так многолюдно. На каждом причале грузили провизию, и все гостиницы кишели солдатами, которые пили, играли в кости или высматривали шлюх. Напрасная надежда — таких женщин Станнис на свой остров не допускал. У берега теснились корабли — боевые галеи и рыбацьи лодки, крепкие карраки и плоскодонные барки. Лучшие места для стоянки занимали самые крупные корабли: флагман Станниса «Ярость» покачивался между «Лордом Стефороном» и «Морским оленем». Рядом стояли серебристая «Гордость Дрифтмарка» лорда Велариона с тремя своими сестрами, нарядный «Красный коготь» лорда Селтигара, статная «Меч-рыба» с длинным железным носом. В море на якорю «Валирийка» Салладора Саана возвышалась среди двух дюжин более мелких полосатых лисских галей.

Обветшалая гостиница стояла в конце каменной пристани, где были причалены «Черная Бета», «Дух» и «Леди Мария» с полудюжиной других галей на сотню и меньше весел. Давосу захотелось пить. Он расстался с сыновьями и направил свои стопы к гостинице. У входа в нее торчала горгулья вполовину человеческого роста. Дожди и соль сильно испортили ее, но они с Давосом были старые друзья.

— Будь здорова, — шепнул он, проходя внутрь, и потрепал ее по каменной голове.

В шумной харчевне Салладор Саан ел виноград из деревянной чаши. Увидев Давоса, он махнул ему рукой.

— Садись со мной, сир рыцарь. Съешь ягоду. Или две. Сладкие — просто чудо. — Щегольство этого вкрадчивого, всегда улыбающегося лиссенейца вошло в поговорку по обеим сторонам Узкого моря. Сегодня он облачился в кафтан из серебряной парчи с прорезными рукавами, такими длинными, что их концы волочились по полу. Пуговицами ему служили яшмовые обезьянки, а на жидких белых кудряшках сидела ярко-зеленая шапка с павлиньими перьями.

Давос протолкался между столами. До того, как сделаться рыцарем, он часто покупал

товары у Салладора Саана. Лиссениец сам был контрабандистом, а заодно торговцем, банкиром, знаменитым пиратом и самозванным принцем Узкого моря. Когда пират богатеет, все готовы признать его принцем. Давос сам совершил путешествие в Лисс, чтобы переманить старого негодяя на службу к лорду Станнису.

— Вы видели, как горят боги, милорд? — спросил Давос.

— У красных жрецов в Лиссе большой храм. Они всегда что-нибудь жгут и взывают к своему Рглору. Надоели они мне со своими кострами. Будем надеяться, что королю Станнису это тоже скоро надоеет. — Явно не боясь быть услышанным, он ел свой виноград и смахивал пальцем прилипшие к губе косточки. — Вчера пришла моя «Тысячецветная птица», добрый сир. Это не военный корабль, а торговое судно, и по пути она завернула в Королевскую Гавань. Ты уверен, что не хочешь виноградинку? Там, говорят, голодают. — Салладор с улыбкой покачал кистью перед Давосом.

— Все, что мне нужно, это эль — и новости.

— Вы, вестеросцы, всегда торопитесь. Какой в этом прок? Кто спешит жить, спешит к могиле. — Салладор рыгнул. — Лорд Бобрового Утеса прислал своего карлика управлять Королевской Гаванью. Видно, надеется, что его рожа отпугнет всех врагов или что мы все помрем со смеху, когда Бес появится на стене. Карлик прогнал олуха, который командовал золотыми плащами, и поставил на его место рыцаря с железной рукой. — Он сдавил между пальцами виноградину — кожица лопнула, и потек сок.

К ним пробилась служанка, хлопая по тянущимся к ней рукам. Давос заказал кружку эля и просил Салладора:

— Насколько хорошо защищен город?

— Стены там высокие и крепкие, но кто будет стоять на них? Они строят скорпионы и огнеметы, верно, но золотых плащей мало, да и те новички, а других у них нет. Быстрый удар, как делает ястреб, падая на зайца, — и город наш. Если ветер будет попутным, завтра к вечеру ваш король сможет взойти на Железный Трон. Карлика мы оденем в дурацкий наряд и будем колоть ему задницу копьями, чтобы он плясал нам, а ваш добрый король, быть может, даст мне на ночь прекрасную королеву Серсею. Я слишком долго живу в разлуке со своими женами, служа ему.

— У тебя нет жен, пират, — только наложницы, и тебе хорошо платят за каждый день твоей службы и за каждый корабль.

— Только на словах. Добрый сир, мне нужно золото, а не слова на бумаге. — Он бросил виноградину себе в рот.

— Ты получишь свое золото, когда мы возьмем казну в Королевской Гавани. В Семи Королевствах нет человека честнее, чем Станнис Баратеон. Он свое слово сдержит. — Что за мир, подумал Давос, где контрабандисты низкого рода должны ручаться за честь королей?

— Да, он говорит то же самое. А я говорю — давайте это сделаем. Даже этот виноград не такой спелый, как тот город, дружище.

Служанка принесла эль, и Давос дал ей медную монету.

— Может, мы и могли бы взять Королевскую Гавань, как ты говоришь, — только вот долго ли мы ее удержим? Известно, что у Тайвина Ланнистера в Харренхолле большое войско, а лорд Ренли...

— Ах да, младший брат. Тут дела обстоят не столь хорошо, друг мой. Король Ренли не сидит сложа руки. Виноват — здесь он лорд Ренли. Столько королей, что язык заплетается. Братец Ренли вышел из Хайгардена со своей прекрасной молодой королевой, великолепными

лордами, блестящими рыцарями и большим пехотным войском и идет по Дороге Роз к тому самому городу, о котором мы говорим.

— Он взял с собой жену?!

— Да — только не сказал мне зачем. Может, ему неохота расставаться с теплым гнездышком между ее ног даже на одну ночь, а может, он просто верит в свою победу.

— Надо сказать королю.

— Я уже позаботился об этом, добрый сир. Хотя его величество так хмурится каждый раз, когда видит меня, что я боюсь являться пред его очи. Может, я больше нравился бы ему, если бы носил власяницу и никогда не улыбался? Но я человек откровенный — пусть терпит меня в шелках и парче. Не то я уведу свои корабли туда, где меня больше любят. Этот меч — никакой не Светозарный, дружище...

Внезапная перемена разговора смутила Давоса.

— Меч?

— Ну да — тот, который извлекли из огня. Мне многое рассказывают — людям нравится моя улыбка. На что Станнису обгоревший меч?

— Горящий меч, — поправил Давос.

— Обгоревший — и радуйся, что это так. Знаешь сказку о том, как был выкован Светозарный? Я тебе расскажу. Было время, когда весь мир окутывала тьма. Чтобы сразиться с нею, герою нужен был меч, какого никогда еще не бывало. И вот Азор Ахаи, не смыкая глаз, тридцать дней и тридцать ночей работал в храме, закаляя свой клинок в священном огне. Огонь и молот, огонь и молот — и вот наконец меч был готов. Но когда герой погрузил его в воду, сталь разлетелась на куски.

Будучи героем, он не мог просто пожать плечами и утешиться таким вот великолепным виноградом, поэтому он начал снова. На этот раз он ковал пятьдесят дней и пятьдесят ночей, и меч вышел еще краше первого. Азор Ахаи поймал льва, чтобы закалить клинок в его алой крови, но меч снова рассыпался на части. Велико было горе героя, но он понял, что должен сделать.

Сто дней и сто ночей ковал он третий клинок, и когда тот раскалился добела в священном огне, Азор Ахаи призвал к себе жену. «Нисса-Нисса, — сказал он ей, ибо так ее звали, — обнажи свою грудь и знай, что я люблю тебя больше всех на свете». И она сделала это — не знаю уж почему, — и Азор Ахаи пронзил дымящимся мечом ее живое сердце. Говорят, что ее крик, полный муки и радости, оставил трещину на лунном диске, но кровь ее, душа, сила и мужество перешли в сталь. Вот как был выкован Светозарный, Красный Меч Героев.

Понял теперь, к чему я клоню? Радуйся, что его величество вытащил из костра обыкновенный обгоревший меч. Слишком яркий свет ранит глаза, дружище, а огонь жжется. — Салладор Саан, причмокнув, доел последнюю виноградину. — Как ты думаешь, когда король прикажет нам выйти в море, добрый сир?

— Я думаю, скоро — если его бог так захочет.

— Значит, его бог — не твой, сир? Какому же богу молится сир Давос Сиворт, рыцарь лукового корабля?

Давос глотнул эля, чтобы выиграть время. Здесь полно народу, а ты не Салладор Саан, напомнил он себе. Будь поосторожнее с ответом.

— Мой бог — король Станнис. Он создал меня и благословил своим доверием.

— Я это запомню. — Салладор Саан встал из-за стола. — Прошу прощения. От

винограда я проголодался, а на «Велирийке» меня ждет обед. Рубленая баранина с перцем и жареные чайки, фаршированные грибами, сладким укропом и луком. Скоро мы будем вместе пировать в Красном Замке, а карлик нам споет. Когда будешь говорить с королем Станнисом, будь добр, не забудь упомянуть, что к новолунию он будет должен мне еще тридцать тысяч драконов. Лучше бы он отдал этих богов мне. Они были слишком красивы, чтобы жечь их, и я выручил бы за них приличную цену в Пентосе или в Мире. Ну ладно — я прощу его, если он даст мне на ночь королеву Серсею. — Лиссениец хлопнул Давоса по спине и вышел с таким видом, словно гостиница принадлежала ему.

Сир Давос Сиворт еще долго сидел над своей кружкой и думал. Год назад он побывал со Станнисом в Королевской Гавани — на турнире, который король Роберт устроил в честь именин принца Джоффри. Он помнил красного жреца Тороса из Мира и пылающий меч, которым тот орудовал в общей схватке. Жрец представлял собой красочное зрелище в развевающихся красных одеждах и с клинком, обьятым бледно-зеленым пламенем, но все знали, что это не настоящее волшебство, — меч в конце концов погас, и Бронзовый Джон Ройс оглушил Тороса обыкновенной палицей.

Поглядеть бы на настоящий огненный меч. Но такой ценой... Думая о Ниссе-Ниссе, Давос представлял себе свою Марию, добродушную толстуху с обвисшими грудями и ласковой улыбкой, лучшую женщину в мире. Он попытался вообразить, как пронзает ее мечом, и вздрогнул. «Нет, не гожусь я в герои, — решил он. — Если это цена волшебного меча, мне она не по карману».

Он допил свой эль и вышел, снова потрепав горгулью по голове и пожелав ей удачи. Она им всем понадобится, удача.

Уже совсем стемнело, когда к «Черной Бете» пришел Деван с белым как снег конем в поводу.

— Мой лорд-отец, — сказал мальчик, — его величество приказывает вам явиться к нему в Палату Расписного Стола. Садитесь на коня и отправляйтесь сей же час.

Давосу приятно было поглядеть на Девана в пышном наряде оруженосца, но королевский приказ вызвал у него тревогу. «Уж не надумал ли Станнис выйти в море? Салладор Саан — не единственный капитан, утверждающий, что Королевская Гавань созрела для атаки, но первое, чему обучается контрабандист, — это терпение. На победу нам надеяться нечего. Я так и сказал мейстеру Крессену в тот день, как вернулся на Драконий Камень, и ничего с тех пор не изменилось. Нас слишком мало, а врагов слишком много. Для нас весла на воду — это смерть. Тем не менее Давос сел на коня — что ему оставалось?»

Из Каменного Барабана, когда он подъехал, как раз вышло около дюжины знатных рыцарей и лордов-знаменосцев. Лорды Селтигар и Веларион коротко кивнули Давосу, остальные же сделали вид, что вовсе его не видят, — только сир Акселл Флорент остановился перемолвиться с ним словом.

Дядя королевы Селисы был толст, как бочка, с громадными ручищами и кривыми ногами. Уши у него торчали, как у всех Флорентов, — больше даже, чем у племянницы, и в них росли жесткие волосы, но это не мешало ему слышать все, что делается в замке. Сир Акселл был кастеляном Драконьего Камня десять лет, пока Станнис заседал в совете Роберта, а теперь сделался самым доверенным лицом королевы.

— Сир Давос, рад видеть вас, как всегда.

— Взаимно, милорд.

— Впрочем, я еще утром вас заметил. Как весело пылали эти ложные боги, правда?

— Ярко горели, спору нет. — Давос не доверял этому человеку при всей его учтивости. Дом Флорентов присягнул Ренли.

— Леди Мелисандра говорит, что иногда Рглор позволяет своим преданным слугам увидеть в пламени будущее. Нынче утром мне показалось, что я вижу в огне танцовщиц, прекрасных дев в желтом шелку, — они плясали и кружились перед великим королем. Мне думается, это правдивое видение, сир. Это одна из картин торжества, ожидающего его величество, когда мы возьмем Королевскую Гавань и трон, принадлежащий ему по праву.

«Такие пляски не во вкусе Станниса», — подумал Давос, но поостерегся перечить дяде королевы.

— Я видел только огонь — притом от дыма у меня глаза заслезились. Прошу прощения, сир, меня ждет король. — Давос прошел мимо, гадая, зачем он понадобился сиру Акселлу. Он человек королевы, я — короля.

Станнис сидел у Расписного Стола с кучей бумаг перед собой. За его плечом стоял мастер Пилос.

— Сир, — сказал король подошедшему Давосу, — взгляните на это письмо.

Тот послушно взял в руки бумагу.

— Написано красиво, ваше величество, — вот кабы я еще прочитать это мог. — В картах Давос разбирался не хуже кого другого, а вот писанину так и не одолел. Зато Дефан знает грамоту, и младшенькие, Стеффон и Станнис, тоже.

— Да, я забыл. — Король раздраженно нахмурил брови. — Пилос, прочти ему.

— Слушаюсь, ваше величество. — Мастер взял у Давоса пергамент и прочистил горло. — «Все знают, что я — законный сын Стеффона Баратеона, лорда Штормового Предела, от его леди-жены Кассаны из дома Эстермонтов. Честью нашего дома клянусь в том, что мой возлюбленный брат Роберт, наш покойный король, законных наследников не оставил. Отрок Джоффри, отрок Томмен и девица Мирцелла суть плоды гнусного кровосмешения Серсеи Ланнистер с ее братом, Джейме Цареубийцей. По праву рождения и крови я ныне требую вернуть мне Железный Трон Семи Королевств Вестероса, и пусть все добрые люди присягнут мне на верность. Писано при Свете Владыки, под собственноручной подписью и печатью Станниса из дома Баратеонов, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, правителя Семи Королевств». — Пилос с тихим шорохом свернул пергамент.

— Поставь «сиром Джейме Цареубийцей», — хмуро указал Станнис. — Кем бы он ни был, он остается рыцарем. Не знаю также, стоит ли называть Роберта «возлюбленным братом». Он любил меня не больше, чем был обязан, как и я его.

— Это всего лишь вежливый оборот, ваше величество, — заметил Пилос.

— Это ложь. Вычеркни. Мастер говорит, что у нас в наличии сто семнадцать воронов, — сказал Станнис Давосу, — и я намерен использовать их всех. Я разошлю сто семнадцать таких писем во все концы государства, от Бора до Стены. Надеюсь, что хотя бы сто из них достигнут своего назначения вопреки бурям, ястребам и стрелам, и сто мастеров прочтут мои слова стольким же лордам в их горницах и опочивальнях, после чего письма как пить дать отправятся в огонь, а прочитавшие их будут молчать. Все эти лорды любят Джоффри, или Ренли, или Робба Старка. Я их законный король, но они отрекутся от меня, дай им только волю. Поэтому мне нужен ты.

— Я к вашим услугам, государь, — как всегда.

— Я хочу, чтобы ты отплыл на «Черной Бете» на север — к Чаячьему Городу, Перстам,

Трем Сестрам, даже в Белую Гавань зайти. Твой сын Дейл отправится на «Духе» к югу, мимо мыса Гнева и Перебитой Руки, вдоль дорнийского побережья до самого Бора. Каждый из вас возьмет с собой сундук с письмами, которые вы будете оставлять в каждом порту, остроге и рыбацком селении. Будете приколачивать их к дверям септ и гостиниц для всякого, кто умеет читать.

— Таких мало, — заметил Давос.

— Сир Давос прав, ваше величество, — сказал Пилос. — Лучше, чтобы эти письма читались вслух.

— Лучше, но опаснее. Радушного приема эти слова не встретят, — возразил Станнис.

— Дайте мне рыцарей, которые будут их читать, — предложил Давос. — У них это выйдет доходчивей, чем у меня.

Станнису это, видимо, понравилось.

— Хорошо, ты получишь их. Я могу набрать целую сотню рыцарей, которым чтение больше по душе, чем битва. Будь откровенен, когда можно, и скрытен, когда должно. Пусти в ход все свои контрабандистские штуки: черные паруса, потаенные бухты и прочее. Если тебе не достанет писем, возьми в плен пару септонов и засади их за переписку. Твой второй сын мне тоже понадобится. Он поведет «Леди Марию» через Узкое море, в Браавос и другие Вольные Города, чтобы доставить такие же письма тамошним правителям. Пусть весь мир знает о моей правоте и о бесчестье Серсеи.

«Узнать-то он узнает, — подумал Давос, — но вот поверит ли?» Он задумчиво посмотрел на мастера Пилоса, и король перехватил этот взгляд.

— Мастер, пора браться за переписку. Нам понадобится много писем — и скоро.

— Слушаюсь, — сказал Пилос и с поклоном удалился. Король дождался, когда он уйдет, и спросил:

— О чем ты не хотел говорить в присутствии моего мастера, Давос?

— Государь, Пилос неплохой парень, но каждый раз, глядя на его цепь, я не могу не пожалеть о мастере Крессене.

— Старик сам повинен в своей смерти! — Станнис уставился в огонь. — Я не звал его на тот пир. Он гневил меня, он давал мне дурные советы, но я не хотел, чтобы он умер. Я надеялся, что он хоть несколько лет проживет на покое. Он вполне это заслужил, но... — король скрипнул зубами, — но он умер. И Пилос хорошо служит мне.

— Дело не столько в Пилосе, сколько в письме. Нельзя ли узнать, что говорят о нем ваши лорды?

Станнис фыркнул:

— Селтигар находит его восхитительным. Если б я показал ему содержимое моего судна, он и это нашел бы восхитительным. Другие кивают головами, как гуси, — кроме Велариона, который полагает, что дело решит сталь, а не слова на пергаменте. Как будто я сам не знаю. Пусть Иные возьмут моих лордов — я хочу знать твое мнение.

— Вы пишете прямо и сильно.

— И правдиво.

— И правдиво. Но у вас нет доказательств этого кровосмешения. Их не больше, чем было год назад.

— Доказательство своего рода имеется в Штормовом Пределе. Бастард Роберта. Зачатый в мою свадебную ночь, на постели, приготовленной для меня и моей жены. Делена принадлежит к дому Флорентов и была девицей, когда Роберт взял ее, поэтому он признал

ребенка. Его зовут Эдрик Шторм, и говорят, он вылитый отец. Если люди его увидят, а потом посмотрят на Джоффри и Томмена, у них невольно возникнут сомнения.

— Кто ж его увидит в Штормовом-то Пределе?

Станнис побарабанил пальцами по Расписному Столу.

— В этом и заключается трудность. Одна из многих. — Он поднял глаза на Давоса. — Ты хотел сказать еще что-то — так говори. Я не для того сделал тебя рыцарем, чтобы ты изощрялся в пустых любезностях. На то у меня есть лорды. Выкладывай, Давос.

Давос послушно склонил голову:

— Там в конце есть одна фраза... как бишь ее? «Писано при Свете Владыки...»

— Да. И что же? — Король сцепил зубы.

— Народу не понравятся эти слова.

— Как и тебе? — резко спросил Станнис.

— Не лучше ли будет сказать: «Писано пред очами богов и людей» или «Милостью богов старых и новых...»

— Ты что, святошей заделался, контрабандист?

— О том же я мог бы спросить и вас, господин мой.

— Вот оно что? Похоже, мой новый бог тебе не больше по душе, чем мой новый мастер?

— Я не знаю Владыку Света, — признался Давос, — зато богов, которых мы сожгли нынче утром, я знал. Кузнец хранил мои корабли, а Мать дала мне семерых крепких сыновей.

— Сыновей тебе дала жена. Ей ведь ты не молишься? То, что мы сожгли утром, — всего лишь дерево.

— Может, оно и так — но когда я мальчишкой попрошайничал в Блошином Конце, септоны меня иногда кормили.

— Теперь тебя кормлю я.

— Вы дали мне почетное место за вашим столом, а я взамен говорю вам правду. Народ не станет вас любить, если вы отнимете у него богов, которым он всегда поклонялся, и навяжете им нового, чье имя даже выговорить трудно.

Станнис рывком поднялся на ноги.

— Рглор. Что тут такого трудного? Не будут любить, говоришь? А разве меня когда-нибудь любили? Можно ли потерять то, что никогда не имел? — Станнис подошел к южному окну, глядя на освещенное луной море. — Я перестал верить в богов в тот самый день, как «Горделивая» разбилась в нашем заливе. Я поклялся никогда более не поклоняться богам, способным столь жестоко отправить на дно моих отца и мать. В Королевской Гавани верховный септон все вещал, бывало, что добро и справедливость исходят от Семерых, но то небольшое, что я видел из того и другого, проистекало всегда от людей.

— Но если вы не верите в богов...

— ...то зачем обременять себя новым? — прервал Станнис. — Я задавал себе тот же вопрос. В божественных делах я мало что понимаю, да и понимать не хочу, но красная жрица имеет силу.

(Да — но что это за сила?)

— Крессен имел мудрость, — сказал Давос.

— Я верил в его мудрость и в твою хитрость — а что я получил взамен, контрабандист? Штормовые лорды отправили тебя несолоно хлебавши. Я пришел к ним как нищий, и они

насмеялись надо мной. Ну что ж — я не стану больше просить, а им будет не до смеха. Железный Трон мой по праву, а попробуй возьми его! В стране четыре короля, а у трех других золота и людей больше, чем у меня. Все, чем владею я, — это корабли и она. Красная Женщина. Известно ли тебе, что половина моих рыцарей даже имя ее называть боится? На колдунью, способную вселить такой страх во взрослых мужчин, нельзя смотреть свысока, даже если она ни на что более не способна. Тот, кто боится, все равно что побит. Но может быть, она способна и на большее — скоро я это узнаю.

Мальчишкой я как-то подобрал раненую самку ястреба, выходил ее и назвал Гордокрылой. Она сидела у меня на плече, летала за мной из комнаты в комнату, брала пищу у меня из рук, вот только в небо подниматься не хотела. Я постоянно брал ее на охоту, но она никогда не взлетала выше деревьев. Роберт прозвал ее Слабокрылой. У него самого был сокол по имени Гром, который бил без промаха. В конце концов наш двоюродный дед сир Харберт посоветовал мне взять другую птицу. С Гордокрылой я только дурака из себя строю, сказал он — и был прав. — Станнис Баратеон отвернулся от окна и от призраков, блуждающих над морем к югу от замка. — Семеро посылали мне разве что воробьев. Пришло время попробовать другую птицу, Давос. Красного ястреба.

В Пайке не было якорной стоянки, но Теон Грейджой хотел взглянуть на отцовский замок с моря — как десять лет назад, когда боевая галера Роберта Баратеона увезла его в приемьши к Эддарду Старку. В тот день он стоял у борта, слушая, как плещут весла и бьет барабан мастера, а Пайк таял вдали. Теперь он хотел видеть, как Пайк приближается, поднимаясь из моря.

«Мариам», послушная его желаниям, обогнула мыс. Паруса хлопали, а капитан проклинал ветер, команду и капризы знатных лордов. Теон, натянув на голову капюшон плаща, ждал, когда появится его дом.

На берегу не было ничего, кроме голых утесов, и замок казался одним из них — его стены, башни и мосты, сложенные из такого же черно-серого камня, омывались теми же солеными водами, поросли той же темно-зеленой плесенью, и те же морские птицы гадили на них. Полоса суши, на которой Грейджой воздвигли свою крепость, некогда вонзалась в океан, как меч, но волны, бившие в нее денно и ночью, раздробили ее еще пару тысяч лет назад. Остались три голых островка да дюжина скал, торчащих из воды, как колонны храма какого-то морского бога, а гневные валы по-прежнему пенились вокруг них.

Темный, мрачный и грозный, Пайк словно врос в эти острова и утесы. Стена, отгораживающая его от материка, смыкалась вокруг большого каменного моста, перекинутого к самому большому острову. Там стоял массивный Большой замок, а дальше — Кухонный и Кровавый замки, каждый на своем островке. Башни и службы, расположенные на скалах, соединялись с ближними утесами крытыми переходами, а с дальними — подвесными мостами.

Морская башня торчала на самом конце сломанного меча, круглая и высокая, самая старая в замке. Волны изглодали скалу, служившую ей основанием. Низ башни побелел от вековой соли, верх оброс толстым одеялом зеленого лишайника, зубчатый венец почернел от копоти сторожевых костров.

Над Морской башней развевалось отцовское знамя. «Мариам» была еще слишком далеко, но Теон и так знал, что на нем изображен гигантский кальмар дома Грейджоев, золотой кракен, раскинувший щупальца по черному полю. Знамя на железном шесте трепетало от ветра, как птица, рвущаяся в полет. Здесь на кракена не падала тень реющего над ним лютоволка Старков.

Ни одно зрелище еще не затрагивало Теона так глубоко. В небе над замком сквозь редкие облака виднелся красный хвост кометы. Маллистеры всю дорогу от Риверрана до Сигарда спорили о том, что она предвещает. «Это моя комета», — сказал себе Теон, просунув руку под плащ на меху. В его кармане, в кошельке из промасленной кожи, лежало письмо от Робба Старка — бумага, чья ценность равнялась короне.

— Узнаете ваш замок, милорд? Он остался таким же, как вам запомнился? — спросила дочь капитана, прильнув к нему сбоку.

— Теперь он кажется меньше, чем был, — признался Теон, — но это, возможно, из-за расстояния. — «Мариам» — пузатая торговая шхуна из Староместа, везущая вино, ткани и зерно в обмен на железную руду, а капитан ее — пузатый южанин. Суровое море, бьющее в подножие замка, заставляет его толстые губы трястись, и он держится от земли дальше, чем хотелось бы Теону. Капитан с островов на своей ладье прошел бы вдоль самых утесов, под

высоким мостом, соединяющим воротную башню с Большим замком. Юмсания не смог отважиться на такое, остался на безопасном расстоянии, и Теону приходится довольствоваться видом Пайка издали. «Мариам» даже и теперь приходится лавировать, чтобы не угодить на скалы.

— Тут, должно быть, очень ветрено, — заметила дочь капитана.

— Ветрено, холодно и сыро, — засмеялся Теон. — Незавидное место, по правде сказать... но мой лорд-отец говорил мне, что в суровых местах растут суровые люди, а суровые люди правят миром.

Капитан, сам зеленый как море, подошел к ним и спросил с поклоном:

— Можем ли мы теперь идти в порт, милорд?

— Можете, — с легкой улыбкой на губах ответил Теон. Обещанное им золото сделало из южанина льстивого раба. Путешествие получилось бы совсем другим, если бы в Сигарде Теона, как он надеялся, ждала ладья с островов. Железные капитаны горды, обладают несгибаемой волей и к знатности почтения не питают. Острова слишком малы, чтобы поклоняться кому-то, а ладья и того меньше. Если каждый капитан, как принято говорить, — король на своем корабле, неудивительно, что острова называют страной десяти тысяч кораблей. А когда ты видишь, как твой король срет на борт и зеленеет во время бури, тебе трудно преклонять колени и притворяться, что перед тобой бог. «Людей создает Утонувший Бог, — сказал несколько тысяч лет назад старый король Уррен Красная Рука, — но короны создают сами люди».

Притом у ладьи на дорогу ушло бы вполовину меньше времени. «Мариам», по правде сказать, — просто корыто, и Теону не хотелось бы оказаться на ней во время шторма. Впрочем, жаловаться ему особенно не на что. Он жив-здоров, не утонул, и в этом путешествии были свои прелести. Он обнял девушку одной рукой и сказал ее отцу:

— Извести меня, когда придем в Лордпорт. Мы будем внизу, в моей каюте. — И он увел девушку на корму, а отец угрюмо посмотрел им вслед.

Каюта, собственно, принадлежала капитану, но он отдал ее в распоряжение Теона, когда они отплыли из Сигарда. Дочь свою он, правда, гостю не предоставил, но она легла к Теону в постель по доброй воле. Чаша вина, немного тихих слов — и готово. Девушка казалась пухловатой на его вкус и вся покрыта веснушками, но ее груди хорошо ложились ему в ладони, и она была девственницей, когда он ее взял. Не совсем обычно в ее возрасте, но хорошо для разнообразия. Капитан этого явно не одобрял, и Теону забавно было смотреть, как тот подавляет свое бешенство, рассыпаясь в любезностях перед знатным лордом. Обещанный кошелек с золотом никогда не покидал капитанских мыслей.

Теон сбросил мокрый плащ, и девушка сказала:

— Как вы, должно быть, рады вернуться домой, милорд. Сколько же лет вас не было?

— Десять или около того. Я был десятилетним мальчишкой, когда меня увезли в Винтерфелл и отдали на воспитание Эддарду Старку. — Воспитанник по названию, заложник по сути. Полжизни в заложниках... но теперь этому конец. Он снова распоряжается собственной жизнью, и ни одного Старка вокруг. Он привлек к себе капитанскую дочь и чмокнул ее в ухо. — Снимай плащ.

Она опустила глаза, вдруг засмущавшись, но сделала, как он велел. Когда тяжелый мокрый плащ упал с ее плеч на палубу, она слегка поклонилась Теону и улыбнулась. Улыбка у нее была глуповатая, но Теон никогда не требовал от женщин ума.

— Иди сюда, — приказал он. Она повиновалась.

— Я никогда еще не бывала на Железных островах.

— Считай, что тебе повезло. — Он погладил ее по волосам, темным и тонким, растрепавшимся на ветру. — Это неприветливая, каменистая земля, не обещающая покоя и унылая на вид. Смерть здесь всегда где-то рядом, а жизнь скудна и сурова. Мужчины вечерами пьют эль и спорят о том, кому из них хуже живется — рыбакам, которые бьются с морем, или крестьянам, которые пытаются что-то вырастить на своей тощей почве. По правде говоря, хуже всего приходится рудокопам — они гнут спину под землей, и чего ради? Железо, свинец, олово — вот единственные наши сокровища. Не диво, что островитяне былых времен занимались морским разбоем.

Глупышка будто и не слушала его.

— Я могла бы сойти с вами на берег — если бы вы пожелали...

— Можешь сойти, коли охота, — согласился Теон, тиская ее грудь, — только, боюсь, не со мной.

— Я готова работать у вас в замке, милорд, чистить рыбу, печь хлеб и сбивать масло. Отец говорит, что не едал ничего вкуснее моей похлебки из крабов с перцем. Вы могли бы найти мне местечко у себя на кухне, и я бы готовила вам ее.

— А по ночам согревала бы мне постель? — Он нащупал тесемки ее корсажа и стал развязывать их ловкими, опытными пальцами. — В былые времена я привез бы тебя домой, как трофей, и сделал бы своей женой, хотела бы ты этого или нет. Все Железные Люди так поступали. У мужчины была каменная жена, настоящая, уроженка островов, как и он, и были морские жены, взятые в набегах.

Девушка широко раскрыла глаза — но не потому, что он обнажил ее груди.

— Я согласна стать вашей морской женой, милорд.

— Увы, те времена миновали. — Теон обвел пальцем тяжелую грудь, спускаясь к пухлому коричневому соску. — Мы уже не летаем по ветру, неся огонь и меч, и не берем то, что нам хочется. Мы ковыряемся в земле и закидываем в море сети, как все прочие, и почитаем себя счастливыми, если на зиму у нас есть соленая треска и овсянка. — Он взял сосок в рот и прикусил так, что девушка ахнула.

— Можете взять меня снова, если хотите, — шепнула она ему на ухо.

Он оторвался от ее груди, оставив на коже темно-красную отметину.

— Я хочу научить тебя кое-чему новому. Развяжи мне тесемки внизу и поласкай ртом.

— Ртом?

Он легонько провел пальцем по ее пухлым губам.

— Эти губы для того и созданы, милая. Если хочешь быть моей морской женой, делай, как я велю.

Поначалу она стеснялась, но для своего невеликого разума освоилась быстро, к удовольствию Теона. Рот у нее был столь же влажный и приятный, как другое отверстие, и ему не приходилось слушать ее глупую болтовню. «В прежние времена я и правда сделал бы ее своей морской женой, — думал он, запустив пальцы в ее спутанные волосы. — В прежние времена, когда мы еще жили по старому закону — топором, а не киркой, и брали, что хотели, будь то богатство, женщины или слава. Тогда Железные Люди не работали под землей — этим занимались невольники, они же копались в земле или выращивали коз и овец. Ремеслом островитян была война. Утонувший Бог создал их для набегов и насилия — они терзали королевства и вписывали свои имена в память живущих огнем, кровью и песнями».

Эйегон Драконовластный уничтожил старый закон. Он сжег Черного Харрена, вернул

его королевство слабосильным речным жителям и превратил Железные острова в заштатную провинцию обширного государства. Но старые кровавые предания еще рассказывались на островах — у костров из плавника, у дымных очагов и даже в высоких чертогах Пайка. Среди титулов Теонова отца числилось «Лорд-Жнец», в то время как девиз Грейджоев гласил «Мы не сеем».

И не столько ради такого пустяка, как корона, поднял свое восстание лорд Бейлон, сколько для того, чтобы вернуться к старому закону. Роберт Баратеон с помощью своего друга Эддарда Старка положил кровавый конец этой мечте, но теперь они оба мертвы. Вместо них правят мальчишки, и государство, выкованное Эйегоном, раскололось на куски. «Сейчас то самое время, — думал Теон, пока дочь капитана водила губами по его плоти, — тот самый год, тот самый день, а я — тот самый человек». Он криво улыбнулся, гадая, что скажет отец, услышав, что Теон, самый младший, мальчуган, заложник, преуспел там, где сам лорд Бейлон потерпел поражение.

Заключительный миг налетел внезапно, как шторм, и семья Теона наполнила рот девушки. Испуганная, она хотела отпрянуть, но Теон удержал ее за волосы. Она поднялась и прильнула к нему.

— Так хорошо, милорд?

— Неплохо.

— Солono, — пожаловалась она.

— Как море?

Она кивнула:

— Я всегда любила море, милорд.

— Я тоже. — Он покатал ее сосок между пальцами. Это правда. Море для Железных Людей — это свобода. Он не вспоминал об этом, пока «Мариам» не отплыла из Сигарда, но вспомнил, услышав поскрипывание мачт и снастей, капитанские команды и гул ветра в парусах — звуки столь же знакомые, как биение собственного сердца, и столь же утешительные. «Больше я их не забуду, — клялся себе Теон. — Никогда больше не стану удаляться от моря».

— Возьмите меня с собой, милорд, — ныла дочь капитана. — Мне не обязательно жить у вас в замке. Я могла бы остаться где-нибудь в городе и быть вашей морской женой. — Она хотела погладить его по щеке, но Теон отвел ее руку и встал с койки.

— Мне место в Пайке, а твое — на этом корабле.

— Я не могу больше оставаться здесь.

Он завязал свои бриджи.

— Почему?

— Из-за отца. Когда вы уйдете, он накажет меня, милорд, будет ругать меня и бить.

Теон накинул плащ.

— Такие уж они, отцы, — согласился он, застегнув серебряную пряжку. — Скажи ему, что он должен радоваться. Я столько раз тебя брал, что ты скорее всего беременна — не каждому выпадает честь растить королевского бастарда. — Она уставилась на него, и он вышел, оставив ее в каюте.

«Мариам» огибала лесистый мыс. Под его поросшими сосной скалами выбирали сети около дюжины рыбачьих лодок. Поодаль от них меняла галс большая барка. Теон прошел на нос, чтобы лучше видеть. Первым делом он заметил замок — твердыню рода Ботли. В детские годы Теона замок был слеплен из дерева и глины, но Роберт Баратеон сровнял его с

землей, а лорд Савейн после отстроил из камня, и приземистое строение венчало вершину холма. На невысоких угловых башнях висели бледно-зеленые флаги с косяками серебристых рыб.

Под сомнительной защитой рыбьего замка лежала деревня Лордпорт с кишасей кораблями гаванью. Когда Теон покидал Лордпорт, здесь было дымящееся пепелище, и сожженные ладьи усеивали каменный берег, как скелеты мертвых китов, а от домов не осталось камня на камне. Десять лет спустя следы войны почти исчезли. Жители построили себе новые хижины, взяв камни от старых, и накопили свежего дерна для крыш. Рядом с пристанью выросла новая гостиница, вдвое больше старой, с каменным нижним этажом и двумя деревянными верхними. Но септу наверху так и не отстроили, и от нее остался только семиугольный фундамент. Видимо, свирепость Роберта Баратеона отбила у островитян охоту поклоняться новым богам.

Теона больше занимали корабли, чем боги. Между бесчисленных рыбацких мачт он разглядел тирошскую торговую галею, а рядом — неуклюжую иббенесскую барку с просмоленным корпусом. Ладьи, числом не менее пятидесяти или шестидесяти, стояли на якоре в море или лежали на галечном берегу к северу от гавани. На парусах кое-где виднелись эмблемы других островов: кровавая луна Винчей, черный боевой рог лорда Гудбразера, серебряный серп Харло. Теон искал «Молчаливого», корабль своего дяди Эурана. Этой поджарой, наводящей страх красной ладьи нигде не было видно, зато отцовский «Великий кракен» находился здесь, с большим железным тараном в форме давшего ему название животного на носу.

Уж не созвал ли лорд Бейлон знамена в честь прибытия своего сына? Теон снова нащупал кожаную ладанку под плащом. Об этом письме никто не знал, кроме него самого и Робба Старка: они не дураки, чтобы доверять свои секреты птицам. Но и лорд Бейлон тоже далеко не глупец. Он вполне мог догадаться, для чего его сын наконец возвращается домой, и поступить соответственно.

Эта мысль не обрадовала Теона. Отцовская война давно проиграна. Теперь его, Теона, время — его план, его слава, а со временем и его корона. Тем не менее ладьи собрались — вот они, все налицо.

Впрочем, это могло быть просто мерой предосторожности — на тот случай, если война перекинется через море. Старики предусмотрительны по природе своей — а отец уже стар, как и дядя Виктарион, командующий Железным Флотом. Дядя Эурон — дело иное, но «Молчаливого», похоже, нет в порту. «Все к лучшему, — сказал себе Теон. — Так я скорее смогу нанести свой удар».

Пока «Мариам» пробиралась к пристани, Теон беспокойно расхаживал по палубе, оглядывая берег. Он не ожидал увидеть самого лорда Бейлона, но должен же был отец прислать кого-то, чтобы встретить его. Стюарда Сайласа Кислоротого, лорда Ботли, а то и Дагмера Щербатого. Хорошо бы увидеть снова страшную Дагмерову образину. Не может быть, чтобы они не знали о его приезде. Робб посылал воронов из Риверрана, а когда в Сигарде не оказалось ладьи, Ясон Маллистер отправил в Пайк собственных птиц, предположив, что посланцы Робба не долетели.

Однако Теон не видел ни знакомых лиц, ни почетного караула, ожидающего, чтобы сопроводить его из Лордпорта в Пайк, — люди на берегу занимались каждый своим делом. Грузчики катали бочки с вином с тирошского судна, рыбаки кричали, распродавая дневной улов, детишки путались под ногами. Жрец в зелено-синих одеждах Утонувшего Бога вел по

берегу двух лошадей; потаскушка, свесившись из окна гостиницы, зазывала проходящих иббенесских матросов.

«Мариам» встречали несколько лордпортских купцов.

— Мы из Староместа, — отвечал на их вопросы капитан, пока корабль швартовался, — везем яблоки и апельсины, вина из Бора, перья с Летних островов. Есть перец, выделанные кожи, штука мирийского кружева, зеркала и пара сладкозвучных староместных арф. — С борта спустили сходни. — А еще я привез вам вашего наследника.

Лордпортцы устали на Теона, как бараны, явно не понимая, кто он такой. Это разозлило его. Он сунул золотого дракона в руку капитану.

— Вели своим людям снести мои вещи на берег. Трактирщик, — рывкнул он, сходя по трапу. — Мне нужна лошадь.

— Как прикажете, милорд, — ответил тот, даже не подумав поклониться. Теон уже забыл, как дерзки бывают островитяне. — У меня как раз есть подходящая. Куда путь изволите держать?

— В Пайк. — Этот болван его все еще не узнавал. Надо было надеть свой золотой дублет с вышитым на груди кракеном.

— Тогда вам надо отправляться поскорей, чтоб успеть в Пайк дотемна. Мой мальчишка поедет с вами и покажет вам дорогу.

— Твой мальчишка не понадобится, — пробасил кто-то, — и лошадь тоже. Я сам провожу своего племянника в отчий дом.

Это был тот самый жрец, что вел лошадей по берегу. Люди преклонили перед ним колена, а трактирщик пробормотал: «Мокроголовый».

Жрец, высокий и тощий, с огненными черными глазами и крючковатым носом, был одет в зеленое, серое и синее — цвета Утонувшего Бога. Через плечо у него висел на кожаном ремне мех с водой, в ниспадающие до пояса черные волосы и косматую бороду были вплетены сухие водоросли.

В памяти Теона шевельнулось что-то. Лорд Бейлон в одном из своих редких и кратких писем упоминал, что младший его брат попал в шторм и ударился в святость, когда его благополучно вынесло на берег.

— Дядя Эйерон? — нерешительно произнес Теон.

— Да, это я, племянник. Твой лорд-отец поручил мне привезти тебя. Едем.

— Сейчас, дядя. — Теон повернулся к «Мариам». — Мои вещи.

Матрос доставил вниз высокий тисовый лук и колчан со стрелами, но сундучок с одеждой принесла сама капитанская дочь.

— Милорд. — Глаза у нее были красные. Когда он взял сундучок, она сделала движение, словно хотела его обнять — на глазах у своего отца, его дяди-священника и половины острова.

Теон ловко уклонился:

— Благодарю.

— О, милорд, я так люблю вас.

— Мне пора ехать. — Теон большими шагами устремился вдогонку за дядей, уже ушедшим далеко вперед. — Я не ждал тебя, дядя. Я надеялся, что мой лорд-отец и леди-мать захотят встретить меня после десятилетней разлуки или пришлют Дагмера с почетным караулом.

— Не твое дело обсуждать приказания Лорда-Жнеца из Пайка. — Жрец держался

холодно — совсем не так, как помнилось Теону. Эйерон Грейджой был самым приветливым из его дядей, озорным и смешливым, любившим песни, эль и женщин. — Что касается Дагмера, он отправился на Старый Вик — твой отец поручил ему поднять Стонхаузов и Драммов.

— С какой целью? И зачем собрались ладьи?

— А зачем они всегда собираются? — Дядя оставил лошадей у гостиничной коновязи. Дойдя до них, он повернулся к Теону. — Скажи правду, племянник. Ты теперь молишься богам?

Теон почти вовсе не молился — но говорить такое священнику, хотя бы и родному дяде, не подобало.

— Нед Старк молился дереву. Нет, его боги мне чужие.

— Это хорошо. Стань на колени.

Под ногами были сплошные камни и грязь.

— Дядя, я...

— На колени! Или ты чересчур возгордился, пожив на зеленых землях?

Теон преклонил колени. Он приехал сюда с определенной целью, и помощь Эйерона могла понадобиться ему. Ради короны стоит испачкать бриджи в грязи и конском навозе.

— Наклони голову. — Дядя откупорил свой мех и полил голову племянника морской водой. Она промочила волосы, попала в глаза, проникла за ворот плаща и дублета и заструилась по спине. Глаза от соли защипало так, что Теон чуть не вскрикнул. Он чувствовал на своих губах вкус океана. — Да возродится раб твой Теон из моря, как возродился ты, — произнес нараспев Эйерон Грейджой. — Благослови его солью, благослови его камнем, благослови его сталью. Племянник, ты еще помнишь слова?

— То, что мертво, умереть не может, — припомнил Теон.

— То, что мертво, умереть не может, — эхом отозвался дядя, — оно лишь восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде. Встань.

Теон встал, моргая слезящимися от соли глазами. Дядя молча закупорил мех, отвязал свою лошадь и сел в седло. Теон последовал его примеру. Оставив за собой гостиницу и гавань, они миновали замок лорда Ботли и углубились в каменные холмы. Жрец не сказал более ни слова.

— Я половину жизни провел вне дома, — произнес наконец Теон. — Изменилось ли что-то на островах за это время?

— Мужчины ловят рыбу, копают землю и умирают. Женщины в муках рожают детей и тоже умирают. День сменяется ночью. Ветры дуют, и за приливом следует отлив. Острова все те же, какими создал их наш бог.

«Каким же он стал угрюмым», — подумал Теон.

— Найду ли я в Пайке мою сестру и мою леди-мать?

— Нет, твоя мать на Харло, у своей сестры. Ее мучает кашель, а там погода помягче. Твоя сестра ушла на своем «Черном Ветре» на Большой Вик с посланиями твоего лорда-отца, но скоро вернется, будь уверен.

Теону не нужно было говорить, что Аша теперь водит ладью «Черный Ветер». Он не видел сестру десять лет, но об этом знал. Странно, что она так назвала свой корабль — волк Робба Старка зовется Серый Ветер.

— Старки серые, а Грейджои черные, — с улыбкой пробормотал он, — но ветры, похоже, одолевают нас обоих. — Жрец промолчал. — Ну а ты, дядя? Ты не был священником,

когда я отплыл из Пайка. Я помню, как ты пел старые разбойные песни, стоя на столе с рогом эля в руке.

— Я был молод тогда и тщеславен, но море унесло мои безумства и мое тщеславие. Тот человек утонул, племянник. Морская вода наполнила его легкие, и рыбы съели пелену у него на глазах. Восстав из моря, я стал видеть все по-иному.

Он не только угрюм, но еще и безумен. Старый Эйерон Грейджой нравился Теону куда больше.

— Дядя, зачем отец созвал свои мечи и паруса?

— Он сам скажет тебе об этом в Пайке.

— Я хотел бы знать заранее.

— От меня ты ничего не узнаешь. Нам запрещено говорить об этом.

— Даже со мной? — В Теоне вспыхнул гнев. Он водил людей в бой, охотился вместе с королем, не раз отличался на турнирах, скакал бок о бок с Бринденом Черной Рыбой и Большим Джоном Амбером, сражался в Шепчущем Лесу, спал со столькими девками, что всех и не упомнишь, а дядя по-прежнему обращается с ним, как с десятилетним мальчиком. — Если отец строит военные планы, я должен их знать. Я не первый встречный — я наследник Пайка и Железных островов.

— Это мы еще посмотрим.

Слова дяди обожгли Теона как пощечина.

— То есть как «посмотрим»? Оба моих брата погибли, и я теперь у отца единственный сын.

— У него есть еще и дочь.

Аша. Она на три года старше Теона, но все же...

— Женщина наследует лишь в том случае, если нет наследника мужского пола по прямой линии. Я не позволю лишиться себя своих прав, предупреждаю тебя.

— Ты предупреждаешь служителя Утонувшего Бога, мальчик? Я вижу, ты забыл все, что знал. И ты большой дурак, если полагаешь, что твой лорд-отец передаст свои священные острова одному из Старков. А теперь помолчи. Дорога длинна и без твоей сорочьей трескотни.

Теон придержал язык, хотя и неохотно. Вот, значит, как обстоит дело. Как будто десять лет в Винтерфелле сделали его Старком. Да, лорд Эддард воспитывал его вместе с собственными детьми, но он так и не стал одним из них. Весь замок, от леди Старк до последней судомойки, знал, что он заложник, обеспечивающий послушание своего отца, и все относились к нему соответственно. Даже бастарда Джона Сноу уважали больше.

Лорд Эддард время от времени пытался быть ему отцом, но Теон всегда видел в нем человека, который принес в Пайк огонь и кровь, а его увез из родного дома. Ребенком он боялся сурового лица Старка и его большого темного меча. А леди Старк держалась с ним еще более отстраненно и подозрительно, если такое возможно.

Что до детей, то младшие почти все то время, что он жил в Винтерфелле, были малыми ребятами. Только Робб да его сводный брат Джон Сноу были достаточно большими, чтобы Теон достаивал их своим вниманием. Бастард был угрюмый парень, чувствительный к насмешкам, он завидовал знатному происхождению Теона и ревновал к нему Робба. К самому Роббу Теон даже привязался немного, как к младшему брату... но об этом лучше не упоминать. В Пайке, как видно, война еще не завершилась. Теона это не удивляло. Железные острова живут прошлым — настоящее слишком сурово и неприглядно, чтобы его выносить.

Кроме того, отец и дядя уже стары, а старые лорды все такие: они уносят свою заплесневелую кровную вражду с собой в могилу, ничего не забывая и ни с чем не мирясь.

У Маллистеров, сопровождавших Теона из Риверрана в Сигард, наблюдалось то же самое. Патрек Маллистер был неплохой парень — они с Теоном разделяли склонность к вину, женщинам и соколиной охоте. Но старый лорд Ясон, заметив, что его наследнику нравится общество Теона, отозвал Патрека в сторону и напомнил ему, что Сигард построили для защиты побережья от грабителей с Железных островов, из коих главные — Грейджой из Пайка. Гулкая Башня Сигарда получила свое название из-за громадного бронзового колокола, который в старину сзывал в замок горожан и селян, когда на западном горизонте показывались ладьи морских разбойников.

«Попробуй скажи ему, что за последние триста лет колокол звонил только однажды», — сказал Патрек Теону на другой день, поделившись с ним отцовскими наставлениями и кувшином зеленого яблочного вина.

«Это было, когда мой брат штурмовал Сигард». Лорд Ясон убил Родрика Грейджоя под стенами своего замка и отбросил островитян обратно в залив. «И если твой отец полагает, что я из-за этого питаю к нему вражду, то это лишь потому, что он не знал Родрика».

Они много смеялись над этим по дороге к одной любвеобильной молодой мельничихе, знакомой Патрека. Жаль, что теперь Патрека нет рядом. Маллистер он или нет, он был бы куда более приятным спутником, чем суровый старый священник, в которого превратился дядя Эйерон.

Дорога, по которой они ехали, вилась вверх по каменистым склонам. Вскоре море скрылось из виду, хотя в сыром воздухе по-прежнему пахло солью. Кони ровно шли в гору мимо пастушьей хижины и заброшенного рудника. Новый, благочестивый Эйерон Грейджой был не из разговорчивых, и они совершали путь в мрачном молчании.

— Лорд Винтерфелла теперь — Робб Старк, — не выдержал наконец Теон.

— Что один волк, что другой — разница невелика.

— Робб нарушил свою присягу Железному Трону и объявил себя Королем Севера. Там идет война.

— Вороны мастера летают над солью не хуже, чем над камнем. Твои новости давно устарели.

— Настали новые времена, дядя.

— Всякий новый день похож на старый.

— В Риверране думают по-другому. Там говорят, что красная комета — вестница нового века. Посланница богов.

— Да, это знак — только не от их богов, а от нашего. Это горящая головня, с какими ходили в старину. Пламя Утонувшего Бога воссияло из моря, и оно возвещает о высоком приливе. Пора ставить паруса и идти в чужие земли с огнем и мечом, как делывал он.

— Полностью с тобой согласен, — улыбнулся Теон.

— Бог спрашивает человека о согласии не больше, чем буря — дождевую каплю.

Эта капелька когда-нибудь станет королем, старик. Теону надоело слушать дядино ворчание. Он пришпорил коня и с улыбкой пустился рысью.

Солнце клонилось к закату, когда они достигли стен Пайка — темного каменного полумесяца между двумя утесами, с воротами посередине и тремя прямоугольными башнями с каждой стороны. Теон еще различал шрамы, нанесенные камню катапультами Роберта Баратеона. Новая южная башня поднялась над руинами старой, чуть светлее других и еще не

обросшая лишайником. В том месте Роберт проломил стену и ворвался в замок по щебню и мертвым телам с боевым молотом в руке, а Нед Старк шел рядом. Теон смотрел на них из безопасной Морской башни. Порой во сне ему все еще виделись факелы и слышался грохот рухнувших стен.

Ворота были открыты, заржавевшая решетка поднята — его ждали. Незнакомые стражники на стене смотрели, как Теон Грейджой возвращается домой.

За крепостной стеной с полсотни ярдов суши вели к морю и небу. Здесь помещались конюшни, псарня и еще кое-какие службы. Овцы и свиньи теснились в загонах, собаки бегали на воле. На юге вздымались утесы, и широкий каменный мост вел в Большой замок. Спрыгнув с седла, Теон услышал шум прибоя. Подошел конюх, чтобы принять лошадь. Пара тощих ребятишек и несколько невольников пялили на него глаза, но ни лорда-отца, ни кого-либо другого, памятного ему по детским годам, не было видно. «Хорошо же меня встречают», — подумал он.

Жрец остался в седле.

— Разве ты не останешься на ночь и не поделишь с нами мясо и мед, дядя?

— Мне было велено привезти тебя, и я тебя привез. Меня ждут дела моего бога. — Эйрон Грейджой повернул коня и проехал обратно в ворота под грязными пиками решетки.

Сгорбленная старая карга в бесформенном сером платье настороженно приблизилась к Теону.

— Милорд, меня послали показать вам ваши комнаты.

— Кто послал?

— Ваш лорд-отец.

Теон снял перчатки.

— Выходит, ты знаешь, кто я. Почему отец сам не вышел встретить меня?

— Он ждет вас в Морской башне, милорд. Когда вы отдохнете с дороги.

«А я-то считал Неда Старка холодным человеком».

— Ну а ты кто такая?

— Хелья, домоправительница в замке вашего лорда-отца.

— Прежде стюардом был Сайлас. Его еще звали Кислоротым. — Теон и сейчас помнил, как от старика разило винным духом.

— Он уж пять лет как помер, милорд.

— А что мейстер Квелен?

— Покоится в море. Теперь за воронами ходит Вендамир.

«Я здесь как чужой, — подумал Теон. — Все вроде по-прежнему — и все не так».

— Ладно, покажи мне комнаты, женщина.

Она с чопорным поклоном повела его к мосту. Что-что, а мост Теон помнил хорошо: его древние камни, скользкие от влаги и зеленые от лишайника, море, ревущее под ногами, словно дикий зверь, соленый ветер, хватяющий за одежду.

Представляя, как он вернется домой, Теон всегда рисовал себе уютную спальню в Морской башне, где обитал в детстве. Но старуха привела его в Кровавый замок. Комнаты здесь были больше и лучше обставлены, но холодные и сырые. Теону предоставили ряд покоев с потолками такими высокими, что они терялись во мраке. Возможно, он был бы более доволен, если бы не знал, что от этих самых комнат Кровавый замок и получил свое название. Тысячу лет назад здесь были убиты в своих постелях сыновья Речного короля, а их изрубленные на куски тела отправили отцу на материк.

Но Грейджоев в Пайке убивали лишь изредка, да и то собственные братья, а оба его брата мертвы. Не страх перед призраками заставлял Теона с неудовольствием оглядывать свое жилище. Драпировки на стенах позеленели от плесени, тюфяк отсырел и слежался, тростник на полу завял. Годы прошли с тех пор, как эти комнаты кто-то открывал. Сырость пронизывала до костей.

— Мне нужна горячая вода и огонь в камине, — сказал Теон старухе. — В других комнатах пусть разожгут жаровни, чтобы хоть немного согреть их. И, праведные боги, пришли кого-нибудь сменить этот тростник.

— Да, милорд. Как прикажете. — И старуха удалилась.

Вскоре ему принесли горячую воду — вернее, чуть теплую и вдобавок морскую, но он все-таки смыл дорожную пыль с лица, рук и волос. Пока двое невольников разжигали жаровни, он снял грязное дорожное платье и оделся для встречи с отцом. Он выбрал сапоги из тонкой черной кожи, мягкие шерстяные серебристо-серые бриджи и черный бархатный дублет с золотым кракеном Грейджоев на груди. На шею он надел тонкую золотую цепь и опоясался ремнем из беленой кожи. На одном бедре он прицепил кинжал, на другом — длинный меч в полосатых, черных с золотом ножнах. Попробовав кинжал на пальце, он вынул из сумки на поясе точильный брусок и несколько раз провел им по лезвию. Он гордился тем, что оружие у него всегда острое.

— Чтоб к моему возвращению тростник сменили, а в комнате было тепло, — приказал он невольникам, натягивая черные перчатки — шелковые, с тонким золотым узором.

Теон вернулся в Большой замок по крытому переходу. Эхо его шагов сливалось с неумолчным рокотом моря внизу. Чтобы попасть в Морскую башню на ее кривом каменном столбе, нужно было пройти еще три моста, более узких, чем этот. Последний был подвесным и от крепкого соленого ветра плясал под ногами, как живой. На середине пути душа у Теона ушла в пятки. Далеко внизу волны выбрасывали высокие плюмажи пены, разбиваясь о скалы. Мальчиком он запросто бегал по этому мосту даже темной ночью. Мальчишки не верят, что с ними может случиться худое, но взрослым лучше знать.

Серая деревянная дверь с железными гвоздями оказалась запертой изнутри. Он постучал в нее кулаком и выругался, когда щепка проткнула его перчатку. Дерево отсырело и крошилось, гвозди заржавели.

Миг спустя ему открыл стражник в черном железном панцире и круглом шлеме.

— Это вы будете сын?

— С дороги — не то сейчас узнаешь, кто я такой. — Страж отступил, и Теон поднялся по винтовой лестнице в горницу.

Отец, в длинном лежалом одеянии из тюленьих шкур, грелся у жаровни. Услышав шаги по камню, лорд Железных островов поднял глаза и взглянул на своего последнего оставшегося в живых сына. Отец был меньше ростом, чем запомнилось Теону, и очень худой. Бейлон Грейджой всегда был тощим, но теперь он выглядел так, будто боги положили его в котел и выварили все мясо, оставив на костях только кожу и волосы. Весь костлявый, жесткий, а лицо точно вытесали из кремня. Глаза тоже кремневые, черные и острые, а волосы от долгих лет и соленого ветра стали как зимнее море — серое, с белыми гребешками. Ничем не перевязанные, они свисали до самого пояса.

— Девять лет, так? — промолвил наконец лорд Бейлон.

— Десять. — Теон снял порванную перчатку вместе с целой.

— Они забрали мальчика. Кто ты теперь?

— Мужчина. Твоя кровь и твой наследник.

— Там видно будет, — проворчал лорд Бейлон.

— Будет, — пообещал Теон.

— Десять лет, говоришь ты. У Старка ты пробыл столько же, сколько и у меня. А теперь приехал как его посланник.

— Не его. Лорд Эддард мертв, обезглавлен королевой Ланнистер.

— Они оба мертвы. Старк и Роберт, разрушивший мои стены своими каменюгами. Я поклялся пережить их обоих и пережил. Но суставы мои по-прежнему ноют от холода и сырости, что живы эти двое, что нет. Так какой мне прок от их смерти?

— Есть прок. — Теон подошел поближе. — Я привез письмо...

— Это Нед Старк так одевал тебя? — прервал старик, прищурился. — Ему нравилось рядить тебя в шелк и бархат, как свою дочурку?

Кровь бросилась в лицо Теону.

— При чем здесь дочурка? Если тебе не по вкусу мой наряд, я сменю его.

— Придется сменить. — Лорд Бейлон встал, отбросив свои меха. — А эта цапка у тебя на шее — чем она куплена, золотом или железом?

Теон потрогал золотую цепь. Он забыл. Ведь это было так давно... Согласно старому закону, только женщины могли носить украшения, купленные за деньги, воин же снимал их с врагов, убитых его собственной рукой. Это называлось «платить железом».

— Ты краснеешь, как девушка, Теон. Я задал тебе вопрос. Ты платил за нее золотом или железом?

— Золотом, — сознался Теон.

Отец поддел цепь пальцами и дернул. Теону показалось, что у него сейчас оторвется голова, но цепь порвалась первой.

— Моя дочь взяла себе в любовники топор, и я не потерплю, чтобы мой сын обвешивался побрякушками, как шлюха. — Лорд Бейлон бросил порванную цепь в жаровню, на горящие угли. — Все так, как я и боялся. Зеленые земли размягчили тебя, и ты стал одним из Старков.

— Ошибаешься. Нед Старк был моим тюремщиком, и в крови у меня все те же соль и железо.

Лорд Бейлон отвернулся, грея над огнем костлявые руки.

— Однако старковский щенок шлет тебя ко мне, как ручного ворона, со своим письмишком в клюве.

— Это не письмишко, а важное письмо, и он пишет в нем то, что подсказал ему я.

— Значит, волчий король прислушивается к твоим советам? — Это как будто позабавило лорда Бейлона.

— Да, прислушивается. Мы охотились вместе, учились, делили мясо и мед, сражались бок о бок. Я заслужил его доверие. Он смотрит на меня как на старшего брата...

— Нет. — Отец ткнул пальцем ему в лицо. — Здесь, в Пайке, в моем присутствии, ты не будешь звать братом сына того человека, который предал твоих родных братьев мечу. Или ты забыл Родрика и Марона, кровь от крови твоей?

— Я ничего не забыл. — На самом-то деле Нед Старк не убивал его братьев. Родрика убил лорд Ясон Маллистер в Сигарде, Марон погиб под руинами старой южной башни... но Старк разделался бы с ними столь же быстро, доведись им встретиться в бою. — Я прекрасно помню моих братьев. — Он и правда помнил хмельные издевки Родрика заодно с

жестокими выходками и бесконечным враньем Марона. — Я помню и то, что отец мой был королем. — Он достал письмо Робба и подал его старику. — Вот, прочтите... ваше величество.

Лорд Бейлон взломал печать и развернул пергамент. Его черные глаза быстро забегали по строчкам.

— Итак, мальчишка дарит мне корону, а я за это должен истребить его врагов. — Тонкие губы старика искривились в улыбке.

— Робб сейчас у Золотого Зуба. Когда Зуб падет, он пройдет через холмы за один день. Лорд Тайвин стоит с войском в Харренхолле, отрезанный от запада, пленный Цареубийца сидит в Риверране. На западе Роббу противостоит только сир Стаффорд Ланнистер со своими зелеными новобранцами. Сир Стаффорд неизбежно займет позицию между армией Робба и Ланниспортом. Поэтому город будет не защищен, когда мы нагрянем на него с моря. И если боги нам помогут, Бобровый Утес тоже падет, прежде чем Ланнистеры спохватятся.

— Бобровый Утес никому еще не сдавался, — проворчал лорд Бейлон.

— Все когда-нибудь случается в первый раз. — Теон улыбнулся, предвкушая сладость этой победы, но не дождался ответной улыбки.

— Вот, значит, почему Робб Старк послал тебя сюда после столь долгого отсутствия? Чтобы добиться моего согласия на его план?

— Это мой план, а не Робба, — гордо заявил Теон, думая: «Победа тоже будет моей, а со временем и корона». — Я сам возглавлю атаку, если ты позволишь. В награду я попрошу пожаловать мне Бобровый Утес, когда мы отобьем его у Ланнистеров. — Владая Утесом, он удержит за собой Ланниспорт и золотые земли запада. Дом Грейджоев никогда еще не знал такого богатства и власти.

— Недурную награду ты требуешь за план и несколько чернильных строчек. — Отец перечел письмо. — Щенок ничего не говорит о награде. Он пишет письмо, что ты говоришь от его имени, я же должен выслушать тебя и отдать ему свои мечи и паруса, а он взамен даст мне корону. — Он впился в сына своими кремневыми глазами. — Даст мне корону, — резко повторил он.

— Он просто не так выразился, это следует понимать...

— Следует понимать так, как сказано. Мальчишка даст мне корону. А то, что дают, можно и отобрать. — Лорд Бейлон бросил письмо на угли, поверх цепочки. Пергамент съезжился, почернел и вспыхнул.

— Ты с ума сошел? — опешил Теон.

Отец вlepил ему пощечину.

— Следи за своим языком. Ты теперь не в Винтерфелле, а я не Робб Молокосос. Я Грейджой, Лорд-Жнец из Пайка, Король Соли и Камня, Сын Морского Ветра, и ни один человек не может дать мне корону. Я уплачу железную цену и сам возьму свою корону, как Уррон Красная Рука пять тысяч лет назад.

Теон попятился от внезапной вспышки отцовского гнева.

— Что ж, бери, — бросил он, чувствуя, как горит щека. — Назови себя Королем Железных островов, если охота... пока война не кончится и победитель, оглядевшись, не приметит старого дурака, сидящего на своих камнях с железной короной на голове.

Лорд Бейлон засмеялся:

— Что ж, по крайней мере ты не трус. Но и я не дурак. Для чего, по-твоему, я собрал свои корабли — чтобы они болтались на якоре? Я выкрою себе королевство огнем и мечом...

но не на западе и не по указке короля Робба Молокососа. Бобровый Утес чересчур силен, а лорд Тайвин уж больно хитер. Ланниспорт мы могли бы взять, но нипочем бы его не удержали. Нет, у меня на примете другое яблочко... может, не такое сладкое и сочное, но спелое, и устеречь его некому.

«О чем ты?» — мог бы спросить Теон, но он уже понял о чем.

Дотракийцы прозвали комету «шиерак кийя», кровавая звезда. Старики говорили, что она пророчит беду, но Дейенерис Таргариен впервые увидела ее на небе в ту ночь, когда сожгла кхала Дрого, в ту ночь, когда вылупились ее драконы. «Она возвещает о моем приходе, — говорила себе Дени, глядя в ночное небо. — Боги послали ее, чтобы указать мне путь».

Но когда она изложила эту мысль словами, ее служанка Дореа ахнула.

— В той стороне лежат красные земли, кхалиси. Страшные места — так говорят табунщики.

— Мы должны идти туда, куда указывает комета, — настаивала Дени. По правде сказать, другого пути у нее и не было.

Она не смела повернуть на север через безбрежный океан травы, именуемый Дотракийским морем. Первый же кхаласар, который встретится, поглотит горстку ее людей. Воинов убьют, а остальных возьмут в рабство. Земли Ягнячьего Народа к югу от реки для них тоже закрыты. Их слишком мало, чтобы обороняться даже от этих мирных людей, а у лхазарян нет причин любить их. Она могла бы двинуться вниз по реке в порты Меерен, Юнкай и Астапор, но Ракхаро заметил ей, что в ту сторону направился кхаласар Поно с тысячами пленных, чтобы продать их на невольничьих рынках, гниющими язвами усеивающих берега Залива Работорговцев.

— С чего мне бояться Поно? — возразила Дени. — Когда он бывал у Дрого, то всегда говорил со мной ласково.

— Ко Поно говорил с вами ласково, — сказал сир Джорах Мормонт, — но кхал Поно вас убьет. Он первым покинул Дрого, взяв с собой десять тысяч воинов, — а у нас их сто.

«Не сто, а четверо, — подумала Дени. — Остальные — это женщины, старики и мальчишки, еще не заплетающие волосы в косу».

— У меня есть драконы, — сказала она.

— Детеныши драконов. Один взмах аракха — и им конец, хотя Поно скорее всего оставит их себе. Драконьи яйца были ценнее рубинов, живой же дракон не имеет цены. Их всего трое на всем белом свете. Каждый, кто увидит их, захочет отнять, моя королева.

— Они мои, — свирепо отрезала она. Они родились из ее нужды и ее веры, из смерти ее мужа, и мертворожденного сына, и мейеги Мирри Маз Дуур. Дени вошла в огонь, давший им жизнь, и они сосали молоко из ее набухших грудей. — Никто не отнимет их у меня, пока я жива.

— После встречи с кхалом Поно вы недолго проживете. То же касается кхала Чхако и остальных. Надо идти туда, где их нет.

Дени назначила его первым своим гвардейцем... а поскольку совет Мормонта не расходился с предзнаменованием, путь ее был ясен. Созвав людей, она села на свою серебристую кобылу. Волосы ее сгорели в погребальном костре Дрого, и служанки облачили ее в шкуру храккара, белого льва Дотракийского моря, убитого покойным кхалом. Его устрашающая морда покрывала голый череп Дени, как капюшон, а мех плащом окутывал плечи и спину. Белый дракон, запустив острые коготки в львиную гриву, обвил хвостом руку Дени, а сир Джорах занял свое привычное место рядом с ней.

— Мы пойдем вслед за кометой, — сказала Дени своему кхаласару. Никто не произнес

ни слова против. Они были людьми Дрого, но теперь они — ее люди. Они нарекли ее Неопалимой и Матерью Драконов. Ее слово для них закон.

Они ехали ночью, а днем прятались от солнца под своими шатрами. Вскоре Дени поняла, что Дореа говорила правду. Это была негостеприимная страна. Они оставляли за собой мертвых и умирающих лошадей. Поно, Чхако и прочие увели с собой лучшее, что было в табунах Дрого, оставив Дени старых, тощих, хромых и злонравных животных. Так же обстояло дело и с людьми. «Они не сильные, — говорила себе Дени, — поэтому я должна быть сильной и за них тоже. Я не должна проявлять ни страха, ни слабости, ни сомнений. Как бы я ни боялась в душе, наружно я должна оставаться королевой». Она чувствовала себя старше своих четырнадцати лет. Если она и была когда-то ребенком, это время ушло.

На третий день похода у них умер первый человек. Беззубый старик с мутными голубыми глазами свалился с седла и больше уже не поднялся, а час спустя его не стало. Кровяные мухи жужжали над трупом, перенося его злосчастье на живых.

— Давно пора, — заявила Ирри, одна из служанок. — Человек не должен жить дольше, чем его зубы. — Остальные согласились с ней. Дени приказала убить самую слабую из полудохлых кляч, чтобы старику было на чем ехать в полночном краю.

Две ночи спустя умер грудной младенец, девочка. Мать ее выла весь день, но нечем было помочь ее горю. Бедная девчушка была слишком мала, чтобы ездить верхом. Бескрайние черные травы полночной страны не для нее — ей придется родиться в этом мире еще раз.

В красной пустыне корма было мало, а воды еще меньше. Это был унылый край низких холмов и голых, продуваемых ветром равнин. Руслу рек высохли, как мертвые кости. Кони щипали жесткую бурую призрак-траву, торчащую пучками у скал и сухих деревьев. Дени посылала вперед разведчиков, но они не находили ни родников, ни колодцев — только мелкие стоячие пруды, высыхающие под жарким солнцем. Чем дальше углублялись они в пустыню, тем меньше делались эти пруды и тем реже встречались. Если на этих пространствах из камня, песка и красной глины и обитали боги, то жесткие, сухие, глухие к молитвам о дожде.

Сначала у них вышло вино, потом перебродившее кобылье молоко, которое табунщики любят больше меда. На исходе были лепешки и вяленое мясо. Охотники не могли найти дичи, и они кормились мясом павших лошадей. Смерть следовала за смертью. Малые дети, старухи, больные, глупые и неосмотрительные — жестокая земля всех забирала себе. Дореа отошала, глаза у нее ввалились, и мягкие золотистые волосы высохли, как солома.

Дени голодала и терпела жажду наравне со всеми. Молоко в ее грудях иссякло, соски потрескались и кровоточили. Она худела день ото дня, пока не стала твердой, как палка, но боялась не за себя, а за драконов. Ее отца убили еще до ее рождения, как и ее отважного брата Рейегара. Мать умерла, производя ее на свет, пока снаружи ревела буря. Добрый сир Виллем Дарри, любивший ее по-своему, умер от долгой болезни, когда она была совсем еще маленькой. Ее брат Визерис, кхал Дрого, бывший ее солнцем и звездами, даже сын, которого она носила, — боги всех их взяли к себе. «Но моих драконов они не получают», — поклялась Дени.

Драконы были не больше тощих кошек, которых она видела в доме магистра Иллирио в Пентосе... пока не расправляли крылья. Каждое крыло было втрое больше самого детеныша — великолепно расцвеченный веер из прозрачной кожи, натянутой на длинные тонкие косточки. Если посмотреть как следует, дракон почти целиком состоял из шеи,

хвоста и крыльев. «Какие маленькие», — думала Дени, когда кормила их из рук. Вернее, пыталась кормить, потому что драконы ничего не ели. При виде кровавых кусочков конины они шипели, плевались, пускали дым из ноздрей, но есть не желали... пока Дени не вспомнила то, что рассказывал ей в детстве Визерис.

«Только драконы и люди едят мясо жареным», — говорил он.

Она велела своим служанкам зажарить конину дочерна, и драконы накинулись на нее с жадностью, выбрасывая головы вперед, как змеи. В день они поглощали такого обугленного мяса в несколько раз больше, чем весили сами, и наконец-то стали расти и крепнуть. Дени дивилась гладкости их чешуи и идущему от них жару... в холодные ночи казалось, что их тела дымятся.

Каждый вечер, когда кхаласар трогался в путь, она брала одного из драконов себе на плечо. Двух других Ирри и Чхику везли в сплетенной из шерсти клетке на шесте между своими конями. Они ехали следом за Дени, и она никогда не теряла их из виду. Только тогда они вели себя тихо.

— Драконов Эйегона называли в честь богов древней Валирии, — сказала она своим кровным всадницам однажды утром после долгого ночного перехода. — Дракона Висеньи звали Вхагар, дракона Рейенис — Мираксес, а Эйегон летал верхом на Балерионе, Черном Ужасе. Говорят, дыхание Вхагара было столь жарким, что плавало рыцарские доспехи и поджаривало человека внутри, Мираксес глотал коней целиком, а Балерион изрыгал пламя черное, как его чешуя, и крылья его были так огромны, что тень их накрывала целые города, когда он пролетал над ними.

Дотракийцы взирали на детенышей с тревогой. Самый крупный из трех был черный, лоснящийся, с ярко-алым узором на чешуе, крыльях и рожках.

— Кхалиси, — шепнул Агго, — вот он, Балерион, — он возродился снова.

— Очень может быть, кровь от моей крови, — серьезно ответила Дени, — но для этой новой жизни нам понадобится новое имя. Я назову всех троих именами тех, кого взяли у меня боги. Зеленый будет зваться Рейегалем, как мой отважный брат, погибший на зеленых берегах Трезубца. Белый с золотом будет Визерионом. Визерис был жесток, слаб и боязлив, тем не менее он был моим братом. Его дракон совершит то, чего не смог он.

— А черный? — спросил сир Джорах Мормонт.

— Черного я назову Дрогоном.

Но пока драконы благоденствовали, кхаласар ее таял на глазах, а земля вокруг делалась еще более скудной. Даже призрак-травы почти не стало. Лошади падали на ходу — их осталось так мало, что кое-кому пришлось тащиться дальше пешком. Дореа подхватила лихорадку, и с каждой лигой ей делалось все хуже. На губах и руках у нее вздулись кровавые пузыри, волосы выпадали клочьями, и однажды вечером она не смогла сесть на коня. Чхого сказал, что ее надо либо бросить, либо привязать к седлу, но Дени вспомнилась одна ночь в Дотракийском море, когда лиссенийка научила ее секретам любви, которыми она еще крепче привязала к себе Дрого. Она напоила Дореа водой из собственного бурдюка, положила ей на лоб влажную повязку и держала ее за руку, пока смерть не остановила лихорадочной дрожи. Только тогда Дени разрешила кхаласару продолжать путь.

Других путников им не встречалось. Дотракийцы стали боязливо поговаривать о том, что комета завела их в самые недра ада. Как-то утром, когда они разбили лагерь среди черных, изглоданных ветром камней, Дени спросила сира Джораха:

— Может быть, мы заблудились? Неужели у этой пустыни нет конца?

— Есть, — устало ответил он. — Я видел карты, составленные торговцами, моя королева. Немногие караваны прошли этот путь, но там, на востоке, лежат великие королевства и города, полные чудес: Йи Ти, Кварт, Асшай, что у Края Теней...

— Но доживем ли мы, чтобы их увидеть?

— Не стану лгать вам. Путь оказался труднее, чем я осмеливался предположить. — Лицо рыцаря было серым и изможденным. Рана на бедре, которую он получил в схватке с кровниками кхала Дрого, так и не зажила до конца. Дени видела, что он гримасничает, садясь на коня, и в седле сидит неловко. — Мы можем погибнуть, если пойдём дальше... но если мы повернем обратно, нам уж точно конец.

Дени поцеловала его в щеку. Он улыбнулся, и на душе у нее потеплело. «Я должна быть сильной за нас обоих, — подумала она. — Он рыцарь, но я — кровь дракона».

Следующий найденный ими пруд был обжигающе горяч, и от него несло серой, но их бурдюки почти совсем опустели. Дотракийцы охлаждали воду в горшках и кувшинах и пили еще теплой. Вкус был не менее скверным, чем запах, но вода есть вода, а их мучила жажда. Дени с отчаянием смотрела на горизонт. Их осталось две трети против прежнего, а красная пустыня все тянулась без конца и края. «Комета насмеялась надо мной, — подумала Дейенерис, взглянув на небо. — Неужели я прошла полмира и видела рождение драконов лишь для того, чтобы умереть вместе с ними в этой раскаленной пустыне?» Она не могла в это поверить.

Рассвет нового дня застал их на растрескавшейся красной равнине. Дени уже хотела скомандовать привал, когда высланные ею разведчики галопом вернулись назад.

— Там город, кхалиси, — кричали они. — Бледный, как луна, и прекрасный, как девушка. До него ехать час, не больше.

— Показывайте, — сказала она.

Город, представший перед ней, со своими белыми, мерцающими башнями и стенами был так красив, что она приняла его за мираж.

— Не знаешь ли ты, что это за место? — спросила она сира Джораха.

Рыцарь устало качнул головой:

— Нет, моя королева. Так далеко на востоке я никогда не бывал.

Мерцающие белые стены сулили отдых и покой, возможность поправиться и окрепнуть. Дени хотелось одного: ринуться к ним во весь опор, но вместо этого она сказала своим кровным всадникам:

— Кровь моей крови, ступайте вперед и узнайте, как называется этот город и какого приема мы можем там ожидать.

— Будет исполнено, кхалиси, — сказал Агго.

Немного времени спустя они вернулись. Ракхаро перегнулся с седла. На его поясе из медальонов висел большой изогнутый аракх, который Дени вручила ему, назвав своим кровным всадником.

— Это мертвый город, кхалиси, без имени и бога, с выломанными воротами. Только ветер да мухи гуляют по его улицам.

Чхику содрогнулась:

— Там, где нет богов, по ночам правят пир злые духи. Таких мест лучше избегать — это все знают.

— Это все знают, — согласилась Ирри.

— Все, ноне я. — Дени, послав коня вскачь, первая въехала в разрушенные ворота на

тихую улицу. Сир Джорах и кровные всадники последовали за ней, а дальше потянулись все прочие.

Она не знала, давно ли покинут этот город, но его белые стены, такие красивые издали, потрескались и раскрошились. За ними тянулись путаные извилистые переулки с белеными, без окон, фасадами домов. Здесь существовал только белый цвет, как будто местные жители не имели понятия о красках. Кое-где на месте домов остались только груды щебня, в других местах виднелись следы пожара. Там, где сходились шесть улиц, Дени увидела пустой мраморный постамент. По всей видимости, здесь побывали дотракийцы. Быть может, статуя, некогда украшавшая этот постамент, стоит вместе с другими похищенными богами в Вейес Дотрак, и она, Дени, раз сто проезжала мимо нее. Визерион у нее на плече зашипел.

Они разбили лагерь перед разоренным дворцом, на обдуваемой ветром площади, где между камнями росла призрак-трава. Дени послала мужчин обследовать руины. Они пошли неохотно, но все-таки пошли... и вскоре один покрытый шрамами старик вернулся, подпрыгивая и ухмыляясь, с руками, полными фиг. Плоды были маленькие и сморщенные, но люди накинудились на них, отталкивая друг друга и запихивая фиги себе за щеки.

Другие посланцы тоже доложили о плодовых деревьях, укрытых в тайных садах за стенами домов. Агго нашел дворик, увитый лозами мелкого зеленого винограда, Чхого обнаружил колодец с чистой холодной водой. Попадались им и кости непогребенных с выбеленными солнцем, проломленными черепами.

— Призраки, — бормотала Ирри. — Страшные духи. Нам нельзя оставаться здесь, кхалиси, — это их место.

— Я не боюсь призраков. Драконы сильнее их. — (А фиги важнее.) — Ступайте с Чхику, найдите мне чистого песка для омовения и не докучайте больше своими глупыми разговорами.

В прохладе своего шатра Дени жарила на углях конину и думала, как быть дальше. Здесь есть вода и пища и достаточно травы, чтобы подкормить коней. Приятно каждый день просыпаться на том же месте, бродить по тенистым садам, есть фиги и пить холодную воду сколько душе угодно.

Ирри и Чхику вернулись с ведрами белого песка, Дени разделась, и они отскребли ее дочиста.

— У тебя отрастают волосы, кхалиси, — заметила Чхику, сдувая песок с ее спины. Дени провела рукой по голове — она и правда покрылась пушком. Дотракийские мужчины заплетают волосы в длинные намащенные косы и стригут только тогда, когда терпят поражение. «Быть может, и мне следует так делать, — подумала она, — чтобы все помнили, что сила Дрого теперь живет во мне. Кхал Дрого умер с неостриженными волосами — немногие могли похвалиться этим».

Рейегаль расправил зеленые крылья, пролетел с полфута и шлепнулся на ковер. Упав, он в ярости забил хвостом, вытянул шею и завопил. «Будь у меня крылья, мне бы тоже хотелось летать», — подумала Дени. Таргариены былых времен отправлялись на войну верхом на драконах. Она попыталась представить себе, каково это — лететь по воздуху, сидя на шее дракона. Должно быть, так же, как когда стоишь на вершине горы, — только лучше. Ты видишь под собой весь мир. Если подняться повыше, можно увидеть даже Семь Королевств и дотронуться рукой до кометы.

Ирри нарушила ее думы, сказав, что снаружи ждет сир Джорах Мормонт.

— Впусти его, — велела Дени. Натертая песком кожа горела. Она завернулась в свою

львиную шкуру. Храккар был куда больше ее и прикрывал все, что следовало прикрыть.

— Я принес вам персик, — сказал, преклонив колени, сир Джорах. Персик был такой маленький, что поместился у нее на ладони, и переспелый, но, откусив от него, Дени чуть не заплакала. Она ела его медленно, смакуя каждый кусочек. Сир Джорах сказал, что сорвал его с дерева близ западной стены.

— Вода, фрукты и тень, — молвила перемазанная сладким соком Дени. — Сами боги привели нас в это место.

— Мы должны отдохнуть здесь, пока не наберемся сил. Красные земли немилостивы к слабым.

— Мои служанки говорят, что здесь водятся призраки.

— Призраки водятся везде. Мы носим их с собой, куда бы ни отправились.

«Это верно, — подумала она. — Визерис, кхал Дрого, мой сын Рейего — они всегда со мной».

— Как зовут твоего призрака, Джорах? Моих ты знаешь.

— Линесса, — с застывшим лицом сказал он.

— Твоя жена?

— Вторая жена.

Дени видела, что ему больно говорить о ней, но ей хотелось узнать, в чем тут дело.

— Больше ты ничего не хочешь сказать? — Львиная шкура соскользнула с плеча, и Дени поправила ее. — Она была красива?

— Очень красива. — Взгляд сира Джораха скользнул от ее плеча к лицу. — Увидев ее впервые, я подумал, что сама Дева спустилась к нам с небес. По рождению она гораздо выше, чем я. Она была младшей дочерью лорда Лейтона Хайтауэра из Староместа. Белый Бык, командовавший гвардией вашего отца, — ее двоюродный дядя. Хайтауэры — старинный род, очень богатый и очень гордый.

— И преданный, — сказала Дени. — Я помню, Визерис говорил, что Хайтауэры остались верны моему отцу.

— Да, это правда.

— Брак устроили ваши отцы?

— Нет. Наша женитьба — долгая и скучная история, ваше величество. Я не хотел бы утомлять вас.

— Мне все равно нечего делать. Пожалуйста, расскажи.

— Как прикажет моя королева. — Сир Джорах нахмурился. — Моя родина... вы должны понять это, чтобы понять все остальное. Медвежий остров прекрасен, но очень далек. Представьте себе старые скрюченные дубы и высокие сосны, цветущий терновник, серые камни, поросшие мхом, ледяные речки, сбегаящие с крутых холмов. Усадьба Мормонтов построена из огромных бревен и окружена земляным валом. Мой народ, не считая немногих земледельцев, живет на берегу и промышляет морем. Остров лежит далеко на севере, и зимы у нас суровее, чем вы можете себе вообразить, кхалиси.

Однако мой остров вполне устраивал меня, и я никогда не испытывал недостатка в женщинах. Были у меня и рыбачки, и крестьянские дочки — и до свадьбы, и после. В первый раз я женился молодым, на девице, которую выбрал мне отец, — на Гловер из Темнолесья. Мы прожили с ней десять лет или около того. Она была нехороша собой, но доброго нрава. Я привязался к ней на свой лад, хотя нас связывал скорее долг, нежели страсть. Трижды она выкидывала, пытаясь родить мне наследника. После третьего раза она так и не оправилась и

вскоре умерла.

Дени легонько сжала его руку.

— Мне очень жаль.

Сир Джорах кивнул:

— К тому времени мой отец надел черное, и я стал полноправным лордом Медвежьего острова. У меня не было нужды в брачных предложениях, но прежде чем я успел принять решение, лорд Бейлон Грейджой поднял восстание против узурпатора, и Нед Старк созвал свои знамена на подмогу другу Роберту. Решающая битва произошла на Пайке. Когда камнеметные машины Роберта пробили стену короля Бейлона, первым в брешь ворвался жрец из Мира, но я ненадолго отстал от него. Так я заслужил рыцарское звание.

Чтобы отпраздновать победу, Роберт устроил близ Ланниспорта турнир. Там я и встретил Линессу, девицу вдвое моложе меня. Она приехала из Староместа с отцом посмотреть, как состязаются ее братья. Я не мог оторвать от нее глаз. В припадке безумия я попросил у нее знак отличия, чтобы носить на турнире, не надеясь, что она исполнит мою просьбу, — но она ее исполнила.

Я дерусь не хуже всякого иного, кхалиси, но на турнирах никогда не блистал. Но, обвязав вокруг руки ленту Линессы, я стал другим человеком. Я выигрывал схватку за схваткой. Я свалил лорда Ясона Маллистера и Бронзового Джона Ройса. Сир Римаан Фрей, его брат сир Хостин, лорд Уэнт, Дикий Вепрь, даже сир Борос Блаунт из королевской Гвардии — никто не устоял передо мной. В последнем поединке я обломал девять копий о Джейме Ланнистера, и король Роберт увенчал меня лаврами победителя. Я короновал Линессу королевой любви и красоты и в тот же вечер пошел к ее отцу и попросил ее руки. Я был пьян — и от вина, и от славы. По всем статьям меня следовало бы с позором отправить прочь, но лорд Лейтон принял мое предложение. Мы поженились там же, в Ланниспорте, и две недели не было на свете человека счастливее меня.

— Только две недели? — Даже Дени было отпущено больше счастья с Дрого, ее солнцем и звездами.

— Две недели ушло на то, чтобы доплыть от Ланниспорта до Медвежьего острова. Мой дом горько разочаровал Линессу. Там было слишком холодно, слишком сыро, слишком далеко, а замок казался ей бревенчатой хижинкой. Не было у нас ни скоморохов, ни балов, ни ярмарок. Редко-редко забредал к нам какой-нибудь певец, и золотых дел мастера на острове тоже не имелось. Даже еда обернулась мучением. Мой повар мало что умел готовить, кроме жареного мяса да похлебки, и Линессе скоро опротивела рыба и оленина.

Я жил ради ее улыбки. Я послал в Старомест за новым поваром и выписал из Ланниспорта арфиста. Я добывал ей все, чего она желала, — златокузнецов, ювелиров и портных, но этого было недостаточно. На Медвежьем острове много медведей и деревьев, а всего остального мало. Я построил для нее красивый корабль, и мы плавали в Ланниспорт и Старомест на празднества и ярмарки — однажды сходили даже в Браавос, где я занял у ростовщиков уйму денег. Я завоевал ее руку и сердце, как победитель турнира, поэтому я выходил на другие турниры ради нее, но волшебство утратило силу. Я так ни разу больше и не отличился, а каждое поражение означало потерю коня и турнирных доспехов — их приходилось выкупать или заменять новыми. Мне это было не по средствам. Наконец я настоял на возвращении домой, но там дела у нас пошли еще хуже, чем прежде. Я не мог больше платить повару и арфисту, а Линесса просто взбесилась, когда я заикнулся о том, чтобы заложить ее драгоценности.

А дальше... я стал делать вещи, о которых мне стыдно рассказывать. Ради золота — чтобы Линесса могла сохранить свои драгоценности, своего арфиста и своего повара. В конце концов я потерял все. Услышав, что Эддard Старк собирается на Медвежий остров, я до того забыл о чести, что не решился предстать перед его судом и бежал, взяв с собой жену. Ничто не имеет значения, кроме нашей любви, говорил я себе. Мы бежали в Лисс, и я продал свой корабль, чтобы как-то прожить.

Видно было, что рассказ причиняет ему боль, и Дени не хотелось его принуждать, но ей нужно было знать, чем все это закончилось.

— Она умерла там? — мягко спросила Дени.

— Только для меня. Через полгода все золото вышло, и мне пришлось стать наемным солдатом. Пока я сражался с браавосцами на войне, Линесса перебралась в дом купеческого старшины Трегара Ормоллена. Говорят, она теперь его главная наложница и даже его жена ее боится.

Дени ужаснулась:

— И ты ее ненавидишь?

— Почти так же сильно, как люблю. Прошу извинить меня, моя королева, — я очень устал.

Дени отпустила его, но, когда он уже собрался выйти, она не удержалась и спросила:

— Какая она была, твоя леди Линесса?

— Она немного похожа на вас, Дейенерис, — печально улыбнулся сир Джорах. — Сладких вам снов, моя королева.

Дени, вздрогнув, плотнее закуталась в львиную шкуру. «Похожа на меня». Это объясняет то, чего Дени прежде не понимала. «Он хочет меня, — сказала она себе. — Он любит меня, как любил ее, — не как рыцарь свою королеву, а как мужчина женщину». Она попыталась представить себе, как целует сира Джораха, ласкает, как он входит в нее, — но тщетно. Закрывая глаза, она видела не его, а Дрого.

Кхал Дрого был ее солнцем и звездами, ее первым мужчиной — а может быть, и последним. Мейега Мирри Маз Дуур поклялась, что Дени никогда не родит живое дитя — кто же захочет взять ее, бесплодную, в жены? И разве может кто-нибудь соперничать с Дрого, кто умер, ни разу не обрезав волос и теперь ведет свой звездный кхаласар по полночным землям?

Она слышала, с какой тоской сир Джорах говорил о своем Медвежьем острове. «Меня он никогда не получит, но когда-нибудь я верну ему его дом и честь. Это я могу сделать и сделаю».

Никакие призраки в ту ночь не тревожили ее сон. Ей снился Дрого и то, как они впервые ехали с ним рядом в ночь их свадьбы. Только во сне под ними были не кони, а драконы.

Наутро она призвала к себе своих кровных всадников:

— Кровь моей крови, вы нужны мне. Каждый из нас выберет себе трех лошадей, самых крепких и здоровых из тех, что у нас остались. Нагрузите на них воды и провизии, сколько увезут, и отправляйтесь в дорогу. Агго поедет на юго-запад, Ракхаро прямо на юг, ты же, Чхого, — на юго-восток за шиерак кийя.

— Что мы должны искать, кхалиси? — спросил Чхого.

— Все, что встретится впереди. Другие города, живые и мертвые. Караваны и оседлых жителей. Реки, озера и большое соленое море. Узнайте, как далеко простирается эта пустыня

и что лежит по ту ее сторону. Я не намерена снова искать дорогу вслепую, когда покину это место. Я должна знать, куда ехать и как лучше добраться туда.

И они уехали, позвякивая колокольчиками в волосах, а Дени с горсткой живых осталась в городе, который они называли Вейес Толорро. Город Костей. Дни шли за днями. Женщины собирали фрукты в садах мертвецов, мужчины чистили коней и чинили седла, стремяна и обувь. Дети бегали по улицам, собирая старые бронзовые монеты, осколки пурпурного стекла и каменные кувшинчики с ручками в виде змей. Одну женщину ужалил красный скорпион, но больше смертей не было. Лошади начали прибавлять в теле. Дени лечила рану сира Джораха сама, и та заживала.

Ракхаро вернулся первым. «На юге красная пустыня тянется бесконечно, — сказал он, — а после упирается в дурную горькую воду. Ничего там нет, кроме песков, обветренных скал и колючей поросли». Он клялся, что видел скелет дракона — такой огромный, что проехал на коне сквозь его большие черные челюсти. Больше ничего примечательного ему не встретилось.

Дени дала ему дюжину самых сильных мужчин и велела им перекопать площадь. Если между камнями растет призрак-трава, прорастут и другие травы, когда камни уберут. В воде у них недостатка нет — скоро площадь зазеленеет.

Вторым вернулся Агго. «На юго-западе все голо и выжжено», — сказал он. Агго нашел руины еще двух городов — меньше, чем Вейес Толорро, но в остальном таких же. Один из них охраняли черепа, воздетые на ржавые железные пики, и он не решился войти туда, но второй обследовал по мере возможности. Он показал Дени найденный там железный браслет с необработанным огненным опалом величиной с ее большой палец. Там были еще какие-то свитки, но они высохли и угрожали рассыпаться, поэтому Агго их не взял.

Дени поблагодарила его и отправила чинить ворота. Если кто-то пересек пустыню в старину, чтобы завоевать эти города, такое могло повториться снова.

— На всякий случай мы должны быть готовы ко всему, — заявила она.

Чхого не было так долго, что Дени уже стала бояться за него, но наконец, когда его почти уже не ждали, он появился на юго-востоке. Один из часовых, выставленных Агго, увидел его первым и закричал. Дени взбежала на стену, чтобы посмотреть своими глазами. Это была правда. Чхого вернулся, и не один. С ним ехали три незнакомца в причудливых одеждах, верхом на безобразных горбатых животных крупнее лошади.

Они остановились у городских ворот и подняли головы к Дени.

— Кровь моей крови, — сказал Чхого, — я доехал до большого города Кварта и вернулся с тремя людьми, которые захотели сами посмотреть на тебя.

— Что ж, смотрите, если охота, — сказала Дени, — но сперва назовите мне свои имена.

Бледный синегубый человек ответил на гортанном дотракийском:

— Я Пиат Прей, великий маг.

Лысый с драгоценным кольцом в носу ответил на валирийском Вольных Городов:

— Я Ксаро Ксоан Даксос из числа Тринадцати, купецкий старшина Кварта.

Женщина в лакированной деревянной маске ответила на общем языке Семи Королевств:

— Я Куэйта из Края Теней. Мы хотим видеть драконов.

— Вы их увидите, — сказала им Дейенерис Таргариен.

На старых картах Сэма эта деревня называлась Белое Дерево. По мнению Джона, это место не заслуживало звания деревни: четыре хижины из неоштукатуренного камня вокруг пустого овечьего загона и колодца. Домишки были крыты дерном, окна затянуты обтрепавшимися кожами. Над ними простирались белые ветви и темно-красные листья чудовищно громадного чардрева.

Это было самое большое дерево, которое Джону Сноу доводилось видеть: ствол добрых восьми футов в обхвате, а ветви укрывали своим пологом всю деревню. Но тревогу в нем вызывала не столько величина дерева, сколько лицо на нем, особенно рот: не просто щель, как обычно, а дупло с рваными краями, где могла поместиться целая овца.

Но там, внутри, не овечьи кости — и в пепле лежит не овечий череп.

— Старое дерево, — хмуро произнес Мормонт с седла.

— Старое, — подтвердил ворон у него на плече. — Старое, старое, старое.

— И сильное. — Джон чувствовал его мощь.

Торен Смолвуд спешил рядом со стволом, весь черный в своем панцире и кольчуге.

— Гляньте-ка на эту образину. Неудивительно, что люди боялись их, когда впервые пришли в Вестерос. Так бы и срубил эту погань.

— Мой отец верил, что перед сердце-деревом солгать нельзя, — сказал Джон. — Старые боги знают, когда человек лжет.

— Мой отец тоже в это верил, — сказал Старый Медведь. — Дай-ка мне взглянуть на этот череп.

Джон спешил. За спиной у него в черных кожаных ножнах висел Длинный Коготь, полутораручный бастардный^[2] клинок, который подарил ему Старый Медведь за спасение своей жизни. Бастардный меч для бастарда, пошучивали братья. Рукоять для него переделали по-новому, снабдив ее волчьей головой из бледного камня, клинок же был из валирийской стали — старый, легкий и смертельно острый.

Став на колени, Джон запустил руку в перчатке в дупло, красное от высохшего сока и почерневшее от огня. Под черепом лежал еще один, поменьше, с отломанной челюстью, полусасыпанный пеплом и осколками костей.

Старый Медведь, взяв его обеими руками, заглянул в пустые глазницы.

— Одичалые сжигают своих мертвых — мы всегда это знали. Жаль, что я не спросил, почему они это делают, когда их еще можно было найти кое-где.

Джон вспомнил упыря с горящими синими глазами на бледном мертвом лице. Теперь-то уж ясно почему.

— Если бы кости могли говорить, этот парень рассказал бы нам о многом, — проворчал Мормонт. — Как он умер, кто сжег его и зачем. И куда девались одичалые. — Он вздохнул. — Дети Леса, говорят, умели разговаривать с мертвыми, но я не умею. — Он швырнул череп обратно в дупло, подняв облачко пепла. — Обшарьте эти дома, а ты, Великан, полезай на дерево и оглядись. Надо и собак попробовать. Может, на этот раз след окажется посвежее. — Но было ясно, что он не особенно на это надеется.

Дозорные разошлись по домам попарно, чтобы ничего не пропустить. Джону достался Эддисон Толетт, тощий как пика оруженосец, которого братья прозвали Скорбным Эддом.

— Мало нам того, что мертвые встают, — сказал он Джону. — Старый Медведь хочет,

чтоб они еще и заговорили. Это добром не кончится, ручаюсь. И кто сказал, что кости не лгут? Почему это мертвый должен быть правдивее или умнее, чем при жизни? Скорей всего он стал бы ныть и жаловаться — земля, мол, чересчур холодна, надгробная плита мала, да и червей у других побольше, чем у него...

Джону пришлось пригнуться, чтобы пройти через низкую дверь. Внутри был плотно утопанный земляной пол — никакой мебели, никаких признаков, что здесь жили люди, если не считать золы под дымовым отверстием в крыше.

— Хорошо жильё, нечего сказать, — заметил он.

— Я тоже родился в таком вот доме, — пригорюнился Скорбный Эдд. — И провел в нем свои лучшие годы — все плохое началось потом. — В одном углу валялась куча соломы, и Эдд посмотрел на нее с тоской. — Я отдал бы все золото Бобрового Утеса, лишь бы снова поспать в постели.

— Вот это ты называешь постелью?

— Я называю постелью все, что мягче земли и имеет над собой крышу. — Эдд понюхал воздух. — Навозом пахнет.

— Да, только старым. — Запах был очень слаб — видимо, дом покинули уже довольно давно. Джон порылся в соломе, чтобы проверить, не спрятано ли чего внизу, и обошел стены. Это не заняло у него много времени. — Тут ничего нет.

Он и не ожидал ничего найти. Белое Древо — четвертая деревня, которую они проезжают, и все четыре заброшены. Люди ушли, забрав свои скудные пожитки и всю живность, которую имели. Следов нападения нигде не замечалось. Пусто, только и всего.

— Как ты думаешь, что могло с ними случиться? — спросил Джон.

— Такое, что мы и вообразить себе не можем, — заверил Скорбный Эдд. — Я, впрочем, могу, только говорить не хочу. Довольно одного знания, что всех нас ждет гибель, — незачем думать об этом заранее.

Две собаки обнюхивали дверь изнутри, остальные рыскали по деревне. Четт ругал их почем зря со злостью, которая, похоже, никогда его не покидала. При свете, проникающем сквозь красные листья чардрева, прыщи у него на лице казались еще ярче. Увидев Джона, он сузил глаза — любви они друг к другу не питали.

В других домах тоже ничего не нашлось.

— Ушли, — крикнул ворон Мормонта, взлетев на ветку чардрева. — Ушли, ушли, ушли.

— Год назад в Белом Древе еще жили одичалые. — Торен Смолвуд, в черной блестящей кольчуге и чеканном панцире сира Джареми Риккера, больше походил на лорда, чем сам Мормонт. Тяжелый плащ, подбитый сободем, был застегнут скрещенными серебряными молотами Риккером. Плащ тоже принадлежал раньше сире Джареми... но сира Джареми убил упырь, а в Ночном Дозоре ничего даром не пропадает.

— Год назад королем был Роберт, и в стране царил мир, — заметил коренастый Джармен Баквел, командир разведчиков. — За год многое может измениться.

— Неизменным остается одно, — вставил сир Малладор Локе, — чем меньше одичалых, тем меньше хлопот. Что бы там с ними ни стряслось, я по ним плакать не стану. Грабители и убийцы, все до одного.

Красные листья над Джоном зашуршали, сучья разошлись, и показался человек, скачущий с ветки на ветку, как белка. Бедвик был ростом не выше пяти футов, и только седина в волосах выдавала его возраст. Другие разведчики прозвали его Великаном. Сидя в развилке у них над головой, он сказал:

— На севере какая-то вода — озеро, что ли. На западе кремнистые холмы, не очень высокие. Больше ничего не видать, милорды.

— Заночевать можно здесь, — предложил Смолвуд.

Старый Медведь взглянул на небо сквозь белые ветки и красные листья чардрева.

— Нет. Великан, сколько там еще до заката?

— Три часа, милорд.

— Пойдем на север, — решил Мормонт. — Если успеем добраться до озера, разобьем лагерь на берегу, авось и рыбы наловим. Джон, тащи бумагу, надо написать мейстеру Эйемону.

Джон нашел в седельной сумке пергамент, перо и чернила и принес лорду-командующему.

«В Белом Древе, — нацарапал Мормонт. — Четвертая деревня, и все пусты. Одичалые уши».

— Найди Тарли, и пусть он это отправит. — Мормонт свистнул, ворон слетел к нему, сел на голову коня, покрутил головой и сказал:

— Зерно. — Конь заржал.

Джон развернул своего лохматого конька. За чардревом росли другие деревья, поменьше, и Дозорные, расположившись под ними, чистили коней, жевали солонину, справляли нужду, чесались и разговаривали. Получив команду двигаться дальше, они умолкли и расселись по коням. Сначала отправились передовые Джармена Баквела, потом авангард под командованием Торена Смолвуда. Далее следовал Старый Медведь со своим отрядом, сир Малладор Локе с вьючными лошадьми и наконец арьергард сира Оттина Уитерса. Итого двести человек и в полтора раза больше лошадей.

Днем они ехали по звериным тропам и вдоль ручьев, «дорогами Дозора», забираясь все дальше и дальше в глушь, ночью разбивали лагерь под звездным небом и видели над собой комету. Из Черного Замка братья выехали в хорошем настроении, с шутками и прибаутками, но мрачное молчание леса скоро взяло свое. Шутки стали реже, а ссоры чаще. Никто не желал сознаваться, что он боится — они как-никак были Ночным Дозором, — но Джон чувствовал, как им тревожно. Четыре пустых деревни, ни одного одичалого, даже дичь куда-то подевалась. Зачарованный Лес никогда еще не казался более зачарованным — это признавали даже ветераны.

Джон снял перчатку, чтобы дать подышать обожженным пальцам. Экий мерзкий вид. Он вдруг вспомнил, как ерошил волосы Арье. Его сестричка, тоненькая как прутик. Как-то она теперь? Ему было немного грустно думать, что он, может быть, никогда уже не взлохматит ей волосы. Он стал сгибать и разгибать пальцы. Если боевая рука оцепенеет и утратит гибкость, это может для него плохо кончиться. За Стену без меча лучше не соваться.

Сэмвелл Тарли был там же, где другие стюарды, и поил своих лошадей. Их у него на попечении было трое: его собственная и две вьючных, каждая из которых везла большую плетеную клетку с воронами. Птицы, завидев Джона, захлопали крыльями и подняли шум. Некоторые их крики подозрительно напоминали слова.

— Ты что, говорить их учишь? — спросил Джон Сэма.

— Так, понемножку. Трое уже умеют говорить «снег» и «Сноу».

— С меня довольно и одной птицы, которая кличет меня по имени, а «снег» для черного брата слово не слишком приятное. — Снег на севере часто означает смерть.

— Что там, в Белом Древе?

— Кости, пепел и пустые дома. — Джон подал Сэму свернутый пергамент. — Старый Медведь велел отправить это Эйемону.

Сэм взял птицу из клетки, погладил ей перья, прикрепил письмо и сказал:

— Лети домой, храбрец. Домой. — Ворон каркнул что-то в ответ, и Сэм подкинул его в воздух. Тот захлопал крыльями и полетел ввысь сквозь кроны деревьев. — Жаль, что он и меня не может прихватить с собой.

— Все маешься?

— Д-да... но уже не так боюсь, как раньше, правда. В первую ночь, когда кто-нибудь вставал отлить, мне каждый раз казалось, что это одичалые крадутся, чтобы перерезать мне глотку. Я боялся, что если закрою глаза, то больше уж их не открою... но в конце концов все-таки рассвело. — Сэм заставил себя улыбнуться. — Может, я и трус, но не дурак. У меня все тело ноет от езды и ночевки на земле, но я почти уже совсем не боюсь. Смотри. — Он вытянул руку — показать, что она не дрожит. — И я работаю над своими картами.

«Странное дело, — подумал Джон. — Двести храбрых мужчин отправились за Стену, и единственный из них, кто стал бояться не больше, а меньше, — это Сэм, сам себя признающий трусом».

— Мы еще сделаем из тебя разведчика. Глядишь, и в передовых окажешься, как Гренн. Может, мне поговорить на этот счет со Старым Медведем?

— Посмей только! — Сэм натянул на голову капюшон своего необъятного черного плаща и взгромоздился на лошадь. Она была ездовая, медлительная и неповоротливая, но лучше подходила для его веса, чем маленькие коньки, на которых ехали разведчики. — Я надеялся, что мы останемся ночевать в деревне, — с грустью сказал он. — Хорошо бы снова поспать под крышей.

— Крыш там все равно на всех не хватило бы. — Джон улыбнулся Сэму на прощание и отъехал. Почти вся колонна уже выступила в путь, и он двинулся в объезд деревни, чтобы избежать толкотни. Он уже посмотрелся на Белое Древо.

Призрак выскочил из подлеска так внезапно, что конь шарахнулся и взвился на дыбы. Белый волк, когда охотился, убегал далеко, но везло ему ненамного больше, чем фуражирам, которых посылал за дичью Смолвуд. Дайвен как-то у костра сказал Джону, что в лесу так же пусто, как и в деревнях. «Ну, нас ведь много, — ответил Джон. — И шум, который мы производим, наверно, распугивает дичь». «Так оно или нет, что-то ее распугало — это точно».

Конь успокоился, и Призрак потрусил рядом. В зарослях терновника Джон поравнялся с Мормонтом.

— Ну что, отправили птицу? — спросил Старый Медведь.

— Да, милорд. Сэм учит их говорить.

— Он еще пожалеет об этом, — фыркнул Старый Медведь. — Шуму от этих проклятых тварей хоть отбавляй, а путного ничего не услышишь.

Некоторое время они ехали молча. Потом Джон сказал:

— Если мой дядя тоже нашел эти деревни пустыми...

— ...то захотел узнать причину этого, — закончил за него лорд Мормонт, — но кому-то или чему-то нежелательно было, чтобы он узнал. Ну что ж, с Куореном нас будет триста, и враг, кто бы он ни был, нас просто так не возьмет. Мы найдем его, Джон, обещаю.

«Или они нас», — подумал Джон.

Река сине-зеленой лентой сверкала под утренним солнцем. По ее берегам густо рос тростник, и Арья заметила, как побежали круги от скользящей по мелководью водяной змеи. Вверху лениво кружил ястреб.

Все здесь казалось таким мирным... пока Косс не нашел мертвеца.

— Вон там, в тростнике, — показал он, и Арья тоже увидела. Тело солдата безобразно раздулось. Его зеленый плащ зацепился за корягу, и маленькие серебристые рыбки объедали ему лицо.

— Говорил я вам, что тут мертвяки, — сказал Ломми, — раз вода мертвечиной отдает.

Йорен, увидев труп, плюнул.

— Доббер, погляди, есть ли на нем что ценное. Кольчуга, нож, пара монет — все равно. — Пришпорив своего мерина, он въехал в реку, но конь увяз в мягком иле, и за тростниками было глубоко. Йорен сердито повернул назад — мерин до колен перемазался в бурой жиже. — Тут нам не перейти. Косс, ступай вверх по течению и поищи брод, а вы, Уот и Горрен, поезжайте вниз. Мы будем ждать вас здесь. Поставьте часовых.

Доббер нашел у мертвеца на поясе кожаный кошелек с четырьмя медяками и локоном светлых волос, перевязанным красной лентой. Ломми и Тарбер, раздевшись догола, полезли в воду, и Ломми стал кидаться в Пирожка илом, крича:

— Пирожок из грязи! Пирожок из грязи!

Рорж в повозке ругался, грозился и требовал расковать его, пока Йорена нет, но никто не обращал на него внимания. Курц поймал рыбу голыми руками. Арья видела, как он это сделал: он стоял на мелководье, спокойный, как вода, а потом его рука метнулась, как змея, и схватила плывущую мимо рыбу. Это проще даже, чем ловить кошек, — у рыб-то когтей нет.

Разведчики вернулись в середине дня. Уот доложил, что на милю вниз был деревянный мост, только его кто-то сжег. Йорен оторвал от кипы порцию кислостла.

— С лошадьми, да и с ослами, мы могли бы переправиться вплавь, но повозки нам не перетащить. Притом на севере и западе дым, сплошные пожары — лучше нам, думаю, остаться на этом берегу. — Он взял прутик и нарисовал в грязи круг, проведя от него черту. — Это Божье Око, река течет от него на юг. Мы сейчас вот здесь. — Он ткнул прутом рядом с линией. — С запада, как я намеревался, озеро нам обойти не удастся, а восточный берег выведет нас обратно на Королевский Тракт. — Йорен показал туда, где линия соединялась с кругом. — Здесь, сколько мне помнится, должен быть город, крепость с каменной стеной, и господская усадьба там есть — не из важных, но у лорда наверняка имеется охрана или пара рыцарей. Если пойдем по реке на север, будем там еще засветло. У них должны быть лодки — продадим все, что у нас есть, и найдем одну. — Он провел линию через весь круг снизу доверху. — Если боги пошлют нам попутный ветер, мы приплывем вот сюда, в город Харрен, и купим там новых лошадей, а нет, так в Харренхолле остановимся. Это усадьба леди Уэнт, а она всегда была другом Дозора.

— В Харренхолле водятся привидения, — округлил глаза Пирожок.

— Тьфу на твои привидения, — плюнул Йорен. — По коням.

Арья помнила, что рассказывала о Харренхолле старая Нэн. Злой король Харрен заперся в его стенах, но Эйегон выпустил своих драконов, и пламя поглотило весь замок. Нэн говорила, что огненные духи до сих пор посещают почерневшие башни. Бывало, что люди

ложились там спать в полном здравии, а утром их находили мертвыми, сторевшими. Арья не до конца в это верила — притом это было давно. Пирожок просто дурак — в Харренхолле живут не привидения, а рыцари. Арья сможет открыться леди Уэнт, и рыцари благополучно проводят ее домой. Рыцари всегда всех защищают, особенно женщин. Может быть, леди Уэнт даже маленькой плаксе окажет помощь.

Дорога вдоль реки хоть и не шла в сравнение с королевской, но была не в пример лучше, чем прежде, и повозки в кои-то веки катились гладко. За час до заката они увидели первое жильё — уютный домик с соломенной крышей посреди пшеничного поля. Йорен покричал, но никто ему не отозвался.

— Мертвые все, поди. Или попрятались. Доббер, Рей, за мной. — Они обследовали дом, и Йорен, вернувшись, проворчал: — Ни посуды, ни денег — хоть бы грош. Скотины тоже нет. Ушли хозяева скорее всего. Может, мы даже встретили их на Королевском Тракте. — Но тут хотя бы не было пожара и не валялись мертвые тела. На огороде за домом они накопили немного луку и кореньев и набрали целый мешок тыкв.

Чуть дальше по дороге стояла хижина лесника с нетронутой поленицей рядом, а над рекой на десятифутовых сваях торчал еще один домишко. Ни там ни сям никого не было. В полях зрели пшеница, кукуруза и ячмень, но дозорные не сидели на деревьях и не расхаживали по межам с серпами. Наконец показался городок — кучка белых домов вокруг крепостных стен, большая септа под деревянной кровлей, господская усадьба на пригорке в западном конце... и опять-таки ни единого человека.

Йорен хмуро призадумался, сидя на коне.

— Не нравится мне это — но делать нечего. Надо посмотреть как следует — может, народ где и прячется. Может, какие лодки остались либо оружие.

Оставив десятерых охранять повозки и маленькую плаксу, черный брат разделил остальных на четыре отряда по пять человек и послал обыскивать город.

— Смотрите в оба глаза и слушайте в оба уха, — наказал он им, а сам поехал в усадьбу лорда посмотреть, не осталось ли кого там.

Арья оказалась в одной компании с Джендри, Пирожком и Ломми. Толстопузый Уот прежде греб на галее, стало быть, мог сойти за моряка, поэтому их Йорен отрядил к озеру на поиски лодки. Они ехали мимо тихих белых домов, и у Арьи по телу бегали мурашки. Пустой город пугал ее почти так же, как сожженная деревня, где они нашли маленькую плаксу и однурукую женщину. Зачем люди ушли отсюда, бросив свои дома? Что могло нагнать на них такого страха?

Солнце уже садилось, и дома отбрасывали длинные тени. Внезапный стук заставил Арию схватиться за Иглу, но это всего лишь ставня хлопала на ветру. После речного простора городская теснота наводила тревогу.

Увидев между домами и деревьями озеро, Арья стиснула лошадь коленями, проскакав мимо Уота и Джендри, и вынеслась на зеленый луг у покрытого галькой берега. Под закатным солнцем тихая гладь озера сверкала, как чеканная медь. Арья еще не встречала таких больших озер — того берега не было видно. Слева на крепких деревянных столбах стояла над водой ветхая гостиница, справа вдавался в озеро длинный причал, а дальше к востоку тянулись другие деревянные пальцы, запущенные городом в воду. Но единственная лодка валялась у гостиницы с совершенно прогнившим днищем.

— Пусто, — разочарованно протянула Арья. Как же им теперь быть?

— А гостиница-то, — заметил Ломми, когда подъехали остальные. — Может, там еда

какая осталась? Или эль?

— Давай поглядим, — предложил Пирожок.

— Нечего тут, — рявкнул Уот. — Йорен велел искать лодку.

— Лодки все забрали. — Арья в душе знала, что это правда: можно обыскать хоть весь город, но, кроме этой гнилушки, все равно ничего не найдешь. Вода тихо плескалась вокруг ее ног. Появились светлячки, мигая своими огоньками. Зеленая вода была теплая, как слезы, но не соленая. От нее пахло летом, илом и всем, что растет. Арья погрузила в нее лицо, смывая дневную пыль и пот. Когда она подняла голову, струйки побежали за ворот, и это было приятно. Жаль, что нельзя раздеться совсем и поплавать, порезвиться в теплой воде, как розовая выдра. Может, ей удалось бы доплыть до самого Винтерфелла.

Уот позвал ее, чтобы помогала искать, и она принялась заглядывать в сараи, пока ее лошадь паслась на лугу. Им попадались паруса, гвозди, ведра с застывшей смолой и кошка с выводком котят, но лодок не было.

Когда вернулись Йорен и остальные, в городе стало темно, как в лесу.

— В усадьбе никого, — сказал он. — Лорд то ли ушел на войну, то ли спрятался где-то со всеми домочадцами. В городе ни лошади, ни свиньи, но без еды мы не останемся. Тут где-то разгуливал гусь, кур я тоже видел, а в Божьем Оке полно рыбы.

— Все лодки увели, — сообщила Арья.

— Можно залатать дно у той, что на берегу, — сказал Косс.

— В ней разве что четверо поместятся.

— Гвозди у нас есть, а вокруг полно деревьев, — вмешался Ломми. — Можем сами построить лодки.

— Ты что-нибудь смыслишь в постройке лодок, красильщик? — плюнул Йорен.

— Лучше плот, — предложил Джендри. — Плот всякий может построить. Вырубим шести и поплывем.

Йорен призадумался.

— Для шестов будет слишком глубоко, если плыть напрямик, но если держаться у берега... Повозки придется бросить, но мысль неплохая. Я это обмозгую — утро вечера мудренее.

— Может, заночуем в гостинице? — сказал Ломми.

— Мы заночуем в крепости, заперев ворота. В каменных стенах мне лучше спится.

— Нельзя нам тут оставаться, — не сдержалась Арья. — Местные все убежали, даже лорд.

— Арри трусит, — заржал Ломми.

— Я-то нет, — отрезала она, — а вот они да.

— Ты у нас парнишка смышленный, — сказал Йорен, — но все дело в том, что здешних жителей волей-неволей затрагивает война, а нас нет. Ночной Дозор ни на чьей стороне, потому и врагов у нас быть не может.

«И друзей тоже», — подумала она, но на сей раз промолчала. Ломми и все остальные смотрели на нее, и ей не хотелось показаться трусихой.

Ворота крепости были скреплены большими гвоздями. Внутри лежала пара железных брусьев толщиной с молодые деревца. Когда их вставили одним концом в ямку у ворот, а другим в гнездо, получился огромный Х-образный засов. После того как они обследовали крепость сверху донизу, Йорен сказал, что это, конечно, не Красный Замок, но на ночь вполне сойдет. Десятифутовой вышины стены были сложены из грубого

неошпугатуренного камня с деревянным настилом поверху. На северной стороне имелась калитка, а в деревянном амбаре под соломой Геррен обнаружил люк, ведущий в узкий, извилистый подземный ход. Геррен прошел его до конца и оказался у озера. Йорен велел поставить на люк повозку, чтобы никто не пробрался к ним этим путем, разделил всех на три стражи, а Тарбера, Курца и Тесака послал на башню караулить. Курцу дали охотничий рог, чтобы затрубить в случае опасности.

Повозки и животных завели внутрь и заперли за ними ворота. В шатком амбаре могла поместиться скотина со всего города. Убежище, где прятались горожане в опасные времена, было еще больше — низкое длинное каменное строение под соломенной крышей. Косс, выйдя за калитку, поймал гуся и двух кур, и Йорен разрешил развести костер. В крепости имелась большая кухня, но всю утварь с нее забрали. Стряпать выпало Джендри, Добберу и Арье. Доббер велел ей ощипать птицу, пока Джендри колот дрова.

— А я почему не могу дрова колоть? — спросила она, но никто ее не слушал. Она надулась и принялась ощипывать курицу. Йорен, сидя на другом конце скамьи, точил о брусок кинжал.

Когда ужин был готов, Арья получила куриную ножку и немного лука. За едой все говорили мало, даже Ломми. Джендри, поев, стал полировать свой шлем с таким видом, точно его тут и вовсе нет. Маленькая плакса плакала, но когда Пирожок дал ей кусок гусятины, она мигом управилась с ним и стала ждать, не дадут ли еще.

Арье досталась вторая стража, и она улеглась на соломенный тюфяк в убежище, но сон не шел к ней. Она попросила у Йорена брусок и принялась точить Иглу. Сирио Форель говорил, что тупой клинок — все равно что хромая лошадь. Пирожок, присев на соседнем тюфяке, следил за ее работой.

— Где ты взял такой хороший меч? — спросил он. Она сверкнула на него глазами, и он примирительно вскинул руки. — Я ж не говорю, что ты его украл, — просто хочу знать, где ты его взял, вот и все.

— Брат подарил, — буркнула она.

— А я и не знал, что у тебя брат есть.

Арья почесала себя под рубашкой. В соломе были блохи — хотя непонятно, какое неудобство могла принести парочка новых.

— У меня их много.

— Старшие или младшие?

Не надо было ей говорить об этом. Йорен велел ей держать язык за зубами.

— Старшие. У них тоже мечи есть — длинные мечи, и они научили меня, как убивать людей, которые ко мне пристают.

— Я не пристаю, я просто разговариваю. — Пирожок ушел, и Арья свернулась калачиком на тюфяке. Где-то в передней части дома плакала маленькая девочка. Хоть бы она унялась наконец. Ну почему она все время плачет?

Должно быть, Арья уснула, хотя даже не помнила, как закрыла глаза, и ей приснилось, что снаружи воет волк — да так жутко, что она сразу проснулась. Сев на тюфяке с бьющимся сердцем, она крикнула:

— Пирожок, проснись. Уот, Джендри, вы что, не слышали? — Она натянула один сапог.

Мужчины и мальчишки вокруг заворочались.

— Что стряслось-то? — спрашивал Пирожок.

— Чего не слышали? — ворчал Джендри.

— Арри приснился плохой сон, — сказал кто-то.

— Да нет же, я слышал, — настаивала она. — Это был волк.

— У Арри волки в голове, — засмеялся Ломми.

— Пусть себе воют, — сказал Геррен, — они там, а мы тут.

— Волки крепость штурмовать не станут, — согласился Уот.

— Я ничего не слышал, — заявил Пирожок.

— Это был волк, — крикнула она, натягивая второй сапог. — Случилось что-то плохое

— вставайте!

Не успели они обрушиться на нее с новыми насмешками, как вой раздался снова — только теперь это был не волк, это Курц дул в свой охотничий рог, поднимая тревогу. В мгновение ока все повскакали, натягивая одежду и хватая то оружие, которое имели. Когда рог затрубил опять, Арья бросилась к воротам. Пробегая мимо амбара, она услышала, как Кусака яростно рвет свои цепи, а Якен Хгар окликнул ее:

— Мальчик! Славный мальчик! Что там, война? Освободи нас, мальчик, — человек хочет сражаться!

Но она бежала дальше, не слушая его. За стеной стал слышен лошадиный топот и крики.

Она взобралась наверх. Парапеты были для нее высоки, и ей пришлось стать ногами в трещину между камнями, чтобы выглянуть наружу. На миг ей показалось, что город кишмя кишит светляками — потом она поняла, что это люди с факелами мечутся между домами. Занялась соломенная крыша, и оранжевый язык лизнул брюхо ночи. За ним последовали другие, и скоро огни запылали повсюду.

Джендри взобрался к ней со шлемом на голове.

— Сколько их там?

Арья попыталась посчитать, но всадники носились слишком быстро, размахивая своими факелами.

— Сто или двести — не знаю. — Сквозь рев пламени слышались крики. — Скоро они за нас примутся.

— Гляди, — показал Джендри.

Между горящих домов к крепости двигалась конная колонна. Пожар оранжево-желтыми бликами озарял шлемы, кольчуги и панцири всадников. Один держал знамя на длинном копье. Арье показалось, что оно красное, но об этом трудно было судить ночью, когда кругом ревел пожар: сейчас все казалось черным, красным или оранжевым.

Огонь перекидывался с одного дома на другой. Вот вспыхнуло дерево, и его ветви оделись пляшущей рыжей кроной. Все, кто был в крепости, поднялись — одни стояли на стенах, другие унимали испуганных животных внизу. Что-то стукнулось об ногу Арьи — она посмотрела и увидела маленькую плаксу.

— Уйди! — крикнула Арья, выдернув ногу. — Что ты здесь делаешь? Беги спрячься, глупая.

Всадники остановились перед воротами.

— Эй, в крепости! — крикнул рыцарь в высоком остроконечном шлеме. — Откройте именем короля!

— Это которого же? — отозвался старый Рейзен, не успел Уот его остановить.

Йорен взошел на стену у ворот со своим выгоревшим черным плащом на шесте.

— Оставайтесь там, где вы есть! — прокричал он. — Жители покинули город.

— А ты кто такой, старик? — осведомился рыцарь. — Трусливый пес лорда Берика?

Если этот жирный дурак Торос с тобой, спроси его, как ему нравится огонь, зажженный нами.

— Нет здесь таких. Только парни для Ночного Дозора. Нам до вашей войны дела нет. — Он поднял шест повыше. — Не видите, что ли, что знамя у нас черное?

— Это также цвет дома Дондаррионов, — заметил вражеский знаменосец. Теперь Арья разглядела его флаг: золотой лев на красном поле. — Эмблема лорда Берика — пурпурная молния на черном.

Арья вдруг вспомнила, как бросила в Сансу апельсин и забрызгала соком ее дурацкое шелковое платье. Тогда на турнире был какой-то южный лорд, и глупая сестрина подружка Джейни в него влюбилась. У него была молния на щите, и отец Арьи послал его отрубить голову брату Пса. Как будто тысячу лет назад это было, в другой жизни, с другим человеком... с Арьей Старк, дочерью десницы, а не с сироткой Арри. Разве Арри мог знаясь с лордами?

— Ты что, слепой? — Йорен помахал плащом из стороны в сторону. — Где ты видишь тут свою поганую молнию?

— Ночью все знамена черные, — ответил рыцарь в остроконечном шлеме. — Открывай, не то мы будем считать вас разбойниками, стакнувшимися с врагами короля.

Йорен плюнул.

— Кто вами командует?

— Я. — Другие всадники расступились, давая дорогу, и пламя отразилось в броне боевого коня. Командир был грузный человек с мантикором на щите и витыми узорами на стальном панцире. В открытом забрале шлема виднелась бледная свиньячья образина. — Сир Амори Лорх, знаменосец лорда Тайвина Ланнистера из Бобрового Утеса, десницы короля. Настоящего короля — Джоффри. — Голос у него был высокий и тонкий. — Его именем приказываю вам открыть ворота.

Город горел, в воздухе стоял дым, и красных искр было больше, чем звезд.

— Не вижу в этом нужды, — нахмурился Йорен. — С городом делайте что хотите, нам до него дела нет, а нас оставьте в покое. Мы вам не враги.

«Смотрите вашими глазами», — хотелось Арье крикнуть людям внизу.

— Разве они не видят, что мы не лорды и не рыцари? — прошептала она.

— Я думаю, им все равно, Арри, — шепнул в ответ Джендри.

Она посмотрела на лицо сира Амори, как Сирио учил ее смотреть, и поняла, что Джендри прав.

— Если вы не предатели, откройте ворота, — настаивал сир Амори. — Мы убедимся, что ты говоришь правду, и продолжим свой путь.

Йорен жевал кислolist.

— Говорю тебе — здесь никого нет, кроме нас. Даю вам слово.

Рыцарь в высоком шлеме рассмеялся:

— Ворона дает нам свое слово.

— Ты, часом, не заблудился, старик? — хохотнул кто-то из копыеносцев. — Стена далеко к северу отсюда.

— Еще раз приказываю тебе именем короля Джоффри доказать свою верность ему и открыть ворота, — сказал сир Амори.

Йорен долго думал, жуя свою жвачку, потом плюнул и сказал:

— Что-то не хочется.

— Я так и думал. Вы отказываетесь подчиниться приказу короля и тем изобличаете себя как мятежников, черные на вас плащи или нет.

— У меня тут мальчишки. Дети.

— Дети и старики умирают одинаково. — Сир Амори лениво поднял кулак, и кто-то метнул копьё из тени, отбрасываемой пожаром. Копьё, должно быть, метило в Йорена, но попало в Уота рядом с ним. Острие вонзилось в горло и вышло из затылка, темное и влажное. Уот схватился за древко и мешком свалился со стены.

— Возьмите крепость и убейте их всех, — скучливо произнес сир Амори. Полетели другие копьё. Арья дернула Пирожка за полу камзола, пригнув его вниз. Снаружи гремели доспехи, шуршали мечи, вынимаемые из ножен, копьё стучались о щиты вперемешку с руганью и топотом копыт. Над головами у них пролетел, роняя искры, факел и шлепнулся в грязь на дворе.

— К оружию! — вскричал Йорен. — Станьте пошире и защищайте стену там, где они будут атаковать. Косс, Утрег, держите калитку. Ломми, вытащи копьё из Уота и стань на его место.

Пирожок стал доставать свой короткий меч и уронил его. Арья сунула клинок ему в руку.

— Я не умею с ним обращаться, — сказал он, глядя на нее белыми глазами.

— Это легко. — Но ложь застряла у Арьи в горле, потому что за парапет ухватила чья-то рука. При свете горящего города Арья видела ее так ясно, словно время остановилось. Толстые мозолистые пальцы с курчавыми черными волосками между костяшками, с грязью под ногтем большого пальца. Страх ранит глубже, чем меч, напомнила себе Арья, когда вслед за рукой показалась верхушка круглого шлема.

Она взмахнула Иглой сверху вниз, и кованная в замке сталь рубанула прямо по костяшкам.

— Винтерфелл! — закричала Арья. Хлынула кровь, пальцы отлетели прочь, и шлем исчез так же внезапно, как и появился.

— Сзади! — завопил Пирожок. Арья обернулась. На стену лез другой солдат, бородатый и без шлема, держа кинжал в зубах, чтобы освободить обе руки. Когда он перекинул ногу через парапет, Арья ткнула мечом ему в глаза. Игла не коснулась его — он отшатнулся и упал. Хоть бы он хлопнулся лицом вниз и язык себе откусил.

— Ты за ними следи, а не за мной! — рывкнула она на Пирожка. В следующий раз тот сам рубанул врага по рукам своим коротким мечом и скинул вниз.

Лестниц у сира Амори не имелось, но по крепостным стенам, сложенным из дикого камня, карабкаться было легко, и врагам не было конца и края. На месте каждого, кого Арья рубила, колола и спихивала со стены, тут же появлялся другой. Рыцарь в остроконечном шлеме взобрался на гребень, но Йорен накрыл его своим черным знаменем и сунул кинжал в щель его доспехов. Со всех сторон летели факелы, и языки пламени еще долго стояли у Арьи перед глазами. Золотой лев на красном поле напоминал ей о Джоффри, и она жалела, что его здесь нет: она вогнала бы Иглу в его ухмыляющуюся рожу. Четверо солдат с топорами бросились на ворота, но Косс снял их из лука одного за другим. Доббер повалил своего противника на стену, а Ломми размозжил врагу голову камнем, не успев тот встать, и заулюлюкал — но у Доббера в животе торчал нож, и он тоже не поднялся больше. Арья перескочила через убитого парня не старше Джона — у него была отрублена рука. Она вроде бы этого не делала, хотя кто знает? Куил взмолился о пощаде, но рыцарь с осой на щите раздробил ему лицо своей шипастой булавой. Пахло кровью, дымом, железом и мочой, но

потом все эти запахи как-то слились воедино. Какой-то тощий человек ухитрился взобраться на стену, и она кинулась на него вместе с Джендри и Пирожком. Джендри ударил его мечом, сбив шлем с головы. Он был лысый и напуганный, у него недоставало зубов, и борода была седая — Арья даже пожалела его, но все равно убила, крича: «Винтерфелл! Винтерфелл!», а Пирожок с криком «Пирог горячий!» рубанул врага по тонкой шее.

Когда тощий упал, Джендри забрал его меч и спрыгнул во двор, где тоже кипела битва. Огонь мерцал на кольчугах и клинках — враги то ли перелезли где-то через стену, то ли прорвались в калитку. Арья спрыгнула рядом с Джендри — мягко, как учил ее Сирио. В ночи звенела сталь и слышались крики раненых и умирающих. Арья не знала, куда бежать, — смерть была повсюду.

Тут Йорен встряхнул ее и заорал:

— *Мальчик!* Уходи отсюда — наше дело пропащее. Собери мальчишек, кого сможешь, и уводи их. Скорей!

— Но как? — крикнула она.

— Через тот люк. В амбаре.

И он снова кинулся в бой. Арья схватила Джендри за руку, крича:

— Он велел нам уходить. Через амбар.

Глаза Быка в прорезях шлема отражали огонь. Он кивнул. Они позвали Пирожка со стены и нашли Ломми Зеленые Руки — он лежал с пробившим ногу копьем. Геррен был ранен слишком тяжело, чтобы бежать с ним. В хаосе и дыму, среди мертвых тел, сидела маленькая плакса. Арья схватила ее за руку, но девчушка не хотела идти — даже шлепки не помогали. Арья потащила ее за собой правой рукой, держа Иглу в левой. Ночь светилась тускло-красным огнем. «Это амбар горит», — подумала Арья. Пламя факела, упавшего в солому, лизало его стены, и животные, запертые внутри, кричали в голос. Из амбара выскочил Пирожок.

— Арри, скорее! Ломми уже там! Брось ее, если не хочет идти!

Арья упрямо тащила девочку за собой. Пирожок шмыгнул обратно, но вместо него выбежал Джендри. От огня его шлем так сиял, что рога казались оранжевыми. Он вскинул маленькую плаксу себе на плечо.

— Бежим!

В амбаре было жарко, как в печи. Клубился дым, и задняя стена пылала сверху донизу. Лошади и ослы бились и кричали. «Бедные», — подумала Арья. Потом она увидела повозку и трех закованных в ней. Кусака рвал цепи, и кровь текла у него по рукам. Рорж пинался и ругался во всю глотку. Якен Хгар крикнул:

— Мальчик! Славный мальчик!

Открытый люк был всего в нескольких футах перед ней, но огонь распространялся быстро, пожирая сухое дерево и солому с такой быстротой, что даже не верилось. Арья вспомнила страшное обожженное лицо Пса.

— Ход узкий, — крикнул Джендри. — Ее тут не протащишь.

— Толкай перед собой, — ответила Арья.

— Добрые, хорошие мальчишки, — звал, кашляя, Якен Хгар.

— Снимите эти сраные цепи! — орал Рорж.

Джендри их не слушал.

— Лезь ты первый, потом она, потом я. Скорее — ход длинный.

— Ты куда дел топор, когда дрова колол?

— Он там, около убежища. — Джендри бросил взгляд на закованных. — Я бы лучше ослов спас, да времени нет.

— Бери ее! — крикнула Арья. — Тащи! — И выскочила из амбара, а огонь бил у нее за спиной горячими красными крыльями. Снаружи была блаженная прохлада, но люди гибли повсюду. Косс бросил свой клинок в знак того, что сдается, но его убили на месте. Все заволкло дымом. Йорена не было видно, но топор торчал там, где Джендри его оставил, — у поленницы рядом с убежищем. Арья выдернула его из чурбана, и чья-то рука в кольчуге схватила ее. Она вогнала топор врагу между ног. Лица она не видела — только темную кровь, проступившую сквозь железные звенья. Возвращение в амбар оказалось самым трудным делом в ее жизни. Дым полз из открытой двери, как черный змей, а внутри кричали ослы, лошади и люди. Она закусил губу, пригнулась и проскочила в месте, где дым был не так густ.

Ослик, охваченный огненным кольцом, вопил от ужаса и боли, и пахло паленой шерстью. Крыша тоже горела, роняя вниз дерево и солому. Арья зажала рукой нос и рот. Повозку за дымом не было видно, но рев Кусаки указывал путь.

Рядом выросло колесо. Повозка подскочила и проехала с полфута — это Кусака опять рванул свои цепи. Якен увидел Арью, но тут и дышать было трудно, не то что разговаривать. Она швырнула топор в повозку. Рорж поймал его и поднял над головой, Пот, смешанный с копотью, стекал по его безносому лицу. Арья, кашляя, пустилась бегом. Позади сталь обрушилась на старое дерево — еще раз и еще. Миг спустя раздался громовой треск, и из повозки вывалилось днище.

Арья вниз головой нырнула в туннель, на глубину в пять футов. Грязь набилась ей в рот, но ничего, это был восхитительный вкус — земли, воды, червей, жизни. Под землей было темно и прохладно — наверху лилась кровь, ревел огонь, валил дым и визжали гибнущие животные. Арья повернула пояс, чтобы Игла не мешала, и поползла. Футов через десять она услышала шум, похожий на рев какого-то чудища, и в туннель хлынуло облако дыма и черной пыли, пахнущее адом. Арья, задержав дыхание, ткнулась лицом в грязь и заплакала — сама не зная о ком.

Королева не была расположена ждать Вариса.

— Измена сама по себе зло, — с яростью заявила она, — но это явная, ничем не прикрытая подлость, и я не желаю, чтобы этот приторный евнух учил меня, как поступать с подлецами.

Тирион взял у сестры письма и сравнил их. Это были две копии, совершенно одинаковые, хотя и написанные разным почерком.

— Первое получил мейстер Френкен в замке Стокворт, — пояснил великий мейстер Пицель, — второе передал нам лорд Джайлс.

Мизинец расчесал пальцами бороду.

— Если Станнис даже их не забыл, то такое же послание почти наверняка получил каждый лорд Семи Королевств.

— Я хочу, чтобы эти письма сожгли все до единого, — провозгласила Серсея. — Ни один намек на это не должен достичь ушей моего сына и моего отца.

— Думаю, что отец уже услышал — и не только намек, — сухо заметил Тирион. — Станнис, без сомнения, послал птиц и в Бобровый Утес, и в Харренхолл. Что до сожжения писем, то какой в этом смысл? Песенка спета, вино пролито, девица брюхата. Да и не столь это страшно, как кажется.

Серсея повернулась к нему, сверкая зелеными глазами.

— У тебя что, вовсе мозгов нет? Ты читал, что там написано? «Отрок Джоффри» — вот как он выражается. И при этом смеет обвинять меня в кровосмешении, убийстве и измене!

«Обвиняет, потому что ты виновна. — Удивительно было видеть, как кипятится Серсея из-за этих обвинений, хотя ей прекрасно известно, что это чистая правда. — Если мы проиграем войну, ей следует поступить в балаган — она прирожденная лицедейка». Тирион дождался, когда она умолкнет, и сказал:

— Нужно же Станнису чем-то оправдать свой мятеж. Что он, по-твоему, должен был написать? «Джоффри — законный сын и наследник моего брата, но я тем не менее намерен отнять у него трон?»

— Я не потерплю, чтобы меня обзывали шлюхой!

«Полно, сестра, — он ведь не утверждает, что Джейме тебе платил». Тирион притворился, что читает письмо заново. Была там одна любопытная фразочка...

[Купить полную версию книги](#)

Это можно перевести как «Достойный моря».

Клинок, имеющий грубую крупнозернистую структуру поверхности.